

У ИСТОКОВ
РУССКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ
ПОЭЗИИ

У ИСТОКОВ
РУССКОЙ
ПРОЛЕТАР-
СКОЙ
ПОЭЗИИ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
издатель

Gi

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Е.Е. НЕЧАЕВ, Ф.С. ШКУЛЕВ,
А.М. ГМЫРЕВ

*Вступительная статья
А. М. Бихтера*

*Биографические справки,
подготовка текста и примечания
Р. А. Шацевой и О. Е. Афонинной*

В этом сборнике представлено стихотворное наследие трех талантливейших поэтов рабочего класса, зачинателей пролетарской поэзии в России — Е. Е. Нечаева (1859—1925), Ф. С. Шкулева (1868—1930) и А. М. Гмырева (1887—1911). Стихи этих поэтов — живая летопись пролетарского освободительного движения. Вместе с тем они ярко отражают своеобразие творческого облика каждого поэта. Разнообразные по своим мотивам, настроениям, по фактуре стиха, произведения Нечаева, Шкулева, Гмырева представлены в этой книге с наибольшей полнотой. Свыше тридцати стихотворений публикуется здесь впервые.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

1

В последние десятилетия XIX века в русской литературе, и прежде всего в поэзии, возникают принципиально новые явления, связанные с зарождением (еще в недрах буржуазного общества) новых общественно-экономических отношений.

Так, в самом начале 1880-х годов, молодой рабочий Егор Нечаев создает свои первые стихи, посвященные тяжелому труду рабочих-хрустальщиков, их горькой и беспросветной жизни. К концу 80-х — началу 90-х годов относятся первые поэтические опыты Филиппа Шкулева, Федора Гаврилова, Михаила Савина и других рабочих поэтов. Художественно незрелые, порою подражательные, стихи эти не имели и не могли еще иметь самостоятельной эстетической ценности, однако в истории русской поэзии они уже заняли свое определенное место. В них зазвучала новая тема, появился новый герой, новым — и это главное — было отношение к нему автора. Впервые труд рабочего был показан в этих стихах не со стороны, а увиден глазами самого рабочего. И какими бы единичными и даже случайными ни казались вначале такого рода явления — они были закономерным следствием важнейшего общественно-политического события эпохи: на историческую арену русской жизни выступила могучая социальная сила — промышленный пролетариат.

Заметной вехой в формировании пролетарской поэзии принято считать дату выхода первого «Сборника пролетарских писателей» —

июнь 1914 года. В предисловии к этому изданию А. М. Горький писал: «Возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы». ¹

Следует, однако, подчеркнуть, что самое появление такого сборника было не столько началом, сколько завершением определенного этапа собирания сил пролетарской поэзии, результатом длительного подготовительного процесса. ²

Когда мы говорим об истоках русской пролетарской поэзии, то имеем в виду прежде всего раннюю фазу ее развития, первые ростки ее; они, естественно, были еще очень далеки от зрелых образцов пролетарского искусства, отмеченных высоким уровнем социалистической сознательности и художественного мастерства.

В первые годы своего существования пролетарская поэзия в России еще очень слаба. Рабочие поэты не поднимаются до идеи классовой непримиримости и борьбы. Основной мотив их стихотворных выступлений — горькие жалобы на бесправное положение и невыносимые условия труда, наивно-сентиментальные мечты о лучшей жизни, порою даже призывы к терпению и покорности судьбе.

Общезвестно, что не только социальная принадлежность писателя и не рабочая тематика произведений, но прежде всего степень социалистической сознательности творчества, отражение мировоззрения своего класса служат одним из важнейших критериев для определения существа и качества пролетарского искусства. Однако при анализе его различных явлений этот критерий должен сочетаться со строго историческим подходом к истолкованию фактов. Не следует забывать, что и социалистическая сознательность и чистота классового мировоззрения далеко не сразу были завое-

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, М., 1953, с. 169.

² Процесс этот начался, по-видимому, в 80-е годы, и вряд ли, не впадая в ошибку, можно говорить о более ранних попытках художественного выражения идей рабочего класса. В этой связи не следует, мне кажется, расценивать как образец рабочего творчества стихотворение «Не трава в степи колышется...», напечатанное в народническом органе «Вперед» в 1876 году (см. сб. «Революционная поэзия», «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1959, с. 8). Присланное в редакцию как «стихотворение рабочего», оно по всему характеру своему, по словарю, по некоторым особенностям в использовании фольклора очень близко к традиции подпольной народнической поэзии 70-х годов и не может, очевидно, быть расматриваемо как начало пролетарской поэтической традиции.

ваны рабочим классом. Отсутствие перечисленных свойств в стихах рабочих поэтов 80—90-х годов XIX века не может служить основанием для того, чтобы вывести эти литературные явления из рула пролетарского искусства и тем самым в урезанном виде представить путь его развития.¹ Зарождение пролетарской поэзии в России — это процесс, прикрепленный к эпохе возникновения и развития революционного рабочего движения в стране и неразрывно с ним связанный.

Для того чтобы понять и правильно оценить генезис пролетарской поэзии, надо прежде всего отчетливо представить себе историческую обстановку, в которой она возникла.

К началу 1880-х годов относятся последние эпизоды героической борьбы народолюбцев с царизмом. Достигнув высшей точки своего подъема — 1 марта 1881 года, — революционное народничество переживает трагический кризис, наглядно обнаруживший всю теоретическую несостоятельность общественно-политических идеалов народолюбцев, а также непригодность их метода заговоров и индивидуального террора.

Важнейшими событиями в развитии революционной мысли в России в 1880—1890-е годы были распространение марксизма и разгром переродившегося народничества, осуществленный Лениным и Плехановым. Однако первые шаги рабочего революционного движения проходят еще вне воздействия социал-демократической идео-

¹ С подобной концепцией мы встретились в недавно вышедшей в целом интересной книге В. А. Келдыша «Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и революционная поэзия» (М., 1964). В ней сделана, на наш взгляд, недостаточно аргументированная попытка разорвать единый процесс выработки пролетарского сознания от ранних, идейно слабых, до высших его этапов и тем самым вывести из развития ранней пролетарской поэзии характерные и значительные имена Е. Нечаева, Ф. Шкулева, Ф. Гаврилова, М. Савина и других. На протяжении всей книги они упорно именуется поэтами-«суриковцами», при этом речь идет о мешанской идеологии, о культуре уныния и тоски у последователей Сурикова, о проповеди умеренности в их поэзии и т. п. И только о стихах Ф. Шкулева эпохи 1905 года говорится, что они «выражают хотя и не социалистическое, но уже пролетарское сознание». Думается, что материал настоящего сборника убедительно опровергает подобную концепцию. Идейная слабость ранних произведений М. Савина, Ф. Шкулева и других очевидна. Преемственная связь с Суриковым — бесспорный факт их личной и творческой биографии. Однако дальнейший их путь именно как поэтов рабочего класса настолько ярок и значителен, что не оставляет никакого сомнения в их принадлежности к предшественникам и зачинателям русской пролетарской поэзии.

логии, внесенной в дальнейшем в рабочее движение теоретическими трудами и пропагандистской деятельностью профессиональных революционеров — первых русских марксистов.

В этих исторических условиях идейная ограниченность ранней пролетарской поэзии, ее художественная неполноценность, ее подражательный характер находят вполне реальное объяснение.

В работах Ленина 1890-х годов мы неоднократно встретим указания на слабость и разрозненность первых этапов рабочего движения в России, что, как известно, не помешало ему тогда же поставить вопрос о грядущей роли русского пролетариата в политической борьбе народных масс, в подготовке и победе социалистической революции.

«На класс рабочих, — уже в 1894 году писал Ленин, — и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».¹

Если Ленин говорил в 90-е годы о политической отсталости и классовой разрозненности русского рабочего, о стихийном характере его борьбы, то очевидно, что первые опыты поэтического творчества, зародившиеся в рабочей среде в конце 70-х и в 80-е годы, не могли еще содержать в себе зрелой политической мысли.

Типичны даже для начала 90-х годов такие мотивы творчества рабочих поэтов, как например в стихотворении М. Савина «Желание», где жизненным идеалом утверждается прикрашенное деревенское существование:

Блинами сытно наедаться,
Горячим чаем запивать,
Степенно с старшими держаться,
В кругу молодежь гарцевать...

¹ В. И. Ленин, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — Полное собрание сочинений, т. 1, с. 311—312.

Надевши валенки, овчинный
Тулуп, на дровнях в лес езжать,
Под звуки прялки в вечер длинный
На печке теплой засыпать.

В ранних стихах Ф. Шкулева мы встречаемся порою с такой же наивной оценкой рабочего труда и социального облика труженика-пролетария. Труд только как источник существования — такая идея стихотворения «Кто хочет в жизни научиться...», а в стихотворении, озаглавленном «Пролетарий»,¹ изображение труда и жизни рабочих носит мрачный, безнадежный характер:

Чтоб легче таскать было камни,
Мы часто «Дубину» поем...
Чтоб боль заглушить наших грудей,
Сивуху мы горькую пьем.

~~Мы~~ в холод, тепло и ненастье
Под небом открытым живем;
Едим — что бросают другие,
И воду болотную пьем.

Подонками нас называют,
И всё мы покорно несем,
Мы все без лекарства хвораем
И все без напутствия мрем.

Конечно, подобные стихи, может быть отчасти навеянные пессимистическими мотивами тогдашней лирики, выражают мысли и чувства, еще очень далекие от позиции пролетарского борца, образ которого в дальнейшем станет центральным образом русской пролетарской поэзии. Однако по мере развития революционного движения быстро растут сознательность, идейность, революционная острота и глубина поэзии рабочего класса. Этот рост сказывается с большой силой к 1905 году и в годы подготовки новых революционных боев.

Тот самый Савин, который еще недавно, по сути дела, идеализировал деревенский быт, создает в 1905—1906 годах такие яркие сатирические произведения, как басня «Две свиньи» или «Совре-

¹ Опубликовано в книге: Ф. С. Шкулев, Кто виноват? (Книжка вторая), М., 1903.

менная песня булочников» с темой политической стачки рабочих-пекарей:

Ведь не пять нас и не десять,
А уж тысячи встают.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут.

После 1905 года отдельные взлеты творческой мысли рабочего класса все больше превращаются в целостное художественное явление пролетарской поэзии.

Таким образом, противоречивость сознания ранних пролетарских поэтов естественна и исторически объяснима. Вчерашние крестьяне, рабочие 80-х — начала 90-х годов, придавленные всей безмерной тяжестью обрушившегося на них гнета капиталистической эксплуатации, участники первых экономических стачек, затем члены ранних рабочих организаций, наконец, герои классовых и революционных битв, — далеко не сразу отражали они в своем творчестве социалистические идеалы, ясные перспективы политической борьбы. Однако волновавшая еще Маркса и Энгельса проблема строительства пролетарской художественной культуры и, в частности, задача пробуждения художников в самой трудящейся массе в какой-то степени, на данном историческом этапе, уже решалась русскими рабочими поэтами.

Сложность и многогранность русской пролетарской поэзии сказываются прежде всего в том, что, развиваясь вместе с рабочим классом, являясь как бы частью его борьбы, она не оставалась неподвижной, не истощивала себя на каких-то первых, ранних этапах ее развития. Получая новые идейные и художественные импульсы, она менялась качественно по мере роста и расширения задач пролетарской борьбы, задач социалистической революции.

Следует говорить о двух потоках пролетарской поэзии в России: о том, который шел от стихийного творчества самих рабочих масс, на первых порах еще не поднимавшихся до сознательно-социалистического уровня, и о поэтическом творчестве профессиональных революционеров, несшем ясную социалистическую мысль, претворявшем в песни и поэтические строки лозунги и призывы партии.

Имена Л. П. Радина, Г. М. Кржижановского, А. В. Луначарского, А. А. Богданова, А. Я. Коца, их поэтические опыты в создании революционных песен, сатирической и героической лирики имели решающее значение для развития пролетарской поэзии коң-

ца 90-х — начала 900-х годов. Не забудем, что в конце 90-х годов появляются песни Л. П. Радина («Смело, товарищи, в ногу...»), Г. М. Кржижановского («Варшавянка», «Красное знамя»), в самом начале 900-х годов А. Я. Коц создает русский текст «Интернационала». Складывается революционная песенная традиция, в свою очередь оказавшая огромное влияние и на революционизирование сознания широких рабочих масс и на дальнейшие творческие опыты рабочих поэтов.

Слияние этих двух потоков на рубеже грандиозных событий 1905 года, несомненно, дало новое плодотворное направление развитию пролетарской поэзии в России. Взаимно переплетаясь и обогащаясь, они вырастали в единую и могучую силу. Поэзия рабочего класса воздействовала теперь на отсталую часть рабочих, обращалась уже и к крестьянству, как союзнику в борьбе. Творчество поэтов эпохи «Звезды» и «Правды», появление стихов и басен Демьяна Бедного стало значительным событием, крупным шагом вперед по пути к овладению высотами пролетарского искусства.

На этом пути пролетарской поэзии предстояла еще одна решающая встреча — с Горьким.

Итоги этой встречи следует оценивать в двух планах. Прежде всего Горький выступает как организатор и собиратель пролетарской поэзии. С постоянной чуткостью и заботливостью относился он ко всякому проявлению творческой активности поэтов — выходцев из народа. Оценивая (в статье «О писателях-самоучках») сборник «Галерея современных поэтов» (1909), Горький писал: «Там встретите такие строки калужского крестьянина Савина, автора сборников «Песни рабочего» и «Свободные песни»:

Жизнь есть борьба,
Я с ней борюсь,
Пусть бьет судьба —
Не покорюсь.

Шкулева, крестьянина:

Только трудом
Все мы живем,
Труд наш отец,
Счастья кузнец,
С ним мы порвем
Цепи и гнет,
Смело вперед!

«Песнь о свободе» рабочего Нечаева, где есть такие строки:

...ты померкла предо мной...
Но голос твой звенит повсюду,
Как в дни весенние ручей,
И силой властною своей
Вливает страждущему люду
В сердца живительный елей!

Сотрудники этой «Галереи» — рабочие, приказчики, люди тяжелого ежедневного труда, и все это — люди живой души...

Я обращаю внимание читателя также и на ряд других сборников «писателей из народа», или «самоучек», — просмотрите их, и вы увидите, как велика разница настроений в литературе признанной и в этих тонких книжках, написанных простыми, искренними людьми, которые знают жизнь непосредственно.

Прошу помнить, что я говорю не о талантах, не об искусстве, а о правде, о жизни, а больше всего — о тех, кто дееспособен, бодр духом и умеет любить вечно живое и все растущее благородное — человеечь». ¹

Горький и в дальнейшем продолжал с глубоким вниманием следить за развитием творчества рабочих писателей и поэтов, оказывал им всестороннюю помощь. Широко известна его роль в подготовке и выпуске сначала первого, а затем и второго сборника пролетарских писателей.

И в то же время, постоянно подчеркивая то качественно новое, что несет в своем развитии молодая пролетарская литература, Горький не переставал воспитывать художественные вкусы авторов, говорил о необходимости учиться у великих мастеров культуры прошлого, приобщаться к бессмертным источникам поэтического творчества.

В этом и заключался другой, не менее, а может быть, и более важный итоговый результат этой встречи пролетарских поэтов с творчеством Горького: пролетарская литература в целом безмерно обогатилась философской глубиной, гуманистической проникновенностью, широтой постановки социальных вопросов, ценнейшими завоеваниями горьковского художественного метода.

Творчество Горького утверждало высочайший уровень уже не только русского, но и мирового пролетарского искусства.

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, М., 1953, с. 120—121.

Пролетарская поэзия — явление не только русской действительности. Массовое пробуждение творческих сил рабочего класса носило международный характер и было знаменем приближающейся новой эпохи в истории человечества.

Многие общие черты, роднящие между собой пролетарскую поэзию во всех странах, где она получила свое развитие, свидетельствуют о единой классовой природе этой поэзии. И прежде всего это боевой революционный дух, оптимизм, жизнеутверждающее мировоззрение молодого искусства. Черты эти особенно выделялись на мрачном фоне буржуазной литературы конца века. Так, Ф. Меринг в статье «Искусство и пролетариат», говоря о противоречии между современным искусством и теми требованиями, которые предъявляет к нему рабочий читатель и зритель, видит суть этого противоречия в том, что «современное искусство в основе своей глубоко пессимистично, а современный пролетариат глубоко оптимистичен».¹ О том же говорит и Горький в уже цитированной статье «О писателях-самоучках» (1911). Сравнивая литературу печатную и литературу рукописную (то есть образцы декадентской литературы со стихами рабочих поэтов), Горький находит в них «полную и явную разницу настроений: в литературе печатной — настроение покаянное, подавленное, анализирующее и пассивное, в литературе писанной настроение активно и бодро».²

Для нас очень важно подчеркнуть эту глубокую внутреннюю близость единых в классовом отношении явлений интернациональной художественной жизни; лишний раз это подтверждает правильность вывода о пролетарской основе русской рабочей поэзии. При всем том история ее развития в России существенно отличается от путей, пройденных пролетарской поэзией на Западе.

Уже первые классовые бои в Европе в 1830—1840-е годы оставили яркий след в литературе. Это относится и к чартистской поэзии в Англии, и к поэтам Июльской революции во Франции, и к предшественникам пролетарской поэзии в Германии. Достаточно назвать имена Беранже, Дюпона и Барбье во Франции, Гейне, Фрейлиграта, Гервега и Веерта в Германии, чтобы почувствовать значительность этих фактов.

Таким образом, уже к середине XIX века здесь складываются

¹ Ф. Меринг, Литературно-критические статьи, М.—Л., 1964, с. 404.

² М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 24, М., 1953, с. 120.

художественные традиции, которые непосредственно предваряют пролетарскую поэзию.¹ Она не случайно стоит на более высоком идейно-художественном уровне, чем аналогичные явления в России, которым предшествовала демократическая и народническая поэзия 60—70-х годов, почти не касавшаяся жизни рабочих, их социальных интересов и положения в обществе. Однако позднее — на исходе XIX и в начале XX столетия — картина меняется. В то время как пролетарская поэзия в России с каждым годом приобретала все большую идейно-художественную зрелость, становясь действенным орудием борьбы с буржуазным миром, на Западе она не удержалась даже на том политическом и художественном уровне, который был достигнут ею к концу XIX века. Дальнейшее литературное развитие в этих странах свидетельствует о том, что эстафета пролетарской поэзии не была передана непосредственно, из рук в руки, последующим поколениям. Слишком сильной оказалась здесь волна декадентских настроений; линия пролетарской поэзии, конечно, при этом не обрывается, но во многом приглушается, утрачивает боевой революционный дух, сильно отклоняется от основных дорог литературного развития.

Знаменательного для русской действительности слияния двух потоков пролетарской поэзии, в какой-то мере отражавшего судьбы русского революционного рабочего движения, здесь не произошло, и западноевропейские поэты рабочего класса в XX веке вынуждены были часто проходить заново первые этапы того самого пути, который был уже значительно ранее проложен их предшественниками.

А начиная с первых десятилетий XX века у нас уже есть все основания говорить об обратном процессе, о влиянии традиций

¹ В Германии рабочая поэзия была связана с деятельностью Всеобщего немецкого рабочего союза и с различными партийными изданиями («Социал-демократ», «Демократический ежемесячник» и другими). Наиболее значительные имена здесь — Якоб Аудорф (1835—1898), Макс Кегель (1850—1882), Вильгельм Газенклевер (1834—1889), Карл Фроме (1850—1932) и другие. Во Франции — это поэты Парижской коммуны: Гастон Кремье (1838—1871), Шарль Келлер (1843—1913), Жан-Батист Клеман (1836—1903), Эжен Шатлен (1829—1902) и самый выдающийся среди них — Эжен Потье (1816—1887).

В Англии революционная поэзия представлена именами Уильяма Морриса (1834—1896), своеобразного и многогранного художника, именно в этот период сблизившегося с социалистическим движением эпохи, а также поэтов, группировавшихся вокруг изданий Социал-демократической федерации и Фабрианского общества — газет «Джастис» и «Коммонупл»: Джима Коннела (1852—1929), Джеймса Джойнса (1853—1893), Генри Солта (1851—1939) и других.

русского пролетарского искусства (прежде всего в лице Горького) на революционное искусство всего мира.

Каковы же были те русские литературные источники, которые питали молодую пролетарскую поэзию в первые годы ее развития?

Нет сомнения, что все основные явления русской революционной и демократической поэзии 1820—1870-х годов (а через нее и некоторые образцы европейской поэзии XIX века) так или иначе воздействовали на формирование сознания и творческой мысли поэтов рабочего класса.

Пушкин и Рылеев (в особенности его агитационные песни), Лермонтов, Полежаев и Огарев, Некрасов и поэты «Искры» — все это, частью знакомое с детства по хрестоматийным образцам, частью переписанное от руки и распространявшееся в нелегальных списках, составляло тот классический фон, на котором возникло самостоятельное творчество рабочих поэтов, начинавшееся нередко с подражания, с перепевов знакомых и любимых произведений.

Безусловное воздействие оказывала на творческие опыты рабочих поэтов и современная им литературная действительность — прежде всего гражданская поэзия Плещеева и Надсона, а также те произведения революционно-народнической поэзии (Н. Морозова, В. Фигнер, П. Якубовича и других), которые, несмотря на все преграды тюрьмы и каторги, проникали в широкие рабочие массы.

Среди литературных влияний на творчество рабочих поэтов особо следует выделить линию крестьянской (и близкой к ней) поэзии (Кольцов, Никитин, Суриков). Именно эта поэзия во многом подсказала первоначальную форму их ранних поэтических опытов.

Однако как всякое подлинно новое явление литературной жизни, то есть такое явление, которое порождается решающими сдвигами общественно-политического характера и знаменует собой выступление на исторической арене новой социальной силы, пролетарская поэзия не только продолжала старые традиции, но и перерабатывала их, создавала новые, в свою очередь развивающиеся и обогащающиеся в процессе творческой жизни поколений.

«Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с *точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата...»¹ — таково ленинское определение задачи построения социалистической культуры, которому безусловно отвечала творческая практика целого ряда пролетарских поэтов.

¹ «Ленинский сборник» XXXV, М., 1945, с. 148.

В чем же и как проявляются те главные особенности в идейно-художественном содержании ранней пролетарской поэзии, которые позволяют говорить о ней как о крупном литературном явлении?

Прежде всего это уже отмеченный нами боевой, революционный дух поэзии рабочего класса, ее жизнеутверждающий оптимизм. В русской поэзии подобное звучание характерно только для периодов революционного подъема — в 1820-е годы (у Пушкина и декабристов) или в 1860-е годы (у Некрасова). В эпоху же, о которой идет речь, в поэзии преобладали мотивы уныния, скорби, неверия в светлое будущее или робкая, утопическая мечта о нем. Однако уже в ранних стихах Нечаева и Шкулева перед нами не утопия, не общедемократическая вера в светлые идеалы человечества (столь характерная, например, для гражданской лирики Надсона); впервые появляется здесь осознание новой силы, способной изменить, переустроить общественные условия, — силы рабочего человека, творца жизни. Стихотворения Нечаева «Безработный» (1890), «Гутарям» (1905), «Песня старика поэта» (1906), «Простое слово» (1907) говорят об этом достаточно убедительно, так же как и стихотворения Шкулева «В заводе» (1902), «Я рожден» (1902), «Огни правды» (1903), «Пробуждайся, народ!» (1903), «Безработные» (1905), «Рабочий» (1905) и другие.

Знаменательно, что в годы столыпинской реакции, в эпоху массового отречения разного рода писателей от революционных идеалов, когда в поэзии преобладали настроения беспросветного уныния и отчаяния, поэты рабочего класса не потеряли веры в грядущее преобразование мира.

Тонами нового мировоззрения окрашены у пролетарских писателей и традиционные темы русской классической поэзии.

Таково, например, стихотворение Нечаева «Язычица». Достаточно сопоставить его с атеистическими произведениями русской поэзии, чтобы убедиться, что рабочему поэту чужды как пародийная трактовка атеистической темы, идущая от пушкинской традиции, так и философское богоборчество, часто встречающееся в поэзии второй половины XIX века. Отказ от бога здесь продиктован острокритическим отношением к обществу, основанному на насилии и эксплуатации человека человеком.

Резкая, дотоле не звучавшая в русской поэзии критика современной действительности в стихах рабочих поэтов также свидетельствует о последовательно социалистических тенденциях этой поэзии.

Наконец, в самой форме произведений ранней пролетарской поэзии, при всей их поэтической незрелости и подражательности, мож-

но усмотреть некоторые характерные черты, впоследствии углубленные и плодотворно раскрывшиеся. Это стремление к использованию песенного фольклора, ораторско-героические интонации, яркая сатирическая окраска.

Все это позволяет ставить вопрос о выработке нового поэтического сознания, о рождении новых художественных традиций в ранней пролетарской поэзии.

Предыстории русской рабочей поэзии — устному народному творчеству и рабочему фабрично-заводскому фольклору, начиная с XVIII века, — посвящен особый сборник Большой серии «Библиотеки поэта»¹. Общую картину развития революционной поэзии конца XIX — начала XX века дает другой сборник Большой серии,² где стихотворения рабочих объединены с образцами поэтического творчества профессиональных революционеров и близких к ним поэтов.

Настоящее издание посвящено первым шагам пролетарской поэзии, но связанным уже не с безыменными фольклорными истоками ее, а с индивидуальным авторским творчеством.

В сборнике выделены три имени: Нечаев, Шкулев, Гмырев.

Почему именно эти три имени? Потому, что они наиболее характерны и наиболее полно отражают и разные стороны и ведущие особенности поэтического развития в раннем пролетарском литературном движении.

Вчитываясь в произведения Е. Нечаева, Ф. Шкулева и А. Гмырева, впервые с должной полнотой представленные в настоящем сборнике, мы видим, что само содержание этой поэзии, ее общая идейно-политическая направленность, выраженные в ней социальные и морально-этические идеалы — идеалы борющегося пролетариата, отражение определенных жизненных условий, специфические черты быта, профессиональные трудовые признаки, раскрывающиеся в стихах рабочих поэтов не как нечто случайное, а как органически присущее их создателям, наконец, некоторые художественные особенности этих произведений — все это свидетельствует о том, что перед нами качественно новое явление.

Именно в такой неповторимо-своеобразной форме на заре политической борьбы рабочего класса возникала и делала первые шаги ранняя пролетарская поэзия в России.

¹ «Песни русских рабочих (XVIII — начало XX века)», М. — Л., 1962.

² «Революционная поэзия (1890—1917)», М. — Л., 1954.

Егора Ефимовича Нечаева (1859—1925) можно с полным основанием назвать одним из старейшин пролетарской поэзии. И не потому только, что он выступил в литературе раньше других своих сверстников. Никто, пожалуй, из всех пролетарских поэтов первого призыва не смог с такой последовательностью и глубиной встать на классовые (вначале, правда, еще узкопрофессиональные) позиции и в своих стихах создать впечатляющую картину рабочего быта, связанную для Нечаева с его родной «гутой», которой он отдал около полувека своей жизни.

С детских лет придавленный «гутой», измученный непосильной работой в одной из самых отсталых отраслей промышленности царской России — стекольном производстве, только в семнадцать лет научившийся читать и впервые взявший в руки книгу, чтобы более с ней не расставаться, молодой Нечаев нашел в себе силы расправить плечи, высоко поднять голову, гордо произнести слово «вперед!» — любимое его слово.

Ранние стихи Нечаева относятся к самому началу 80-х годов. Впервые в русской поэзии в них раскрывается правдивая производственная картина, увиденная глазами самого труженика. Несмотря на всю беспросветность изображенной здесь жестокой действительности, можно объективно говорить об отражении новой эстетики в этих стихах — эстетики трудового процесса:

Всё дружной идет работа
В блеске тысячи огней;
Льются градом капли пота
С загорелых хрусталей.

Точно пули вылетают
Из гигантского жерла,
Всюду шарики мелькают
Раскаленного стекла...

...Кто ругается, кто плачет, —
Знать, уклюнула желна,
А над гутой ночь маячит,
Ароматна и ясна.

(«На работе», 1880)

Особенностью даже ранних стихов Нечаева является их сравнительно высокая поэтическая техника, которая позволила молодого

му поэту в достаточно гибких ритмах, с использованием значительно более богатого словаря, чем это обычно характерно для поэтов-самоучек, создать живые сцены из жизни «гуты». Каждая такая сцена запоминается. В них очень сильно эпическое начало, намечены действующие персонажи, характеры, диалоги; поэт раскрывает черты детской психики, горе женщины, потерявшей кормильца. Это первые стихотворения Нечаева — «Перед шабашом», «Неудача», «На работу», «Осень», «Кумушки» и другие. Правда, они лишены еще обобщений, поэт довольствуется лишь внешним изображением событий и фактов. Эти стихи могли бы служить великолепной иллюстрацией к известным страницам ленинских работ «Объяснение закона о штрафах» (1895) и «Новый фабричный закон» (1897), обращенным к той части рабочих, которые еще не сознают своего подневольного положения, не понимают природы капиталистической эксплуатации.

Стихотворения 90-х годов, сохраняя в целом ту же окраску, интересны тем, что в них появляется, пока еще смутно выраженная, надежда:

Придет желанная свобода,
Всю нечисть выметет дотла!

(«Безработный», 1890)

Мы верим в радужное время:
Оно придет, разгонит мрак,
И, сбросив каторжное бремя,
Восторжествует брат-голяк.

(«Песня хрусталей», 1891)

С самого начала 90-х годов кругозор Нечаева-поэта расширяется. Теперь мы находим у него и раздумья о путях и судьбах русских писателей (стихотворения «Памяти Г. И. Успенского», «Памяти Н. А. Некрасова», «Памяти А. Н. Плещеева», «Родина»), и попытки найти верную формулу для своего творческого самодтверждения, свое поэтическое кредо.

Поэт рабочего класса, начавший осознавать свое призвание и впервые ощутивший силу растущего художественного дара, не мог пройти мимо темы, которая являлась одной из «вечных» тем русской мировой поэзии — темы поэта и назначения творчества. Поэты каждого нового поколения, а тем более каждой новой исторической эпохи высказывали свое отношение к этой теме, пытались создать образ поэта, отвечающий духу и характеру своего времени, выражающий суть общественных, в конечном итоге классовых отношений эпохи.

Новый образ поэта, несущий в себе черты иной классовой природы, поэта, призванного стать глашатаем пролетарской борьбы, вырастает из таких стихотворений Нечаева, как «Певец» (1903), «Другу» (1903), «В отчаянии» (1904), «Гутарям» (1905), «Мне хотелось бы песню свободную спеть...» (1906).

С большой поэтической силой звучит эта тема в широко известном стихотворении «Мой храм» (1905):

Мой храм не мраморное зданье
С изображением богов,
Куда жрецы на покаянье
Зовут обманутых рабов...

.. Мой храм не в пряной чаше бора,
Не в сени дремлющих дубрав,
Не на полях среди простора,
Где четок шепот сочных трав...

.. Мой храм — убежище разутых
И обездоленных нуждой,
Гигант — шалаш дырявый — гута,
Начальных песен ключ живой.

Как изменился теперь характер изображения его родной «гуты»! «Шалаш дырявый», который был еще так недавно для поэта только источником невыносимых физических страданий, «песней ужаса без слов» и о котором он писал:

Наш отчий кров хламида-гута
Пыльней подножного мешка,
Мрачней тюремного уюта,
Шумней базарного шинка, —

(«Песня хрусталей», 1891)

теперь превращается для него в храм свободы, место единения сил всех угнетенных и обездоленных.

1905 год — год рождения и собственно революционной темы в поэзии Нечаева.

Вперед! товарищи, свобода
Усилья требует от нас.
Вперед! победы близок час.
И знамя красное народа,

Как символ правды мировой,
Мы водрузим в стране родной!

(«Вперед», 1905)

С тех пор революционная тема не меркнет в творчестве пролетарских поэтов первого поколения.

Вместе со стихами Ф. Шкулева, Ф. Гаврилова, А. Богданова, А. Ноздрина, И. Привалова и многих других, в том числе и безымянных, поэтов творчество Нечаева находит свое место в общем строю борьбы за политическое и культурное развитие рабочего класса.

Принципиальное значение в этой связи получают попытки Нечаева подняться над узким кругом тем и образов, ощутить свою связь с лучшими традициями русской культуры. С глубоким волнением говорит он в стихотворении «Кто мой друг?» (1912) о книге — «благодатном источнике света», «ковчеге великих мыслей»:

С тех пор как начал сознавать
Суровой доли назначенье,
Что значит мерзнуть, голодать
И с упованием не ждать
Страданьям тяжким облегченья...

Лишь только ты была одна
Отрады звездочкой лучистой,
Привета теплого полна,
Будила мысль мою от сна
И освещала путь тернистый.

«Кто мой друг?» тематически перекликается со стихотворением «Родина» (1907), где поэт прямо называет эти великие светившие ему имена: Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Некрасова, Гоголя, Белинского, Шевченко, Короленко и Горького.

Восторженно встретив Октябрьскую революцию, Нечаев продолжал свою поэтическую работу в 1920-е годы, до самой смерти. С искренними словами приветия обращается он к «лучшему брату и другу» Ф. Шкулеву в стихотворении «Поэту-рабочему» (1918):

Мечтал ли ты, что песен этих звуки
Родной народ оценит и поймет? —
Любимец муз, дитя труда и муки,
Услышан ты, и песнь твоя живет.

Эти строки могли быть с полным правом обращены и к самому Нечаеву.

Рядом с Егором Нечаевым стоит такая же монолитная фигура Филиппа Степановича Шкулева (1868—1930). Перипетии его социальной биографии в высшей степени характерны для жизненного пути типичного поэта-самоучки.

Но назвать его только поэтом-самоучкой было бы неверно, потому что объективный смысл его литературной деятельности несравненно полновесней творчества писателей-самоучек конца XIX — начала XX века.

Известно, что тот путь, который Нечаев проходил в рабочем коллективе, Шкулев вынужден был (из-за ранней инвалидности) в значительной степени проделать в одиночку. А между тем и огромная, неистребимая жажда творчества, и достигнутый им политический кругозор, и обширная издательская деятельность — все это говорит не только о стихийно-демократической природе его дарования, но и о большой целеустремленности поэта, связавшего в конечном счете свою судьбу с партией большевиков.

Первые печатные опыты Шкулева, относящиеся к 90-м годам, — это робкие подражательные попытки, навеянные поэзией Кольцова и Сурикова. Тематика их еще в основном крестьянская, центральный образ — образ пахаря, идущего за сохой:

Встану я пораньше
Утренней зарею,
Распластаю землю
Матушкой-сохой...

(«Пахарь», 1902)

Даже обобщенный образ народа представляется поэту в ту пору в виде привычной фигуры идущего за сохой пахаря:

Это ты, моя родина милая?
Это твой богатырский народ
С изнуренными, слабыми силами
За сохой в мозолях идет?

(«Это ты, моя родина милая? ..»,
1902)

И пока только ранние трудовые впечатления дают себя знать в таких стихах 1900 года, как «Ткач», «Плотник», «Песня газовиков».

Пройдет совсем немного времени, и герой стихов Шкулева резко изменит и свой социальный облик, и свою общественно-психологическую окраску.

Впрочем, психологическая окраска меняется даже раньше, чем социальный облик героя. Один и тот же 1902 год (год этот замечателен для Шкулева как год осознания своей литературной профессионализации, год рождения «Суриковского литературно-музыкального кружка») дает еще старый образ пахаря-народа, который «с изнуренными, слабыми силами за сохой в мозолях идет», а рядом — полные глубокого человеческого достоинства строки:

Я сын земли, я сын полей,
Я пахарь благородный,
И век живет в груди моей
Могучий дух народный.

*(«Я сын земли,
я сын труда...»)*

А дальше, уже очень быстро, в особенности к 1905 году, зреет политическая мысль поэта. В эти годы в стихах Шкулева с большой силой нарастает мотив свободной и гордой песни, хвалебного гимна труду («Из-под шумных сводов...», «Пробуждайся, народ!...»). Это было такое ясное поэтическое осознание всепокоряющей силы труда, которое не звучит в то время, кажется, ни у кого из поэтов-современников:

Я не просить пришел у вас —
Вы хлеба мне не подавайте.
Таких, как я, ведь много нас.
Мы сильны все, вы это знайте...

...Я от народа к вам иду
С запасом сил, с запасом воли.
Я от труда не пропаду,
И не страшусь я злой неволи.

Я знаю тернии шипов,
Знакомы мне страдания, муки,
И крепче стали от трудов
Мои мозолистые руки!..

*(«Я не просить пришел
у вас...», 1903)*

Тема завода, заводского труда у Шкулева выглядит политически более сформировавшейся, чем у Нечаева, именно потому, что к нему она пришла позже и не от непосредственных впечатлений гнетущего труда, а от каких-то больших обобщений (ср. стихотво-

рения «В заводе», 1902; «Белый раб», 1904; «Довольно» и «Рабочий», 1905). В 1904 году Шкулев создает свой знаменитый «Гимн труду».

Все чаще мелькает в его стихах обобщенный образ рабочего, превращаясь наконец в яркий портрет хозяина жизни — кузнеца, кующего ключи счастья для народа:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи!
Вздыхайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!..

(«Кузнецы», 1906)

С тех пор и до конца его творческого пути образ кузнеца становится символом поэзии Шкулева. Ставшее массовой революционной песней и получившее широчайшее распространение в первые годы революции, стихотворение «Кузнецы» не было просто случайной удачей Шкулева. Здесь сказались, помимо яркого образного раскрытия темы, те песенные и маршевые ритмы его поэзии, которые дали и в дальнейшем немало звучных, запомнившихся стихов. Это — «Красное знамя», «На баррикадах» и «Как волны бурливые моря...» (1905), «Мастеровой» (1909) и ряд более поздних стихотворений, написанных уже в советские годы.

Обычное, традиционное представление о Шкулеве как о поэте одной темы, одного настроения обедняет эту колоритную фигуру. У Шкулева встречаются и стихотворения чисто лирического характера, например «Не грусти» (1908), ряд пейзажных зарисовок. Так, в стихотворении «Оттепель» (1910) привлекает тонкая, выразительная в деталях концовка:

Теплу обрадовались дети,
Звенит, гремит их голосок...
И куры, бросивши повети,
Пятнают лапками снежок.

Шкулеву не чужд был интерес к поэтической технике, к ритмической и интонационной работе над стихом.

Оригинально стихотворение «В пути» (1910), в котором поэт ставил себе, помимо образно-тематической, и определенную музыкально-ритмическую задачу:

Музыкально кони топали,
Вычеканивая дробь,

По бокам теснились тополи,
В стороне чернела топь...

К сожалению, Шкулеву было свойственно и некоторое многословие, известная повторяемость в тематике, иногда — излишне прямолинейное решение политических мотивов. Недостатки эти понятны и естественны для рабочего поэта с биографией, подобной биографии Шкулева.

Важно и значительно другое. Год от года растут и политическая зрелость и профессиональное мастерство Шкулева-поэта. Все в более глубокой и точной исторической перспективе раскрывается перед ним социальная панорама современной жизни.

Когда он вновь обратится к теме деревни, то это будет уже не прежняя безысходная дума пахаря-бедняка. Вслед за появлением в его творчестве образа «коняги» (1904), навеянного известной сказкой Щедрина, возникает стихотворение «Великан» (1905), раскрывающее тему народа-великана, трудолюбца.

Поражение революции 1905 года не вызывает уныния и не рождает пассивных настроений в поэзии Шкулева. Об этом говорят стихотворения 1907 года «Все по-старому» и «Свобода»:

Она не умерла. Она еще живет,
Она в простых сердцах таится,
И страшным гневом разразится,
И всё позорное сметет...

Полны достоинства его тюремные стихи: «Из песен о тюрьме» (1907) и «Не вечно» (1912).

Существенно, что Шкулев и в дальнейшем не утратил способности откликаться на новые явления революционной действительности, и такие его стихи, как «Я коммунист» (1919), «Буду я полосоньку...» (1920), «Взял» (1922) или «Памяти Е. Е. Нечаева» (1925), говорят о том, что Шкулев вошел в общую семью советских поэтов.

5

«Я горел гордым счастливым огнем революционера-пролетария» — эти слова сказал о себе двадцатилетний Алексей Гмырев, и они полно и точно выражают не только содержание его краткой жизни, но и характер его поэтического творчества.

В отличие от Нечаева и Шкулева, которым довелось прожить долгую трудовую, полную общественной и творческой деятельности

жизнь, а главное, увидеть победу социалистической революции в России, — Алексей Михайлович Гмырев (1887—1911) погиб в двадцатичетырехлетнем возрасте, доведенный каторжным режимом до туберкулеза, буквально раздавленный тюрьмой.

Творческое наследие Гмырева невелико, но все же оно значительно больше, чем мы представляли себе до недавнего времени; некоторая часть его, по-видимому, утрачена безвозвратно (см. примечания, с. 399).

И тем не менее можно считать, что короткая жизнь Гмырева отразилась в его стихах полностью и до конца. В них нет ни единой фальшивой ноты, ни одного ложного звука. Жизнь, революционная работа и поэзия А. Гмырева принадлежат к таким неразрывно связанным между собой явлениям, которые трудно рассматривать отдельно.

Поэтический облик Гмырева заметно отличается от всего творческого облика Нечаева и Шкулева, его старших товарищей и предшественников. Это еще раз подтверждает тот непреложный факт, что в общем русле пролетарской поэзии могут сосуществовать самые различные творческие индивидуальности, что она не терпит стандарта и единообразия.

Поэзия Гмырева полна вдохновенной романтики революционной борьбы. Она в гораздо большей степени, чем поэзия Нечаева и Шкулева, ориентируется на песенное начало русской лирической поэзии.

Образ горящего сердца молодого революционера, восходящий к известному образу горьковской легенды, проходит через ряд стихотворений Гмырева:

Гори, мое сердце, бестрепетно, смело,
Не прихотью чувств, не бесплодной тоской,
А жадной великого общего дела
В борьбе за свободу отчизны родной...

...Гори! Твое страстное, гордое пламя
Охватит немало таких же сердец.
Гори, мое сердце, как красное знамя,
Которое поднял рабочий-борец.

(«Гори, мое сердце...», 1907)

В цикле тюремных стихов Гмырева «Гори, мое сердце...» имеет особое значение. Песенно-романсная форма этого стихотворения, горячо полюбившегося широкому кругу боевых товарищей Гмырева и не раз использованного ими в пропагандистской работе,

раскрывает одну из трагических сторон жизни поэта: противоречие между жадой активной революционной деятельности, горением сердца — и мучительным «прозябанием», «тлением» в душной тюремной камере.

Это противоречие с большой остротой выступает, например, в таком стихотворении, как «Хорошо умереть» (1908):

Хорошо умереть в беспощадной борьбе
С произволом, насильем и злом.
Умирая, смеяться в лицо злой судьбе,
А не падать во прах пред врагом...

...Тяжело прозябать в сводах душной тюрьмы,
Хоть отраднo страданье борца —
Отравлять свою грудь ядом мрака и тьмы
И молчать и терпеть без конца.

Постоянная мысль о вынужденном бессилии мучает и угнетает поэта. И только гордое осознание своего революционного долга помогает ему преодолеть это трагическое противоречие. С большим лирическим накалом выражена эта тема в стихотворении «Моим врагам» (1907):

Я шепчу иногда, чуть дыша,
Устремив в тишину ночи взор:
«О, как вольная жизнь хороша!
О, как гадок неволи позор!»
Но утихнет безумный порыв,
И я прежним сознанием горю,
Что мой шепот был страстен, но лжив,
И я гордо врагам говорю,
Что мне краше неволи венец,
Чем свободная жизнь без борьбы,
Что в неволе я всё же борец,
Что на воле вы всё же рабы!

Однако даже осознание революционного долга не всегда может снять простые человеческие чувства и желания, таящиеся в страстной, жизнелюбивой натуре поэта. На каждом шагу напоминают они о себе:

Весна! Пришла весна! Как хорошо кругом!
А я по-прежнему сижу в глухой неволе.

Пылают небеса, гудит весенний гром.
Как хорошо теперь на воле!..

...Отчизна милая! Ужели никогда
Твоих родных красот я не увижу боле?
Ведь жить так хочется, весна так молода!
Как хорошо теперь на воле!

А ведь есть и еще более глубокие, сокровенные противоречия между чувством любви и долгом революционера, зовущим на борьбу, на трудный путь отказа от светлых надежд юности. Они возникают в самом начале революционного пути героя:

Меня зовут. Простимся, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня..

(«Не жди меня», 1906)

Поэт находит в себе силы мужественно преодолевать эти противоречия. Сквозь все жестокие перипетии его подлинно трагической биографии прорывается огромное и светлое чувство любви к жизни, к человечеству, вера в близкое торжество революционного дела. Мысли поэта свободны:

Им не страшен рок уродливой судьбы:
Их враги бессильны в цепи заковать.
Мои мысли ведь титаны — не рабы,
И, свободные, на волюшку летят!

(«В тюрьме», 1906)

Свободна и его песня:

Пой, мое сердце! В объятьях неволи
Негодованием и мстостью звучи!
Близка, уж близка желанная воля!
Скоро позорно падут палачи.

*(«Нет в моих песнях
ни тени искусства...», 1907)*

Конечно, у надломленного болезнью, ожидающего смерти поэта вырываются и скорбные строки. Таковы «Уныние» («Не поются песни, улетела муза...»), «Год за годом без участия, без любви, борьбы и счастья...», «Кошмар» («Кто это там за тюремной сте-

ною...»), «Майская ночь над землей опускается...» и — одно из самых последних — «Вот и прожита жизнь. Оглянусь ли назад...» с полной горького раздумья концовкой:

Еще несколько дней, и не станет меня...
Мрак, безмолвие, черви... За что?
Для чего я родился и жил не живя,
Кто на это ответит мне? Кто?

Но и эти заключительные, трагические ноты поэзии Гмырева не означают отказа от борьбы, сдачи жизненных революционных позиций. Рядом с ними звучит «Призыв» («Нет, товарищи! так дольше жить нельзя!...»), звучат строки его последнего известного нам стихотворения, которому суждено было сыграть роль поэтического завещания Гмырева:

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои...

* * *

Поэзия Гмырева, так же как ранее поэзия Шкулева и Нечаева, служит примером многогранности поэтической практики, широты творчества пролетарских поэтов. Нет ничего более ошибочного, как представлять себе раннюю пролетарскую поэзию в России в виде однообразного, преследующего чисто агитационные цели, примитивного стихотворчества. Идейная и художественная слабость молодой пролетарской поэзии на первых этапах ее развития, о которой шла речь выше, сменяется сначала осторожным, а потом все более осознанным выбором путей, художественных средств, образными, языковыми, стилистическими поисками. Эти поиски сыграли свою заметную роль в деле выработки творческого метода пролетарского искусства.

В стихах Нечаева, Шкулева и Гмырева перед нами проходят и раскрываются характерные черты русской пролетарской поэзии. Это — простота и ясность поэтического слова, отражающие ясную, целеустремленную мысль поэта, его социалистические идеалы; заряд огромной революционной энергии, классовая ненависть к угнетателям, героический дух, сочетание ораторской и песенной стихии; страстный пропагандистский пафос, пафос борьбы за светлое будущее человечества и, сквозь все, — подлинная гуманистическая основа, глубокая человечность этой поэзии.

Разумеется, не всегда возможно обнаружить в последующей, а тем более в современной советской поэзии конкретные следы и отзвуки ранней пролетарской поэзии.

В какой-то степени эта эпоха русского поэтического искусства успела для нас стать славной историей, составной частью борьбы рабочего класса за победу пролетарской революции в России, за создание новой, социалистической культуры. Многого изменилось за годы и десятилетия в самом понимании вопросов поэтики и поэтического мастерства, в эстетическом развитии человечества.

Но живая преемственная связь роднит ранних пролетарских поэтов с революционной поэзией предоктябрьского периода, прежде всего с поэзией «Звезды» и «Правды», с творчеством Демьяна Бедного. Непосредственно связана она с поэзией Октября и первых лет Советской власти (И. Садофьев, А. Маширов, П. Арский и другие).

А дальше, от нее и через нее, идет уже большой и многообразный поток советской поэзии, для которой важны не отдельные особенности ранней пролетарской поэзии, тесно связанные с определенным историческим периодом, а общий революционный дух ее, идейный смысл, ее боевая партийность, непримиримость к враждебным течениям в искусстве, жизнеутверждающий оптимизм — все то, что составляет самую суть советской поэзии, унаследовавшей все лучшие традиции мирового революционного искусства.

А. Бихтер

Е. Е. НЕЧАЕВ

Егор Ефимович Нечаев родился 13 апреля 1859 года в селе Харитонове Корчевского уезда Тверской губернии. Дед его был крепостным крестьянином, а отец — рабочим-хрустальщиком, отличным мастером своего дела. Из-за стычек с хозяевами его часто прогоняли с работы, и семье приходилось кочевать с места на место. Неизбывная бедность заставила родителей отдать мальчика на воспитание бездетной тетке, жене торгового приказчика. Материальные условия жизни у тетки были сравнительно благополучные.

Когда Нечаев подросток, отец потребовал сына домой, чтобы сделать из него «добытчика семьи». С осени 1868 года началась трудовая жизнь девятилетнего Нечаева: он был определен в гуту — так называлось помещение, где выработывалось стекло. Через несколько дней мальчик едва не погиб: его обварили горячим стеклом. Тетке удалось его выводить. Во время выздоровления Нечаев стал учиться грамоте у одной женщины, обучавшей соседних ребятшек за двадцать копеек в месяц. Через несколько недель занятия прекратились: надо было возвращаться на работу.

Первые годы работы в гуте остались в памяти поэта как сплошной кошмар: «Четырнадцати и двадцатичасовая работа в сутки, ядовитая пыль, невыносимая жара, недоедание, недосыпание, постоянные ожоги, побои и целый ряд других лишений скоро мою жизнь превратили в невыносимую муку и привели меня в ужас», — писал он впоследствии.¹

¹ Автобиография. В кн. «Современные рабоче-крестьянские поэты». Составил П. Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 3.

К семнадцати годам Нечаев самостоятельно выучился читать, и чтение сделалось единственным утешением в его жизни. Читал он все, что попадало под руку, вплоть до обрывков старых газет, но более всего лубочные книжки, которыми его снабжал коробейник. Только за право прочесть книгу он кормил коробейника, оставлял его ночевать. Отцу не нравились эти интересы сына. Ему казалось, не без оснований, что книги уведут сына из-под его власти, и он всячески препятствовал этому увлечению, но все же не отводил юношу от чтения.

Однажды мать принесла домой остатки пищи с барской кухни, завернутые в затрепанный листок из журнала «Неделя» со стихами и биографией И. З. Сурикова. Нечаев был потрясен, узнав, что простой крестьянин сделался поэтом. Он стал пробовать сочинять стихи сам, не имея никакого представления ни о рифме, ни о размере. Писал он, как вспоминал потом, о небе, о звездах, а однажды сочинил песню про заводских приказчиков, которую распевала местная молодежь. В 1880 году отец Нечаева, после очередного столкновения с хозяином, пропал. Обстоятельства его смерти остались невыясненными. Будущий поэт с братом стали основными кормильцами семьи: к тому времени они были уже мастерами.

«В 1881 году, после одной крупной неприятности с гутейским приказчиком, хозяйским племянником, — рассказывает Нечаев, — я с завода убрался по-отцовски в 24 минуты и устроился в Москве». ¹ Жизнь среди московских рабочих, более организованных и стойких в своих требованиях к хозяевам, кое-чему научила молодого мастера. Вернувшись через два года на старый завод во Владимирской губернии, он стал держать себя с администрацией смело и независимо. В 1885 году Нечаев написал на имя министра внутренних дел прошение, в котором рассказал об условиях труда на заводе Добровольского, ибо они не шли ни в какое сравнение даже с положением рабочих на других стекольных заводах. Следствием этого письма был приезд комиссии и кое-какие перемены на заводе. У хозяина возникли неприятности. Во избежание дальнейших столкновений урядник уговорил Нечаева уехать подальше. Со всем семейством — у него уже была своя семья — он перебрался в Москву и устроился на хрустальный завод Дютфуа. С собою он привез и небольшую тетрадку стихов.

¹ Автобиография. Правленая машинпись в отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, фонд Нечаева.

Первым, кто по-серьезному отнесся к поэтическим начинаниям Нечаева, был московский журналист А. А. Попов-Монастырский. Он снабдил Нечаева книгами, посоветовал читать Пушкина, Некрасова, Кольцова, объяснил кое-что в стихосложении. Все это было для начинающего поэта настоящим откровением. Разговор с Поповым настолько взволновал его, что на обратном пути он заблудился и явился домой на рассвете. Вскоре он познакомился с рядом поэтов из народа — М. Леоновым, Ф. Шкулевым, М. Цыгановым и другими, а в 1891 году принял участие в товарищеском сборнике «Метеор», где было напечатано его первое стихотворение «Зимняя картинка». С 1892 года стихи Нечаева, преимущественно лирические, стали постоянно появляться в «Прибавлении» к газете «Московский листок», а затем и в газете «Русское слово», в журналах «Детское чтение», «Русская беседа» и других. В 90-е годы Нечаев стал пробовать свои силы в жанре сатиры и печатался иногда в сатирическом журнале «Развлечение» под псевдонимами: Жоржик, Жоржичка. В 1902 году Нечаев был в числе основателей «Московского товарищеского кружка писателей из народа», переименованного затем в «Суриковский литературно-музыкальный кружок». Он принимал участие в изданиях кружка — товарищеских сборниках «Малое — великим» (1902), «К заветной цели» (1904), «Луч» (1906), «Посильная помощь» (1906), «Памяти Н. В. Гоголя» (1909), «Родные думы» (1909) и других.

В период революции 1905 года круг тем поэзии Нечаева значительно расширился. В печати стали появляться его произведения, посвященные тяжелой рабочей доле, а также стихи, проникнутые духом вольнолюбия. В конце 1905 года Нечаев принял участие в революционном сборнике, выпущенном Ф. Шкулевым и М. Леоновым, — «Под красным знаменем» (вып. 2, М., 1906), который вскоре был арестован и уничтожен. Многие произведения Нечаева периода первой революции пока еще не разысканы. «У меня было 2 обыска, — писал он впоследствии И. А. Белоусову, — и более 30 штук смелых песен уничтожено мной да взято».¹ Должно быть, некоторые из них попали в печать, но подписаны неизвестными псевдонимами. Так, возможно, что Нечаев, сотрудничавший в недолго выходящей в 1906 году в Москве и вскоре закрытой за «вредное направление» газете «Северная Россия», является автором помещенного там за подписью Е. Н. стихотворения «Памяти Шмидта».

¹ Письмо Е. Е. Нечаева к И. А. Белоусову от февраля 1919 года. Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд Белоусова.

Начиная с 1906 года одно за другим стали выходить так называемые народные периодические издания, редактируемые Ф. Шкулевым, П. Травиным, М. Праскуниным и другими писателями из народа, а нередко и подставными лицами, поскольку издания часто закрывались правительством, а их редакторы подвергались репрессиям. О характере этих изданий можно составить представление по цензорским донесениям. Так, в одном из них по поводу «Доли моей» говорилось, что «основная задача названного издания заключается в возбуждении классово-вражды, а равно и вражды между хозяевами и рабочими, между богатыми и бедными вообще». ¹ Нечаев принимал участие во многих из этих журналов и газет: «Ясном соколе», «Доле бедняка», «Летописи», «Простой жизни», «Простом слове». В эти же годы поэт стал особенно активно выступать в качестве сатирика. В народно-сатирических журналах «Удаль», «Балагур», «Долина» и других он постоянно печатал свои стихотворения и фельетоны, подписывая их псевдонимами: Некто, Дядя Нил, Е. Ефимович и другими. Так, в «Остряке» за подписью Я. Далекый он вел постоянную сатирическую рубрику «Типы окраин», в которой давались сатирические портреты обывателей, пьяниц, хапуг.

Одновременно Нечаев продолжал постоянно сотрудничать в детских журналах «Детское чтение», «Юная Россия», «Путеводный огонек». Для Нечаева участие в этих изданиях, на страницах которых помещали свои произведения Чехов, Мамин-Сибиряк, Златовратский, Бунин, Телешов, Серафимович, послужило хорошей литературной школой. До конца жизни он плодотворно работал в жанре поэзии для детей.

До революции поэту-рабочему долго не удавалось выпустить собрание своих сочинений. В его архиве сохранился рукописный сборник стихотворений с пометой: «Дозволено цензурою. Москва. 14 мая, 1902 г.». ² Но книга не вышла: видимо, не нашлось издателя. Его первый сборник всего из четырех стихотворений был выпущен в 1909 году в серии изданий Суриковского кружка. Только в 1913 году, когда Нечаеву было 54 года, при содействии М. И. Чайковского, вышел его сборник «Вечерние песни». Сообщая об этом событии И. А. Белоусову, Нечаев писал: «Наконец-то мечта моя осуществилась, сборник вышел... Вы-то, Иван Алексеевич, не так

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Фонд Главного управления по делам печати.

² Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, фонд Нечаева.

будьте строги, Вы ведь знаете, при каких условиях писались и пишутся эти тяжелые сердечные строки».¹ Название «Вечерние песни» объяснялось тем, что поэт мог писать только по вечерам, после работы на заводе. Сборник был хорошо издан, вдумчиво составлен, но, по условиям времени, все сколько-нибудь смелое, бунтарское не могло быть в нем представлено. В «Вечерних песнях» нелегко было разглядеть облик поэта-пролетария. Нечаев посылал книгу некоторым писателям, в том числе Бунину и Горькому. Бунин нашел в ней «очень много прекрасного и трогательного».² Горького же книга на Капри уже не застала, так как он выехал в Россию.

В 1916 году члены Суриковского кружка отметили двадцатипятилетие творческой деятельности Нечаева. В том же году он оставил гугу, отдав ей 48 лет своей жизни.

После Октябрьской революции стихи Нечаева стали широко печататься в периодических изданиях Москвы и периферии: газетах «Беднота», «Рабочая Москва», «Бурлак-коммунист»; журналах «Пламя», «Творчество», «Кузница», «Рабочий журнал», «Рабочий водного транспорта», «Отклики» (Сызрань), «Трудовой путь» (Кострома). Его стихи были помещены в сборниках пролетарских писателей «Чернозем», «Чугунный улей», «Вехи Октября». Нечаев принимал участие в создании и работе первых пролетарских литературных организаций. В мае 1920 года он присутствовал на Первом съезде пролетарских писателей. Поэт входил в состав объединения пролетарских писателей «Кузница» с начала ее основания. В 1922 году он был избран почетным членом литературного кружка «Рабочая весна».

В мае 1921 года под председательством Серафимовича состоялось торжественное чествование старейшего пролетарского поэта по случаю тридцатилетия его литературной работы. Его приветствовали ученый П. Н. Сакулин, критик-большевик П. И. Лебедев-Полянский, пролетарские поэты В. Т. Кириллов и С. А. Обрадович, рабочие московских заводов.

В советские годы, несмотря на преклонный возраст, Нечаев много и успешно работал. Вслед за небольшой книжкой «Песни стеклящика» в 1922 году вышел наиболее полный поэтический сборник «Из песен старого рабочего», где автор собрал произведе-

¹ Письмо Е. Е. Нечаева к И. А. Белоусову от 13 декабря 1913 года. Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд Белоусова.

² Открытка И. А. Бунина Е. Е. Нечаеву от 26 февраля 1914 года. Там же, фонд Нечаева.

ния, не увидевшие света до революции, включил много новых. В том же году отдельным изданием вышла поэма из калмыцкой жизни «Сургаль — всё». Были подготовлены оставшиеся неопубликованными сборники «При огоньке» и «Из песен деда-гутаря». В 1920-е годы Нечаев с большим увлечением начинает работать над прозой, создает цикл повестей и рассказов из прошлого рабочих-стекляшников. Незадолго до смерти рабочий поэт вступил в Коммунистическую партию.

Нечаев умер 23 ноября 1925 года в Павловом Посаде под Москвой и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

1. НА РАБОТЕ

Всё дружной идет работа
В блеске тысячи огней;
Льются градом капли пота
С загорелых хрусталей.

Точно пули вылетают
Из гигантского жерла,
Всюду шарики мелькают
Раскаленного стекла.

Засновали хлопцы-гномы,
И босые и в чунях,
С выражением истомы
И в движеньях и в глазах.

Друг за другом вперегонку,
Точно с копьями в руках,
Кто со склянкой, кто с воронкой,
Спотыкаясь впопыхах.

Кто ругается, кто плачет, —
Знать, уклюнула желна,¹
А над гутой ночь маячит,
Ароматна и ясна.

¹ Желна́ — удар сверху в голову острием кулака.

И в дырявое окошко,
Точно ласковая мать,
Внятно шепчет хлопцу-крошке:
«Дорогой, пойдём-ка спать.

Я тебе навею грезы
Нежной песней о весне».
У малютки блещут слезы
При раздумье в полусне.

Затерзала нудь лихая,
Замытарила вконец;
От побоев мать больная,
Без просыпа пьёт отец.

Ускакать на сером волке
Во дворец ко птице-жар...
«Что ты, дьявол, прешь без толка?
Вот те!» — слышится удар.

Думки спутались от боли.
Зарыдать? — прибьют больней.
Ночь длинна, а будет то ли...
Хоть бы утро поскорей!

Гуще чад и клубы пара,
Всё звончей посуды звон;
Воздух сперся от угара,
До бессилья мучит сон.

Ничего ему не надо —
Ни рубахи, ни лаптей,
А бежать от мук и смрада
Хоть за тридесять морей.

1880

2. ПЕРЕД ШАБАШОМ

Ночь уж на исходе,
Брезжится заря...
Пыль столбом в заводе,
Душно гутарям.

Третью пряжку¹ жарят...
Лих последний час,
Зной печет и парит
Точно на заказ.

Хлопцы — в осень мухи —
Ползают едва.
Что им желны, плюхи,
Оклика слова.

Ничего не в диво —
Шутят или бьют,
Живы иль не живы —
Сами не поймут...

«Ну, ты! Дьявол, Прощка!
Спишь опять, барсук?»
Сыплются картошкой
Тумаки: тук, тук!

«Ой!» — вскричал мальчонок
И долой с копыт...
Съежился галчонком,
Глаз открыт, а спит.

«Ну, готов малютка!²
Ишь ведь что стряслось?» —
Заунывно-жутко
Гутой пронеслось.

1880

3. НЕУДАЧА

Пышет пыл из пасти печи,
Не проварено стекло...
Знать, ускачешь недалече,
Третий день не повезло.

¹ Пряжка — шесть часов работы.

² В восьмидесятых годах я был свидетелем убийства хлопца во время работы за дремоту.

Простоишь всю ночь задаром,
А хороший сорт — назло:
«Тит Иванович, с легким паром!
Ну, родимый, и тепло!»

Без работы разнедужит,
С плеч валится голова,
А приказчик — боров дюжий —
Ловит взгляды и слова.

«Будет ныть, пора за дело!
Аль башка трещит, того?»
— «Нет, стеклишко не допрело,
Малость пенит!» — «Ничего».

— «Эй, Митрошка, где же трубки?
А косарик? Клещи, тьфу!»
Крошка-хлопец¹ морщит губки:
«Дя-дя, трубок не-ет в шка-фу».

— «Шкаф не запер? Ах, канашка!
Я ж разделаюсь с тобой!»
Замер, божится бедняжка:
«С мя-сом вы-дра-ли про-бой».²

Загудел завод, несутся
Говор трубок и звонки.
Звуки песен раздаются
Неизведанной тоски.

Улететь бы! Где же крылья?
Темен я, как ночь темна.
Шибче ноет от бессилья
Грудь, досадами полна.

1881

¹ Хлопец — малолетний рабочий от шести до двенадцати лет.

² В мое время воровство инструментов у нас было обычным явлением, и горько доставалось за это невинным хлопцам.

4. НА РАБОТУ

Ширь и дали муть ночная
Кроет властной рукой,
Смолкла музыка дневная
По полям и над рекой.

В жалком рубище, с запасом
Незатейливой еды
Идут в гуту поздним часом
Ребятишки на труды.

Вялы, медленны походки,
Полусонен хлопцев взгляд,
Глухо хлопают колодки,¹
Чуни, шлепая, шипят.

Лица черны, без кровинки,
Губы мертвенно-бледны,
У иных видны слезинки,
Души трепета полны.

Ум терзают думки-мушки
И, как осы, сердце жгут,
Их пугают колотушки
И воловий долгий труд.

«Филька, бросимся, брат, в реку,
То ли дело — умер — спи!»
— «Разя можно человеку
Подыхать так? Потерпи!

Это нам внушают черти,
Мы их слушать не должны,
За грехи отцов до смерти
Нам страданья суждены».

— «Брешешь, дурень, это сказки,
Как я слышал, и обман;
Их придумал для острастки
На досуге поп Иван».

¹ Колодки — род опорок с деревянными подметками.

— «Так бежимте вдаль, в трущобы,
К злым индейцам в хутора!»
— «Не подслушали нас кто бы,
Слышишь, идут мастера!»

Гута встретила их жаром,
Песней ужаса без слов
И удушливым угаром
От закальных ошовов.¹

Призывая в помощь бога,
День начался трудовой,
Кто-то плачет от ожога,
Кто-то хнычет от побой.

1881

5. ОСЕНЬ

Дождливое, хмурое небо,
Затмив догорающий луч,
Слезливой сбирушкою хлеба
Глядит сквозь разорванных туч.

Заплатами выглядят жнивы,
С дождей полиняли цветы,
И только облезлой крапивы
Как будто гордятся кусты.

И с цепким репейником тихо
Поют про былую красу,
Да ветер неистово-лихо
Буянит, как пьяный, в лесу.

У окон рабочей слободки
Шумливых всегда хрусталей
Не слышится Марьи-трещотки,
Ни смеха, ни шалых речей.

Замолкла под дымкой тумана
Чумазных ребят бегодня;

¹ О ш о в — закальная печь.

И только в каморке Демьяна
Видна и слышна суетня.

В ней жгучее Горе с Заботой
Пируют как люди свои:
Там с жизнью кончает расчеты
Отец многоротой семьи.

Каморка тесна и убога,
Тоски беспросветной полна;
Лавчонка, лохань у порога,
Из ящика стол у окна.

На нем в беспорядке посуда,
Картошек очистки лежат;
А около — ветоши груды,
Что служит постелью ребятам.

В переднем углу на соломе
Порывисто дышит больной
И шепчет в предсмертной истоме:
«Авдотьюшка! .. Друг дорогой! ..

Довольно... Попа мне не надо...
Напрасный и лишний расход...
Забыл я, какая досада,
Сосед Митрофаныч зайдет...

Отдай ему двадцать монеток,
Давно на табак занимал...
Не плачь... Не расстраивай деток...
Мне трудно... Я очень устал...

Ой, тошно... не близко... опасно...
Чухотка... прилипчива... Ох!..
Про-о-сти-те...» — «Соколик мой ясный!» —
Но он уже слышать не мог...

Работника больше не стало,
Окончен безрадостный путь.
«Кормилец!» — Авдотья вскричала
И рухнулась к мужу на грудь.

1881

6. КУМУШКИ

«Кумушка, здравствуй! Здорова ль, родная?
Правда ли, Силыч-то плох?»
— «Лучше не спрашивай. Жизнь горевая,
Пытка, родимая. . . ох!

Что и здоровье, коль горя так много,
Лучше, кажись, умереть.
Нам ли бы сетовать, грешным, на бога —
Где же порой утерпеть?

Так и идет за невзгодой невзгода:
С год проболела сама.
Только оправилась малость. . . с завода
Мужа прогнали, кума.

Жизнь не щадил на работе, сердечный,
Шутка сказать — тридцать лет!
Думал, кусок-от заслужит он вечный
Честной работой. . . ан нет.

Третьего дня говорит Никанору
Сторож Ахмет у ворот:
«Номер, старик, твой?» — «Девятый!»
— «В контору!
Вишь ты, директор зовет».

Ноги у бедного вдруг подкосились,
Думает старый — зачем?
Ох, уж недаром нам с Силычем снились
Страшные сны перед тем.

Что за дела? В неурочную пору
Требуют только его.
Чуя недоброе, входит в контору,
Дрожь пробирает всего.

«Ты Кулешов?» — обратился с вопросом
Важно директор к нему,
С пузом-копною и вздернутым носом.
«Я-с!» — он ответил ему.

— «Ты, братец, стар. Неудобен к работе,
Наш ведь завод не уют!
Левин! Добавьте ему при расчете
Трешник в награду за труд!»

Крикнув кассиру и ус завивая,
Гордо пошел в кабинет.
«Сжальтесь!» — взмолился старик мой,
рыдая.
Идол... Не глянул в ответ.

Третий вот день не встает и с постели,
Охает, хнычет, не спит.
Да, золотые деньки пролетели,
Голод, родная, грозит.

Надо собирать, а легко ль Никанору
Горюшко мыкать с сумой!
Он не пойдет и умрет у забора:
Глупый характер такой».

1882

7. БЕЗРАБОТНЫЙ

Быть тунеядцем не хочу, —
Я не изнежен барской спячкой,
И чтоб идти просить подачки
С лукавой лестью к богачу,
Помимо честного труда, —
Нет, не решусь я никогда!

Дитя фабричной голытьбы,
По вечерам, закрывши глазки,
Не слушал я забавной сказки,
Как внемлет баловень судьбы,
Который ласкою согрет,
Всегда накормлен и одет.

Я с детства подъяремным стал.
Меня ребенком лгать учили;
Как за порок, за правду били.

И долго я не понимал,
Где надо ползать, где хитрить,
Что ненавидеть иль любить.

Беспечный смех был чужд меня.
От боли плакать я стыдился,
Молитв не знал и не молился.
Удел страдальческий кляня,
На всё с презрением глядел
И рано к жизни охладел.

О, ведьма лысая — судьба
Страданий тяжких без предела!
Ты не одно терзаешь тело
Тебе подвластного раба;
Ты пьешь за каплей каплю кровь,
Сжигаешь веру и любовь!

Под игом вековых скорбей,
Обвеян вихрями невзгоды,
Я жаждал лишь одной свободы
Для всех униженных людей,
Чтоб сквозь завесы черных туч
И нам блеснул отрады луч.

Насилья грубый произвол,
Пред властью дикой униженье,
Труд непосильный и лишение —
Ужели мало этих зол,
Чтоб не понять, не оценить, —
Так невозможно дальше жить.

И в первый раз надумал я
Пред богачом открыто, смело
Сказать, что в сердце наболело;
Жизнь надломилась моя, —
Он был озлоблен, поражен
И заорал: «Ни слова, вон!»

Мой многолетний труд пропал,
Забылись рабские заслуги. . .

Е. Е. Нечаев

Что ж тем рабочего недуги,
Кто не работал, не страдал,
В ком сердце твердо как гранит,
Ничьим трудом не дорожит.

Но я с повинной не пойду,
Холопски кланяться не стану
Ни грубой силе, ни карману.
Перенесу свою беду,
Пока есть мощь в моей груди:
Работы много впереди!

Не всё же будет гений зла
Служить заплечникам в угоду,
Придет желанная свобода,
Всю нечисть выметет дотла!
И за мытарства долгих лет
Они во всем дадут ответ!

1890

8. ГУСЛЯР

За глазами семьи, в кабачке за столом
Собралися купцы отдохнуть вечерком;
У друзей пир горою пошел.
И от водок и вин, ветчины с балыком
Чуть не ломится стол.

Половые подать успевают едва,
И пируют купцы так не час и не два,
Удивляя заходящих гостей.
Лица заревом пышут, и льются слова
Что ни дальше — пошлей! . .

«Эй, хозяин, — вдруг молвил купчина седой, —
Нет ли здесь у тебя, так сказать, под рукой,
Кто бы мог на гармошке сыграть?
Я порою охотник тряхнуть стариной,
Да и дока плясать! . .

Хорошо бы девчонку. . . ну, с той мы споем!
Что ж, заплатим за всё и в изъян не введем:
Знаем мы, где прожить, где сберечь. . .
Со сторицею в день по торговле вернем, —
А в гульбе не перечь!»

— «Уж кому, как не вам! . . . Есть у нас музыкант,
Самородок на диво, отменный талант,
Только жаль бедняка, пропадает:
Нынче сыт и обут, любо-дорого, — франт,
А наутро пропъет.

И такой ли простяк, доложить смею вам:
Грош последний отдаст бедняку, как и сам. . .
Что ни старая нищенка — мать.
Что ж, пытал говорить, да не впрок дуракам
Жизни мудрости знать».

Через десять минут привели игрока,
И хозяин, трепля по плечу босяка,
Говорит: «Не ударь в грязь лицом!
В этом разе, приятель, зевать не рука, —
Объявись молодцом!»

Вот предстал пред купцами хваленый «артист».
Как кабатчик сказал, подтвердилось — «чист»:
Босиком и в худом пиджаке;
Худ и бледен лицом, не высок, но плечист
И с гуслиями в руке.

Гордым взором купчина окинул его
И, наморщивши лоб, говорит: «Не того. . .
Неказист и потрафит навряд. . .
Не по чину, как видно, наряд у него
И мерзителен взгляд! . . .»

— «Ничего, господа, разубажу я вас.
По одежде узнать трудновато подчас,
Ведь в наряде умен и болван. . .
Только дайте хлебнуть, чтоб не морщился глаз,
Видя с водкой стакан».

— «Ну посмотрим, валяй, глотони коньяку, —
Наливая, промолвил купец игроку, —
Енеральское это вино!
Не такому бы пить, как тебе, чудаку.
Братцы, пьем заодно!»

Обозлился босяк, мечут искры глаза,
Загорелся в них оскорбленья слеза,
И, по струнам ударив рукой:
«Не брался бы судить, кто не знает аза», —
Прошептал он с тоской.

«Эй вы, гусельки-мысли, звените звончей,
Разгоните на сердце грусть-муку скорей,
Что мне дал от рождения рок!
Распотешьте на славу почетных гостей. . .» —
Подпеваает игрок.

Засмеялись купцы, ухватясь за бока,
Под веселый напев и игру босяка.
«Ай да славно! Ну, мастер играть!»
А купчина седой грянул: «Жарь трепака!» —
И пустился плясать.

Заходили столы, половицы трещат;
За графинами рюмки со звоном летят
От медвежьего пляса купца.
А друзья бьют в ладоши под лад и пыхтят,
Как мехи кузнеца.

В изумленьи дивится «кабацкий народ»;
А купец то присядет, то кверху махнет,
То на месте кружится вьюном,
И с седой головы градом катится пот,
Весь он пышет огнем. . .

«Браво! Браво!» — кричат в кабачке тут и там.
А игрок удалее всё бьет по струнам.
Утомившись, плясун наконец
Рявкнул: «Стоп! Передышечку дайте ногам,
Пьем, голец-удалец!»

И, обняв босяка, он садится к столу.
«Коньяку нам еще! — Уж прости: не к числу
Поначалу ругнул я тебя.
Верь купецкой душе — не серчай за хулу;
Я ругаюсь любя.

А теперь, брат,хвати-ка да песню нам спой,
Расскажи, как дошел ты с такой головой
До бродяги? Сказать не в укор,
По догадкам моим, ты умом и игрой
Бесподобный ахтер!»

За стаканом стакан выпивает коньяк
Поощренный купцами голодный босяк,
Заедая икрой с балыком;
А потом и зашел. . . Разом стихнул кабак;
Всё внимает кругом.

«Эй вы, гусельки-мысли, звените громчей,
Успокойте тревожное сердце скорей,
Я под нежные звуки спою
Про тяжелую долю свою!

Нежелательным вовсе, обузой большой,
От рабыни, измученной горькой нуждой,
Средь голодных бродяг, лишним ртом
Я родился в подвале сыром;

Отрывая от дела работницу-мать,
Заставлял горемычную только страдать.
И нередко ходила она
На работу в слезах и без сна.

Что ж! . . Не вынесла мать этой тяжкой борьбы,
Надломилася жизнь от ударов судьбы:
Захирела, бедняжка, слегла. . .
Девятнадцати лет умерла! . .

Я не помню ее, я не плакал по ней,
Только плачу теперь в пору темных ночей,
Проклиная в бессильи того,
Кто был главной причиной всего. . .

Без привета и ласки, всем людям чужой,
Я был выхожен пьяной нищухой одной. . .
 Я веселого детства не знал,
 С первых дней, как щенок, голодал.

Чтобы тронуть сердца нищетою до слез, —
В жалком рубище, в дождь и жестокий мороз
 Выходил я на промысел с ней,
 Мок и мерз у церковных дверей. . .

Ах, зачем же, зачем я не умер тогда?! .
Дальше — хуже, тошнее тянулись года. . .
 Страшно вспомнить об этом теперь:
 Я был вор, был бродяга и зверь!

Эй вы, гусли-отрада, звените звончей,
Разгоните вы думы, могилы мрачней;
 Я веселым гостям допою
 Безотрадную повесть мою.

Я не знаю отца, но ведь был и отец,
Сердобольный, богатый какой-то купец:
 Мать призрел, обманул и прогнал,
 Как и многих, в вонючий подвал!

Я не помню ее, и лишь только во сне
Мать отрадою светлой приходит ко мне. . .
 Отзовись же, отец! Где ты, изверг-злодей,
 Жизнь и счастье отнявший у пей?»

И, удара о звонкие струны рукой,
Точно замер певец, обливаясь слезой,
 А кругом тихий ропот пошел. . .
Побледнел, задрожал вдруг купчина седой
 И свалился под стол. . .

Отчего занемог так внезапно богач?
Он был крепок на вид и натурой силач. . .
 Иль причина веселье и смех?
Или тронул его укоризною плач?
 Это тайна для всех.

Но с тех пор, говорят, что-то сделалось с ним;
Он не ходит в кабак, стал совсем нелюдим,
 Лучший друг не узнает его.
И всё бродит с тоской по подвалам сырым,
 Словно ищет кого.

1891

9. ДУМЫ

Каждый день одно и то же,
То же кресло и горшок,
На работе лезь из кожи, —
От нужды ни на вершок.

Та же нищенская плата,
За труды — кровавый пот;
Те же голод, и заплаты,
И заботы полный рот.

Та же гута, как темница,
Держит нас в своем плену,
Те же жареные лица,
Тот же оклик: «Ну же, ну!»

И средь грохота и шума
Что и как не разберешь, —
Сетью спутанные думы
Не развяжешь, не порвешь.

Ведь не день, не два, а годы
Вдаль уходят чередой.
Так когда же дни свободы
Нас порадуют собой?

«Что ты, глупый, разве можно
Говорить так... не во сне,
И преступно и безбожно... —
Некто в страхе шепчет мне. —

Чу... несут какие кары
За бессмысленный твой бред».

— «Замолчи ты, идол старый,
Всё равно один ответ.

И в тюрьме найдутся люди
Мне под стать, не тумаки». —
«Брось, заботься о посуде,
Кособокой не патки! . . .»

1891

10. ДУШНО

Душно в гуте. . . Нудный гомон
Уши режет до ломот,
Я истерзан и взволнован,
Задушил проклятый пот. . .

Трубка ¹ руки жжет до боли,
А стекло жидко́, как ртуть.
Затянуть бы песню, что ли? . .
Не дает больная грудь. . .

За окном простор без края,
Ветер режет холодком,
Лишь меня, не оставляя,
Мучит дума об одном. . .

Торопись, не ждет работа,
Ну, наддай, еще наддай,
О семье твоя забота,
Восемь ртов — на всех давай. . .

Молод я. Моя ль причина,
Что отец покинул нас
И, взваливши всё на сына,
Целый год не кажет глаз? . .

Говорят, сложил он где-то
В незнакомом мне краю

¹ Трубка — главный инструмент стеклянщика.

За призыв рабочих к свету
Буйну голову свою.¹

Те же мысли, те же зовы
И меня влекут вперед,
Так приветливы и новы
И разгульней вешних вод...

Ум и сердце рвут на части,
Колокольцами звенят,
Обещают волю, счастье,
Сулят тысячи наград.

Силы нет семью оставить,
Не дает любовь уйти.
Что ж, собирать ребят заставить?
Духа мощь, не допусти...

Пусть колодником загину,
С думой солнышка ясней,
А сироток не покину,
Обездоленных детей...

Меркнут мысли... Тише зовы,
Всё мрачней ночная жуть,
За дверьми туман суровый
Застилает к свету путь...

1891

11. ПЕСНЯ ХРУСТАЛЕЙ

Мы бездомны, как цыгане,¹
И долгий век в часы труда
То задыхаемся, как в бане,
То замерзаем в холода.

¹ Мне было восемнадцать лет, когда отец ушел искать лучшего.

Наш отчий кров хламида-гута
Пыльней подножного мешка,
Мрачней тюремного уюта,
Шумней базарного шинка.

П Р И П Е В

Пока мы с трубками в руках,
Не страшны нам
«Увы» и «ах».
Вертясь по креслам¹ колесом
Под стук колодок: трам-трам-трам,
И здесь и там
Мы песни вольные поем.

Лелея мыслей вереницы
Хоть из-под ручки видеть свет,
Привыкли жить свободней птицы,
И нас решительнее нет.
До седины нам ветер в спину,
И нипочем метелей жуть —
Нажал хозяин — стоп машина,
Инструмент побоку — и в путь!

П Р И П Е В

Пусть вновь за нищенскую плату
Хребтину гнем кочедыком,
Зато надеждами богаты,
Полны грядущего огнем.
Мы верим в радужное время:
Оно придет, разгонит мрак,
И, сбросив каторжное бремя,
Восторжествует брат-голяк.

П Р И П Е В

1891

¹ К р е с л о — рабочая скамейка.

12. ПОКОС

День встает румян и ясен,
И обильный с высоты
Льется свет сквозь листья ясен
На душистые цветы.
Убрала свои покровы
Ночка темная с полей,
Закипает всюду снова
Жизнь привольней, веселей.
Пробудившийся с рассветом,
Своенравен и игрив,
Ветерок шумит приветом,
Шевеля вершины ив,
Будто шепчет людям: «Други,
За работушку пора!
Отдохнете на досуге
В час ненастного утра;
А теперь скорей за дело,
Благо ясен небосвод,
Чтобы солнце посмотрело,
Как старается народ;
И ему тогда милее
Бросить луч погорячей,
Чтобы труд был ваш спорее,
Сено сохло поскорей! . . .»
Чу! Среди травы душистой,
Где шумливый ручеек
Блещет влагой серебристой,
Навевая холодок,
Здесь и там щебечут птички
На ветвях густых берез,
И несутся в переключку
Звуки выточенных кос.

1891

13. ДОЖДЬ

Нестерпимо в полдень знойный
Солнце яркое палит,
И в дубраве благовонной

Ветерок неугомонный
По ветвям не шелестит.

Очарованный покоем,
Точно спит цветущий дол,
И на нем не выются роем
Обессиленные зноем
Семьи бабочек и пчел.

Вдруг волнистою грядою
Потянулись облака;
Ветерок потряхнул листвою, —
Серебристой чешуею
Покрывается река.

А под влагою целебной
Дождевых алмазных слез
Шепчут тучам гимн хвалебный
Василек и колос хлебный,
Листья кленов и берез. . .

1892

14. БОР

Привет тебе, дремучий бор,
Отрада юных дней;
Я вновь пришел под твой шатер,
Сплетенный из ветвей.
Как и тогда, в твоей тиши,
Красавец вековой,
Хочу найти покой душе,
Усталой и больной.
И ты, врачуя мой недуг,
Под свой радушный кров
Прими меня, как старый друг
Промчавшихся годов.
Не тот уж я, что прежде был,
Десятки лет назад,
Растратил я избыток сил —
Бесценной жизни клад.

Сломили мощь нужда и зло,
И тяжести кручин
Мне наложили на чело
Глубокий ряд морщин...
А ты всё тот же, дорогой,
И молод и могуч,
Тебе не страшен бури вой
И темь дождливых туч.
Гремит ли гром в полночный час
Подолгу над тобой,
Не трусишь ты и всякий раз
Выдерживаешь бой.
Метель ли зимняя когда
Затеять хочет спор,
Ты грудью смелою всегда
Готовишь ей отпор.
Всё так же полны красоты,
Вечернею порой
Твон зеленые листы
Лепечут надо мной...
Люблю тебя я, богатырь,
О лучший из друзей,
Люблю красу твою, и ширь,
И сень густых ветвей!..

1892

15. СИЛА ПЕСНИ

Случалось ли тебе усталою душой
Безвестного певца мелодиям внимать
В свободный тихий час вечернею порой,
Когда в природе всё готово задремать,
Когда прощальный луч румяного заката,
Окрашивая лес, угаснет за горой
И ветерок пахнет дыханьем аромата
С полей, цветущих нив, обрызганных росой?
Поет ли тот певец про неудачу, горе,
Про долю сироты, измученной нуждой,
Про матушку ли степь, что широка, как море,
О Волге ли реке, красавице родной, —

О чем бы ни лились чарующие звуки
Свободного певца, они волнуют кровь,
В них слышится и жуть невыразимой муки,
И удали размах, и чистая любовь.
Внимая песням тем, забудешься невольно
И мысленно летишь куда-то далеко;
А сердце то грустит мучительно и больно,
То станет на душе несказанно легко.

1892

16. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ХРУСТАЛЬЩИКОВ

Спи, младенец мой прекрасный. . .

М. Ю. Лермонтов

Спи, усни, соколик ясный,
У моей груди
Светлых слез не лей напрасно,
Тятю не буди.
Он недавно лег усталый,
Хочет подремать.
Через час придут, пожалуй,
На работу звать.
Не уснувши, неохота
В гуту выходить.
Будет в сердце за работой
Деточку корить.
Дай уснуть ему, бедняжке,
Встанет веселей,
В дачку¹ купит на рубашку
Крошечке своей.
Я сошью и два шнурочка
Обложу кругом,
Наряжу в нее сыночка,
К бабушке пойдём.
А потом весна поможет,
Ножками пойдешь,
Скоро завтрак тятю, может,
За меня снесешь.

¹ Д а ч к а — получка жалованья.

Легче птички быстrokрылой
 Прилетит пора,
Будешь сам работать, милый,
 С ночи и с утра.
Сердце птенчиком забьется
 У тебя в груди,
И немало приведется
 Встретить впереди
Неудач до жгучей боли
 И лишений ряд,
Холод, голод и мозоли
 Отуманят взгляд.
Только в ваши дни бывает
 Жизнь так хороша,
Злого горюшка не знает
 Детская душа.
Всюду счастье и отрада
 Роем за тобой,
Невидимкой грусть-досада
 Ходит стороной.
Слышишь, чу! Будильщик это
 В дверь стучит клюкой.
Спи, кормилец мой, до света,
 Хлопчик золотой!

1892

17. ВЕЧЕР

С кумачовою каймою
Мчатся тучи-великаны,
А над гладью водяною
Синеватой пеленою
Подымаются туманы.

Сумрак длинными рядами
С переливами сиянья
Тени стелет над полями;
Ветерка между ветвями
Еле слышится дыханье.

И, в мгновенье исчезая,
Блещут на небе зарницы,
И несется, замирая,
Песня вольная, живая
Запоздалой в поле жницы...

Чу! Затихли под горою
Песни звонкой переливы...
Всё яснее над землею
Блещут ризой огневою
Зерна — звезды синей нивы.

Глубь небес, его сиянье,
Шум колосьев предо мною
И травы благоуханье
Много дивного мечтанья
Мне навеяли собою.

<1893>

18. БОЛЬНОЙ

Брату Яшеньке

Марья, касатка! Укрой чем-нибудь,
Холодно что-то, родная...
Боль замытарила злая...
Сам бы... нет силы рукой шевельнуть,
Точно цепями прикован к одру...
Видно. я скоро... отмаюсь, умру...

Спишь ты? Ну, спи, ангел божий с тобой!
Сон не задаром достался,
День-то, чай, за год казался.
С фабрики еле приходишь домой...
Вдосталь намаешь и руки и грудь.
Грех ли бедняжке покрепче заснуть?..

Оси, колеса, приводов ремни
Прочны, а тоже сдаются:
Портятся, крошатся, рвутся;

Служат на деле не вечно они,
Где же рабочему силы сберечь,
Рано иль поздно калекой не слечь?

Только мы в детстве одним и живем,
Проще сказать: до завода.
В эти лишь дни и свобода
Нам, горемычным, — шумим и поем...
Детство короткое, можно ль тебя
Вспомнить без слез, безутешно скорбя?

Лето придет — золотая пора,
В полном довольстве живется...
Солнышко только проснется,
Кликнешь ребяток, — и марш со двора.
Десять минуток до леса ходьбы —
Там земляника, щавель и грибы.

Все мы любили свободу, простор;
Там мы не знали печали,
Птицы нас песней встречали,
Дивные сказки рассказывал бор,
Взор восторгали речушки извив,
Ширь необъятная, золото пив.

Бродим, бывало, как будто в раю,
Веселы, вольны, как птицы,
Счастью не зная границы...
Вникни, голубушка, в повесть мою;
Даже теперь и на смертном одре
Радует думка о светлой поре!

Точно кроты, собирая в запас
Зернышки, рыщут по полю,
Так набирали мы вволю
Ягод, грибов, что по силам для нас...
Только мы лишними были зимой,
Карой господней, обузой большой...

Помню... мне только сравнялось семь лет,
Жить бы, синицей порхая...
Ну, а семья нас большая:

XI

Героем тот лишь назовется,
Кто добродетель красну чтит,
Кто лишь из должности биется,
Не жаждет кровь реками лить;
Кто побеждает — победивши,
Врага лобзает своего
И руку дружбы простирает
К нему, во знак союза с ним.

XII

Кто сирым нежный покровитель;
Кто слез поток спешит отерть
Благодеяния струями;
Кто ближних любит, как себя;
Кто благ в деяньях, непорочен,
Кого и враг во злобе чтит —
Единым словом: кто душою
Так чист и светл, как божество.

XIII

Венцов оливных тот достоин,
И лавр его всегда цветет;
Тот храма славы лишь достигнет,
В потомстве вечно будет жить, —
И человечество воздвигнет
Ему сердечный мавзолей,
И слезы жаркие польются
К нему на милый сердцу прах. . .

XIV

Я в куще тихой, безмятежной
Героем также быть могу:
Мое тут поле брани будет
Несчастных сонм, гоним судьбой;
И меч мой острый, меч огнистый
Благодеянья будет луч;
Он потечет — и побеждает
Сердца и души всех людей.

С паспортом волчьим покинешь завод...
В нашей ли воле управа и суд?
Диву даешься, как люди живут!..

Вот доконала без времени хворь,
Сгнули удаль и сила,
Мнится мне, кличет могила:
«Будет, Калиныч, — со смертью не спорь!»
Марьюшка, молви! За скорбь и за труд
Где же награды рабочего ждут?..

1893

19. СВИРЕЛЬ

Много лет прожил на свете
За трудом Савелий дед;
Наконец приходит время
И ему покинуть свет.

Изнемог, свалился бедный,
Нет движения в руках.
Грустно смотрит на иконы,
Громко кается в грехах.

Что же делать? Кто поможет?
Все на деле — недосуг,
Только, дедушку жалея,
Неутешно плачет внук.

Помня сказки и советы,
Ласку теплую его:
«Дед, вставай! Поешь, родимый!»
Дед не хочет ничего.

Прошептал лишь: «Внучек милый,
Сунь ручонку под постель,
Я дарю тебе на память
Самодельную свирель.

Научись играть, голуба,
Пригодится, друг, тебе,
В горе радостью послужит,
Духом мужества — в борьбе!»

Вынул внук свирель и смотрит,
А играть не может, нет.
Душат слезы. В эту пору
Смолк навек Савелий дед. . .

Вырос внук. Советы деда
Исполняет и хранит.
Где бы ни было, повсюду
Смело правду говорит.

Любят все его, как друга,
Ото всех почет ему,
Только власти почему-то
Придираются к нему. . .

То в стану продержат долго,
Не доходит, вишь, черед,
То пошлют с бумагой в город,
Отрывая от работ.

Внук выходит из терпенья
И поплачет нет да нет;
Вдруг он вспомнил о свирели,
Что ему оставил дед.

Взял ее, простился с миром,
Окропил поля слезой,
И пошел искать он долю,
Со свирелью и сумой.

Что порой зашепчет ветер,
Зашуршит в лесу ручей,
Иль о чем поет и свищет
Сладкозвучный соловей,

Эти тайны путник скоро
Стал легко перенимать,
Чтоб на дедовой свирели
В чудных звуках передать.

Одаренный вдохновеньем
И горячею душой,
Был он принятым повсюду
Как желанный и родной.

Удручен ли кто печалью,
Безысходною нуждой,
Исцелить умел он душу
Песней вольной и живой.

И доныне эти песни
Сохранил еще народ,
Что приносят утешенье
В дни тревоги и невзгод.

1893

20. НЕ ГРУСТИ

Песня

Не впадай в уныние,
Голова победная,
Жизнь, хоть и рабочая, —
Не полушка медная!
Дорожить ей надобно,
Защищать, что силы есть, —
Падать пред невзгодами
Молодцу какая честь?
Брось раздумье горькое,
Думушку бурлацкую,
Затяни по-прежнему
Песню залихватскую.
И, как волны гонятся
Ветром в воду полую,
Разгони ты песнею
Боль души тяжелую.

Пусть ее послушают
Те, кому не нравится.
В звуках этих ярче всех
Правда выливается...
Песня эта звонкая
Стоном бури носится
И в сердца холодные
Угрызеньем просится.
Мы ли не сроднились
В осень с непогодами,
С горькими обидами,
За трудом с невгодами?
Запугать что может нас
И сломить терпение?
Силы и выносливость
Нам даны с рождения!
Брось тоску щемящую,
Думушку тяжелую,
Ободришь и песенку
Запевай веселую!

1893

21. ПЕСНЯ

Ф. В. Нечаевой

Лейся, песня моя, средь безмолвных полей
При сияньи волшебном луны,
Под шумок ветерка, и под шелест ветвей,
И под плеск говорливой волны!
Всё, что сердце таит от друзей и врагов
В глубине беспредельной своей,
По раздольям полей и душистых лугов
Ты в восторге горячем разлей!
Мне не надо богатств и почетных наград,
Не прельстит это душу мою,
Никогда, проходя мимо пышных палат,
Я завистливых дум не таю.
Пусть иной день и ночь, как тяжелый больной,
Одержимый недугом забот,

Полон страха и мук, охладелой рукой
 Вычисляет годичный доход. . .
Теплый угол убогой каморки моей
 И подруги любовь и привет,
Нежный лепет дитяти и ласка друзей —
 Мне дороже на свете их нет!
Никогда не продам за почет и гроши
 Этих лучших от неба наград. . .
Лейся, песня моя, лейся ты от души
 С голосами мне сродными в лад!

1893

22. ПРИРОДА

Какая ширь! Какой простор!
Куда ни брось пыливый взор,
Нет свету белому границы,
Безбрежным стелются ковром
Поля, цветущие кругом.
Чу! Песня льется серебром
Незримой в выси вольной птицы.
Невдалеке лохматый бор
Идет стеной, хребтиной гор,
Как бы вершиною кудрявой
Касаясь легких облаков;
А у подножья, средь лугов
Веселый Дон из берегов
Глядит картиной величавой.
Всё дышит радостью земной,
Приветом, ласкою родной.
И лишь меня, как в непогоду
Тревога путника гнетет,
Терзает мыслей хоровод:
Зачем не всякий так живет,
Как учит каждого природа?

1894

Хоть ты уже не та, что в годы молодые,
 На утре светлых дней промчавшейся весны:
 Угас румянец щек, и очи голубые
 Былых волшебных чар навеки лишены.
 Высокое чело изрезали морщины,
 Согнулся гибкий стан, и локон черный твой
 Покрыли серебром глубокие кручины,
 Речь гордая звучит болезненной тоской.
 Хоть ты уже не та... но всё же в час свиданья
 Случайного с тобой на склоне наших дней
 Отраднo вспомнать минувшие страданья
 За вольное житье, за лучшее людей...
 И мысленно идти по избранной дороге,
 Где ожидали нас и подвиг и гроза;
 Сильнее дышит грудь от радостной тревоги,
 И искрятся росой веселнею глаза...

1894

24. МАЯК

Когда пловец в открытом море,
 Объятом сумрачною мглой,
 В его неведомом просторе,
 С слезой отчаянья во взоре
 Заслышит бури грозной вой, —
 Увы! — надежда на спасенье
 Не окрыляет моряка...
 Но вдруг, как утра возрожденье,
 Пред ним заблещет в отдаленье
 Приветный пламень маяка.
 Остаток силы напрягая,
 Пловец отваги новой полн:
 По волнам пенистым ныряя,
 В душе тот свет благословляя,
 К нему он направляет челн.
 Поэт, источник вдохновенья,
 Любимец муз и красоты,
 Для всех, кого гнетут сомненья

И горькой жизни треволненья,
Будь маяком отрадным ты!
И песней, радостью обильной,
Согрей разбитые сердца,
Рассей над ними мрак могильный
И окрыли их дух бессильный
Огнем божественным певца!

1896

25. МАЙ

Из страны заокеанной,
Из страны, где вечный рай,
К нам приходит гость желанный —
Чародей, прелестный Май,
Юный, с мощью исполинской;
Как магическим жезлом,
Он рукою богатырской
Чудеса творит кругом.
Стелет с яркими цветами
Пышный на землю ковер
И зелеными листьями
Одевает темный бор;
Льет обильно ароматы,
Насекомых мир живит
И, собирая хор пернатый,
Петь без умолку велит.
Точно праздник в божьем мире, —
Нет веселию границ,
Торжествует, как на пире,
Май с рассвета до зарниц.

<1897>

26. ИЗ ОСЕННИХ МОТИВОВ

Вот и осенний пришел холодок,
С дождиком, ветром шумливым.
Кружится в воздухе желтый листок,
Сорванный вихря порывом.

Точно развенчанный витязь угрюм,
Сбросив наряд драгоценный,
Полон глубоких таинственных дум,
Лес приуныл обнаженный.
Путник усталый полднейной порой
В нем не находит прохлады,
Мимо идет и небрежной стопой
Топчет деревьев наряды.
Вместо веселого пения птиц
Воют там бури порывы.
В поле не видно заботливых жниц, —
Сжаты и убраны нивы.
Скошенный луг не прельщает очей,
Тропка цветистая смята,
Пахарей дружных не слышно речей
С ранней зари до заката.
Чу! Запоздалых гусей караван
В путь отправляется дальний,
С выси безбрежной сквозь серый туман
Шлет нам привет свой прощальный.
Громко кричат вереницею всей,
Мерно махая крылами:
«Счастливы будьте! До вешних лишь дней
Мы разлучаемся с вами!
Только проснется бурливый ручей,
Льдистую броню ломая,
Вновь прилетим мы на лоно полей
Милого отчего края!»

<1897>

27

Как в игривом блеске утра золотого,
Оперившись, птенчик, чуя крепость крыл,
Рвется на свободу из гнезда родного,
Рвется неустанно, полон свежих сил.

Радостью трепещет сердце молодое,
Красота природы ослепляет взор,
Слух его ласкает пенье хоровое
По лесам и рощам и манит простор...

73

Он не знает страха, силы грозной бури,
Не смущает хищник юного птенца,
Он лишь жаждет воли плавать по лазури,
Светел и доволен, счастлив без конца.

Так и мы когда-то птенчиком бесстрашным,
Чувствуя избыток силы молодой,
Восторгаясь миром дивным и прекрасным,
Рвались к свету смело сильною душой.

Пусть над головою грозные метели
И раскаты грома слышались подчас!
Светлые стремленья всё преодолели,
Робость и сомненье не смутили нас.

Под ярмом тяжелой, безысходной доли,
В неразрывной дружбе с горем и трудом
Мы узнали цену и любви и воли,
Шествуя тернистым, но прямым путем.

1898

28. ЯЗЫЧНИЦА

Я верила ему от колыбели,
«Он добр, он добр, — мне говорила мать,
Когда меня укладывала спать,
Голодную, склонившись у постели. —

Он справедлив, голубка, и над нами
Взойдет заря и осчастливит нас. . .
Ты запоешь, как птичка в ранний час
Поет, резвясь, согретая лучами.

Ты расцветешь, как ландыш белоснежный,
Как василек на ниве золотой. . .
Болезная, с горячею слезой
Молись ему душою безмятежной».

Я верила. . . В нужде изнемогая,
Чуждаясь слов «зачем» и «почему»,
Несчастливая, я верила ему,
Всю горечь зла в молитве забывая,

Прошла пора. Мечтам моим бесплодным —
Увы! — теперь не верю, как и снам,
Я поняла: он не поможет нам,
Рабам нужды, забитым и голодным.

Он изваян жрецом честолюбивым,
Одетый в шелк. И, золотом залит,
Он бедняку страданием грозит;
А рай земной он отдает счастливым.

Повсюду зло. . . Кровь неповинных льется,
И с каждым днем мучительней, слышней
Несется стон измученных людей,
Мольба ж к нему бесплодной остается. . .

Довольно лгать! Я не могу склониться
В мольбе пред тем, кто близок богачу,
А бедным чужд. . . Довольно! Не хочу
И не могу я более молиться!

1899

29. МОРЕ

Необъятное буйное море,
Ты загадка всегда предо мной.
Что ты выразить хочешь собой
В этом страшном неистовом споре
С беспощадною бурей злой?
И зачем эти волны седые
Высоко так вздымаются в ряд,
Точно всё уничтожить хотят,
И, о скалы дробясь вековые,
Оглушительно стонут, шумят,
Будто ищут свободы и света,
Рвутся к небу в простор голубой?
Так, пылая любовью святой,
Рвется скорбное сердце поэта
Против зла и неправды людской. . .

1900

30. ПАМЯТИ Г. И. УСПЕНСКОГО

Закатилась звезда... не ронять уже ей
С небосвода лучи золотые,
Затворились уста и угас блеск очей
У борца за идеи святые.
С пылким чувством в груди, с неподкупной
душой

И трудясь до кровавого пота,
Не сошел он, колеблясь, с дороги прямой
Ради шумных похвал и почета.
Как апостолы шли без щита и меча
Проповедовать истину бога,
Так и он перед правдой горел, как свеча,
И лишь истине верен был строго.
Голодающий сам, не про сытых господ,
Что бегут и нужды и работы,
Соком нервов писал, нет!.. Писал про народ, —
Про его и печаль и заботы.
Говорил и о том, кто лечить всё хотел
Слабый дух от лихого недуга,
И за каждого он горемыку болел,
Как за самого лучшего друга.
Но, увы, изнемог под тяжелым крестом...
Преждевременно разум и силы
Надломил болеть неожиданно в нем,
Довела до холодной могилы!..
Спи же, друг горемык! Спи, нам близкий, родной!
Долг свой честный исполнил ты свято,
И мы платим тебе не крикливой хвалой,
А слезой неутешного брата.

1902

31. ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

В дни беспросветного горя народного,
Гнусной неволи, цепей
В образе дивном певца благородного,
Звуком чарующим слова свободного
Тронул сердца ты людей.

Памяти Н. А. Некрасова.

1877 дек 27 1902

Во дни безпробитного гора природного
Ущелья неволи, утныи

От обриси дивного твоя блжрдного
Ужасом торжествующа слободнаго

Тропула ти сердуд людий

Искренно впрямь светолу призваню

Твоя в роизнла юности для

Пути трудовой ти избрива племениго

Твоя слышала одному состраданю

Полный любви и огня

Мног ты одел рабви ужимательной

Мног предг твоя и в тиши

Многим королем ты твоя презрительной

Но болшиятву оне святой ужимательной

Отжмкнла Брнтовой души

Вред ужасом твоя востротенно

От мира еди состраданю твоя

Мног лимь тени.. Вншю сердце

Слышала тебе ты за добро востротенно

Кому перавенный подем

Э Череве

Искренно веря святому призванию,
С раннего юности дня
Путь трудовой ты избрал по желанию,
Честно служил одному состраданию,
Полный любви и огня.

Пел ты о доле раба унижительной,
Пел пред толпой и в тиши,
Многим та песня казалась язвительной,
Но большинству же — святой, утешительной.
Откликом братской души.

Время умчало тебя быстротечное
В мир, где страдания нет. . .
Живы лишь песни. . . Спасибо сердечное
Скажем тебе мы за доброе, вечное,
Наш незабвенный поэт! . .

1902

32. ПАМЯТИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

1893—1903

26 сентября

Сегодня десять лет, как нет уже поэта.
Жизнь славного певца угасла навсегда,
Как гаснет иногда в сиянии рассвета
В небесной глубине полночная звезда.

Пусть каи могильный холм давно оброс травой
И прах твой стерегут душистые цветы,
Политые друзей горячею слезою,
Но всё же мнится мне: поэт, не умер ты!

Пусть каи твоя рука до лиры не коснется,
Послушная струна на ней не прозвучит,
Но песнь твоя «Вперед!» донине раздаётся,
Лаская чуткий слух, волнует и живит.

Пусть каи ты мирно спишь давно в земле холодной,
Но светлый огонек, что теплился в груди
При жизни у тебя, звездой путеводной
Он так же всё горит пред нами впереди! . .

Окончив труд дневной, вечернею порою
Люблю я меж детей душою отдыхать,
Когда они к столу усядутся гурьбою,
Чтоб песенки твои наперерыв читать.

Незримый для очей, присутствуя меж ними,
На подвиг ты зовешь их детские мечты, —
Любить и сострадать, быть для чужих родными
В чарующих стихах малюток учишь ты...

И долго я слезу, любуясь на ребяток,
Как взор слезится их, как личики горят,
А лепет о тебе так радостен и сладок...
Ты жив еще, поэт, — мне дети говорят!..

1903

33. ПЕВЕЦ

Я по призванию певец
И много дивных песен знаю,
А научил меня скворец,
Когда он пел молитвы маю,

Да соловей в рассвете дня,
В ветвях курчавых старой ивы,
Привет торжественный звеня,
Будил души моей порывы,

Да придорожный лес густой;
Луга причудливым узором
Шептали внятно: «Хлопец, пой!
Игривей льется песня хором».

Небес лазурная эмаль,
Речушки рокот говорливый
Меня манили властно вдаль,
В полет за мыслью торопливой.

Я против воли забывал
Про стены шумного завода
И звонкой пчелкой улетал
На призыв ласковый природы.

Пускай меня расплата ждет,
Певцу до этого нет дела;
Когда душа его поет,
Молчи, истерзанное тело.

Ведь звуки песен для меня
Нужны, как свет и росы полю.
Они из чувства и огня
Рабу выковывают волю.

1903

34. ДРУГУ

Друг, не гонись за шумной славой,
Как искушения беги
Минутной почести лукавой,
И пламень мысли величавой
Неугасимым сбереги.
Не дорожи пристрастным мнением
Людей продажного пера;
Владея твердым убеждением,
Ты пой свободно, с увлечением
О силе правды и добра.
И ядом гнева и проклятья
Не отравляй собрата грудь;
Кто жаждет света, без изъятья
Всем распрости свои объятья
И укажи заветный путь.
Поверь мне: бури шум ужасный
Не вразумляет, а страшит.
И только солнца луч прекрасный
Своею силою всевластной
Нас восторгает и живит.
Итак, идя дорогой тесной,
Будь духом бодр и сердцем свят,
И похвалы себе известной
Ты не ищи за подвиг честный —
Тебя оценит скорбный брат.

1903

35. ПРИВЕТ

Привет тому, кто с юных дней,
Покуда не изменят силы,
Трудится честно до могилы
Среди распаханых полей
И, проливая пот и кровь,
Хранит и веру и любовь!

Привет тому, кто никогда
В часы тяжелого недуга
Не бросит страждущего друга,
А руку помощи всегда
Спешит сочувственно подать,
Как сыну любящая мать!

Привет тому, кто с ранних лет,
Внимая голосу призванья,
С душой и теплым состраданьем
Из тьмы неведенья на свет
Тяжелой жизненной тропой
Ведет нас смело за собой!

И этот труд всегда живет,
Не зная грустного забвенья;
Из поколенья в поколенья
Его хранит в сердцах народ
В минуту радости и бед. . .
Труду разумному привет!

1904

36. ПРАВДА

Создана я волей неба
Для простых сердец,
На челе моем высоком
Из шипов венец.
Голодна и обнаженна
Летом и в мороз,

Я ношу сосуд скудельный
Благотворных слез.
Избегаю замков Креза
И палат суда;
Там ищу минутный отдых,
Где царит нужда.
В чьей душе к желанной воле
Вспыхнет огонек,
Добывать веду на шахты
Золотой песок.
Одарен кто даром слова,
Мысли лучевой,
Побеседовать в застенок
Он идет со мной.
Для владык я — ножик острый,
Для бездольных — свет.
И добрей меня вовеки
Не было и нет.
Всюду я идти согласна,
Кто ни позови,
Всю себя отдать готова
Только из любви.

1904

37. В ОТЧАЯНИИ

Я на распутии стою,
Как нищий с торбёй и без хлеба;
На долю сетуя свою,
Молю разгневанное небо:

«О, ниспошли хоть проблеск дня, —
Печаль и скорби одолели!
Всю жизнь преследуют меня
Одни суровые метели.

Когда же мытарству исход?
Ужели выстрадано мало
И слово мощное «вперед!»
Быть путеводным перестало?

Ужели долгий век труда
И чашу выпитого горя
Умчит с собою навсегда
Волна хохочущего моря?»

Мне дальше некуда идти,
Длинные и топкие перелогии.
Назад — заказаны пути,
Вперед — не слушаются ноги.

Не окрыляют и мечты,
Что были дороги и святы,
Надежд душистые цветы
Последних бурь порывом смяты.

В груди остывшей песни нет,
Умолкли трепетные звуки,
Издали закатный свет
Напоминает о разлуке.

Так для чего же я страдал,
Борясь с неправдой лютой годы,
И песни громкие слагал
Во имя правды и свободы?

Ужель идея — шалый бред,
А жизнь — страданье без границы;
Великой истины завет
Витает притчей во языцех?

О, не хочу я верить, — нет! —
Чтоб я погиб во тьме туманной.
Туда, туда, где блещет свет,
Вперед! К земле обетованной!

1904

38. СУРОВЫЙ КРАЙ

Где поражают блеском храмы,
Где громок звон колоколов,
Где жизнью пользуются хамы
И заправили без голов;

Где святость в ханжестве находят
И суеверство вечно чтут,
Где в полутьме народы бродят,
Полуголодными живут;

Где лишь на платье носят бога
Средь побрякушек, орденов
И от холопа до герцога
Сидят на шее бедняков;

Где для одних законы строги
Инисходительны к другим,
Где в славе тюрьмы и остроги,
А эшафот незаменим;

Где вопль и стоны не смолкают,
Проклятье музыкой гремит...
Где ж этот край? — его не знают...
Край этот богом позабыт...

1905

39. ГУТАРЯМ

Н. Д. Лытневу

В адском пекле, в тучах пыли,
Под напев стекла и стали,
За работой, на заводе
Песен звонких о свободе
Мы начало положили.

А мотивы к песням этим
На рассвете
Нам дубравы нашептали.

Чем дышали и болели,
Проливая пот и слезы,
Выход к светлому простору,

Что орлам лишь видеть впору,
В единеньи усмотрели. . .

А идти стальной стеною
Смело к бою
Против зла — внушили грозы.

1905

40. МОЙ ХРАМ

Мой храм не мраморное зданье
С изображением богов,
Куда жрецы на покаянье
Зовут обманутых рабов,
Твердя упорно о терпении,
Зеленым ладаном куря,
Где замогильным веет тленьем
От потных стен до алтаря.

Мой храм не в пряной чаше бора,
Не в сени дремлющих дубрав,
Не на полях среди простора,
Где четок шепот сочных трав;
Не под чепцом забытой хаты,
Соседом срытой за долги,
Не в мозаических палатах —
Покоя царского слуги.

Мой храм не блещет украшеньем
На диво сотканых шелков
И одаренной вдохновеньем
Работой славных мастеров.
Мой храм — убежище разутых
И обездоленных нуждой,
Гигант — шалаш дырявый — гута,
Начальных песен ключ живой.

1905

41. ВПЕРЕД

О, будь ты проклят нами, дикий,
Неумолимый произвол,
Ты сотни лет на гибель вел
Народ, терпением великий!
Во мгле удушливых ночей,
Под руководством палачей

Ты заковал его цепями,
Прав человеческих лишил,
Язык к гортани пригвоздил,
Его и кровью и слезами
Ты удобрял из года в год
Родную землю для господ.

День роковой пришел свободы,
За непосильный выкуп свой
Народ стал вольным. . . И с сумой
Побрел на фабрики, заводы,
Нам ум и силы положить,
Дань произволу уплатить.

Но вот в защиту меньшей братьи
Явились мощные борцы,
Железной воли кузнецы.
Раскрыв горячие объяття,
Они зовут идти с собой
Вступить со злом в смертельный бой.

Взвились знамена над толпою
С могучим лозунгом — «вперед!»
Восстал измученный народ
Несокрушимую стеною,
Как беспощадный мститель зол —
Низвергнуть дикий произвол.

Вперед! товарищи, свобода
Усилья требует от нас.

Вперед! победы близок час.
И знамя красное парода,
Как символ правды мировой,
Мы водрузим в стране родной!

1905

42. ГОЛОС ДУШИ

Текли века. Ярмо суровой доли
Терзало нам и души и сердца;
Стонали мы и плакали от боли,
А скорбным дням не виделось конца.

«Закон наш свят, несть власти не от бога,
Нести свой крест безропотно должны,
Смиряться гнев: страданье и тревога
Для райских благ создателем даны!»

Так, чужды слез, наставники вещали,
Взимая с нас последнюю кроху,
И, веря им, всю жизнь мы голодали,
Готовясь в рай, противясь греху. . .

«Мы вам отцы, вы преданные дети,
За нас одних должны молиться вы.
Поверьте нам — и в деле и в совете
Мужик без бар — чурбан без головы.

Любите труд, как мы вас возлюбили,
Наш честный долг — болеть о мужиках,
Поймите вы!» — помещики твердили,
Полны любви, с нагайками в руках. . .

И ласки их нас в ужас приводили,
«Слова любви» сердца нам ядом жгли.
Кровавый пот и рабской жизни силы
Мы в жертву им с проклятием несли. . .

Прошли года. Отцы-злодеи пали.
Разбилась цепь невольника, звеня;
На радость нам в неизмеримой дали
Блеснул рассвет обманчивого дня.

«Воспрянь, народ, приветствуй возрождение!
Долой позор неволи и нужду!
Открыт тебе по воле провидения
Широкий путь к свободному труду!

Вперед! Расправь опущенные крылья
И к нам иди из тягостных оков!»
Лились на нас из рога избытка
Потоки фраз заводчиков-«отцов».

На громкий зов «кормильцев богоданных»
Пустились мы из бедных деревень
На честный труд без думушек печальных,
Благословя свободы жданный день. . .

Идут года. . . Расширились заводы,
Фабричных труб красуются ряды;
Владельцев их утроились доходы,
А нам наград не видно за труды.

Лишь только мы, как неживые силы,
Иначе жить и думать не должны,
Трудясь в поту кровавом до могилы,
Бедны, как встарь, и так же голодны. . .

А сколько дум глубоких западало
В народный ум за долгие года:
«Авось вздохнем! Не всё еще пропало
Для нас, детей сурового труда!»

Когда ж мечты те воплотятся в дело
И правды свет заблещет с высоты,
Чтоб крикнуть нам пред целым миром смело:
«Ведь люди мы, не звери, не скоты!»

<1906>

Мне хотелось бы песню свободную спеть,
 Как поет соловей по весне,
 Чтоб под нежные звуки душой не болеть
 И от них не расплакаться мне.

Спеть бы так, как звенит и рокошет ручей,
 Окаймленный душистой травой,
 В беспредельную даль по ложбинам полей
 Уносясь серебристой струей.

Мне хотелось бы спеть, как шумит под грозой
 Лес зеленый, омытый дождем;
 Иль как шепчет цветок, окропленный росой,
 Говоря о любви с ветерком.

Нет, веселых напевов не жди от меня,
 Друг, не в силах утешить тебя.
 Научился я петь в пору грозного дня,
 И умом и душою скорбя.

Песня мной сложена за упорным трудом,
 Под огнем перекрестным невзгод,
 Где без отдыха мучится ночью и днем
 Из-за хлеба рабочий народ.

Песня сердца, мой друг, тяжела и груба,
 Нежных звуков не слышится в ней,
 Только стон да бессильная злоба раба
 Выливается в песне моей!

1906

44. КТО ОН?

Он, как вол, покорен
 Под ярмом труда;
 Вечно худ и черен,
 Голоден — всегда;

Рабскими цепями
Скован был, как зверь,
Бит был батогами,
Порот и теперь;

Рук не покладая
Летом и зимой,
Для родного края
В лямке трудовой, —
Кормит без разбора
Всех, кого велят:
Лихоимца, вора,
Нищих и солдат;

Пастырю, монаху
Щит он и оплот:
Нет гроша — рубаху
За грехи несет!
Ходит по указке
Власть имущих лиц,
Верит всякой сказке,
Сброду небылиц,
Верит в домового,
В ведьм и колдунов;
За друзей без слова
Умереть готов;

В речи — несуразный,
Больше всё молчит;
Пред строкой приказной
И доднесь дрожит!
Невтерпеж — заплачет
Горькою слезой
И лепечет: «Значит,
Мой удел такой —
На других трудиться,
Сеять и пахать,
Впроголодь кормиться,
Отдыха не знать!»

Кто ж он и отколе? —
Слышится вопрос.

Человек без доли,
Раб нужды и слез,
Наш кормилец вечный,
Одержимый тьмой, —
Мужичок сердечный,
Мужичок простой!

1906

45. ПЕСНЯ СТАРИКА ПОЭТА

Я сын труда, нужды и бед,
Безвестный старенький поэт.

С расцвета жизни до седин
Среди ущелий и стремнин

За думкой пламенной в полет
Негромко пел и шел вперед.

Я шел туда, куда меня
Манило солнце воли-дня,

И нежной песенкой своей,
Звоня, стучал в сердца людей:

«Проснись, родной, усталый брат,
Не ты ль так славен и богат?

Куда ни брось пытливый взор —
Палаты, замки, и собор,

И корпусов фабричных ряд —
Лишь о тебе все говорят.

Твоей всё сделано рукой,
Твое всё — гений и герой!

Так почему же наг и бос
Ты утопаешь в море слез?

Проснись и смело заяви —
Достоин ты иной любви.

Не по плечу тебе сума,
Владыке силы и ума. . .»

Я шел и пел. . . А деток рой
Внимали с чувством песне той.

И на заре, в расцветный час,
Их песня громом раздалась.

Она безмерно широка,
Шумя, несется, как река,

И силой властною своей
Живит и радует людей.

И, внемля песне, чую я,
Горит в ней искорка моя.

1906

46. МОЯ ПЕСНЯ

Под звон железа и стекла,
Под крышей шумного завода,
Среди бездомного народа
Моя жизнь горькая текла
Без алых зорь и ясных дней,
Полна лишений и скорбей.

Я детства милого не знал,
Не знал и юности беспечной
И вместо радости сердечной
Недоедал, недосыпал,
Полураздетый мерз зимой
И задыхался в летний зной.

А годы мчались в свой черед
Неудержимою волною.

Мне представлялся мир тюрьмою,
И только мысль одна — «вперед!»
Мой ум огнем отрадным жгла
И в даль безвестную звала.

В часы труда и в кратком сне,
Сквозь шум машин и говор люда
Она всегда, бог весть откуда,
Как лучший друг являлась мне:
То в нежном шепоте волны,
То в возрождении весны.

Мой стан согбен, и волос сед,
Чело изрезали морщины,
Но нет забвенья от кручины, —
Увы! — далек еще рассвет.
Но чую — солнца ясный луч
Рассеет мглу угрюмых туч.

1906

47. В ТЮРЬМЕ

Разбита жизнь... испорчена дорога...
В стенах тюрьмы мне гибнуть суждено...
Надежды луч и пламень веры в бога
В больной груди угашены давно...

Далекий кров... семья моя родная!
Как я всю жизнь вас горячо любил!
Под шум машин, в труде изнемогая,
Лишь в вас одних я радость находил...

В свободный час среди своих ребят,
Далекий бурь и мелочных забот,
Мой отдых был и радостен и сладок
От тяжких дум и горестных невзгод...

Не для себя искал я лучшей доли
И шел в борьбу с неправдой вековой,
Нет, я хотел их вырвать из неволи,
За них болеть истерзанной душой...

И где они? . . Кто лепету внимает
Моих птенцов вечернею порой?
Кто их, как я, любя благословляет,
Идя в завод полуночью глухой?

Кто к ним придет, измученным нуждою,
Как близкий друг, — утешить и помочь?
Ответа нет. . . За крепкою стеною
Могилы тишь и сумрачная ночь. . .

1906

48. В БЕССОННИЦУ

Когда, объятый полумглою,
Мир смолкнет в грезах золотых,
Встают нередко предо мною
Картины лет пережитых.
Вот снова я в каморке бедной,
Где грязно, холодно, темно;
Сквозь сетку тучек месяц бледный
Глядит в замерзшее окно.
А за окном курится гута,
Как огнедышащий вулкан. . .
Чу! Голос сторожа Пафнута
За дверью слышен: «Эй, Степан!
Никита Митрич! На работу!
Стекло поспело, поскорей! . .»
Припомнил слезы и заботу
Печальной юности моей. . .
Зной тяжкий гуты, пыль «состава»,
Борьбу неравную с нуждой. . .
Вся жизнь без проблеска и права
Вновь воскресает предо мной.
А что ж теперь? Не лучше тоже. . .
Всё тот же мрак и рабский гнет. . .
Когда ж вздохнет, великий боже,
Тобой искупленный народ?!

1906

49. О СВОБОДЕ

Всем сердцем чту тебя, свобода,
И перед сном и после сна
Молюсь тебе. Лишь ты одна
На благо общее народа
Небесной волей создана.

Когда от слез ломило очи,
От скорби грудь изнемогла
Под игом векового зла,
И ты ко мне во мраке ночи
Моим спасителем пришла.

Больной, измученный борьбою
За идеалы бытия,
Все муки сердца затая,
В тот миг с восторженной душою
Перед тобой склонился я!

Полна горячего участия,
Смахнув слезу с моих очей,
Как друг из преданных друзей,
Ты обещала жизнь и счастье
Мне на заре грядущих дней.

Я мнил: рассеются туманы
Тяжелой скорби и тревог,
Чем наградил нас лютый рок...
Но вековой болезни раны
Приход твой вылечить не мог...

Едва коснулась язвы тела
Своей целительной рукой,
Как на тебя поднялся рой
Лихих врагов святого дела...
И ты померкла предо мной...

Но голос твой звенит повсюду,
Как в дни весенние ручей,

И силой властною своей
Вливает страждущему люду
В сердца живительный елей!

<1907>

50. ПРОСТОЕ СЛОВО

В слове, простом и открытом,
Скажем нуждою забитым
Детям семьи трудовой:
Мы ли не знали неволю?
Мы ли не плакали вволю
Горькой, кровавой слезой,
Шествуя скорбной стезей?

Долго во тьме нас держали.
Душу и сердце терзали
Своры лихих палачей.
Годы страданья умчались,
С ними навеки распались
Звенья позорных цепей,
Тяжкого гнета людей.

Время иное приспело!
Надо приняться за дело,
Нам ли минуты терять?
Горн разжигайте скорее,
Молот берите смелее,
Надо работать, не спать!
Лучшую долю ковать!

Смолкнут суровые грозы,
Высохнут жгучие слезы,
Даль перед нами ясна!
Радуя сердце больное,
Утро встает золотое,
Песня победы слышна!

<1907>

51. СТАРНИК

С минутой каждой гаснут силы,
К концу приходит скорбный путь,
И на пороге у могилы
Былое нечем вспомнать.
Без дней отрады и свободы
Прошли тяжелые года,
Как тучи в пору непогоды
Идут и тают без следа.
«Терпи, родной, трудись до пота!
В защиту прав не говори. . .
Есть хлеб на завтра и работа, —
За всё судьбу благодари.
Наш долг святой нести печали,
Грешно о лучшем помышлять!» —
Так мне с младенчества внушали
Приходский батюшка и мать.
Я верил им. Но скорбь и слезы
Терзали ум пылливый мой.
Я сох, как сохнет от мороза
Цветок осеннею порой,
И только мысль о лучшей доле
В часы сурового труда
Под крышей гуты против воли
Не покидала никогда.
Она звала из стен завода,
Как солнце узника зовет.
Но нет! Желанная свобода
И до заката дней нейдет.
Проходит жизнь, мечте бесплодной
Осуществиться не дано,
Дыханьем осени холодной
Она угашена давно. . .
Мольбы пропали без ответа. . .
Надежды сгибли без следа. . .
О, дайте света, больше света
Рабам неволи и труда!

<1907>

52. К РОДИНЕ

Посвящается Н. Н. Златовратскому

Родина милая, край дорогой,
Кто же тебя не полюбит душой?
Много ты вынесла в жизни своей
Горьких, мучительных дней. . .

Светлого ангела кротость храня,
Цепью невольника громко звеня,
Долго тернистой дорогой ты шла,
Крест непосильный несла. . .

Пажити тучны и пышны поля,
Смочена потом кровавым земля
Преданных деток твоих,
Только в угоду других. . .

Близится утра рассвет золотой,
Слышится песня о воле родной,
Льется, могучая, всюду она,
Радости светлой полна!

Как бы туман ни сгущался кругом,
Где же ему побороться с лучом
Солнца горячего? Мрак, пропадай!
Свету дорогу давай! . .

<1907>

53. ПЕСНЯ НЕВОЛЬНИКА

Ряд бесчисленных лет богатырский народ
За тюремной стеной, изнывая, живет
И не видит конца тяжелой муки своей. . .

А у прочных железных дверей
Бессердечный привратник стоит,
Зорко выход тюрьмы сторожит. . .

Если б солнцем я был, что лучом золотым
Светит ласково добрым и злым,
Разгоняя вокруг непроглядную тьму,

Жизнь и радость даруя всему, —
Я бы свет благотворный разлил
И тюремщика ум озарил.

Если б был я певцом дней весны молодой,
Что встает с предрассветной зарей
И, с чарующей песней стремясь в небеса,
Пробуждает луга и леса, —
Я бы дивную песню сложил,
Я бы чувства его разбудил!

Если б был я цветком ароматных полей,
Что пленяет красую своей
Даже тех, кто не ведает братской любви,
Обагряющих руки в крови, —
Я б дыханьем его опьянил,
Я бы душу его воскресил!

Если б был я не жалким, забитым рабом,
А могучим, бесстрашным орлом, —
Улетел бы я ввысь из удушливой мглы
И о гребень зубчатой скалы
Сильным взмахом распущенных крыл
Я б позорные цепи разбил!

<1907>

54. ПОЙ, ПЕВЕЦ

*Посвящается И. А. Белоусову
по поводу 25-летия его лите-
ратурной деятельности*

Пой, певец добродушный, смелый
О красе животворной весны
И о рокоте звонкой волны,
О просторе родимых полей,
О пленительном шепоте роз
И о шелесте нежном берез.
Пой, певец дорогой!
Пой!

Пой про ширь необъятных небес,
И о том, что звезда говорит,

И о чем под грозою шумит
Ароматною зеленью лес.
Пой о блеске вечерних зарниц
И о звуках чарующих птиц,
 Пой, певец дорогой!
 Пой!

Пой о пахарях, братьях родных,
Что живут в безысходной нужде
И все силы в суровом труде
Отдают на довольство других;
И о них ты ударь посильней
По струнам стройной лиры своей.
 Пой, певец дорогой!
 Пой!

Пусть та песня далёко летит
И звенит в деревенской глуши,
Исцеляет страданья души
И народные силы живит.
Пусть к свободе забитых нуждой
Эта песня ведет за собой.
 Пой, певец дорогой!
 Пой!

1907

55. РОДИНА

П. И. Лебедеву-Полянскому

Пусть много зла я видел в жизни,
Трудясь, годами голодал,
Но никогда родной отчизне
Я и мечтой не изменял.

Пускай она сера, угрюма,
Как ночь осенняя темна,
Полна и ужасов и шума, —
Но всё же мне она родна.

Люблю я шепот стройных сосен,
У милой хаты тополя

И на заре в глухую осень
В червонном золоте поля.

Люблю приход весны-царицы
И аромат пьянящий трав;
В страду — папев печальный жницы
И нежный благовест дубрав.

Люблю я пахаря за плугом,
Семью крикливую грачей
И летом праздничным досугом
Глядеть на игры малышей.

А в пору скорби и волнения,
Когда тоска сжимает грудь,
Люблю я в дивные творенья
Пытливым оком заглянуть.

Беру Никитина, Кольцова,
И теплотою их души,
Как будто оживая снова,
Я упиваюсь в тиши.

Люблю я Гоголя. . . Толстого
Уму великому дивлюсь,
У Достоевского святого
Глубоким истинам учусь.

А дальше: Лермонтов, Шевченко,
Некрасов, Пушкин-соловей,
Белинский, Горький, Короленко —
Все дети родины моей.

Мои все братья и со мною
В ладу, как лучшие друзья. . .
О Русь! Склоняюсь пред тобою, —
Славна́ ты, родина моя!

Славна́ не роскошью, не шиком,
Не необъятной широтой, —
Славна ты разумом великим,
Души и мыслей красотой.

1907

56. ЗАВЕТ

Не страшись, что буря стонет,
Эта скорбь не велика, —
Солнце глянет и разгонит
Грозовые облака.
Вновь, далекие печали,
Неизменною тропой
Мы пойдем к заветной дали,
Ободренные душой.
Берегись иной невзгоды:
Не поддайся силе чар,
Чтоб под вихрем непогоды
Не остыл сердечный жар,
Чтобы не стать врагом народу
И предателем не быть, —
А за правду и свободу
Ум и силы положить!

<1908>

57. СИРОТА

Я с пеленок сдружился с тяжелой нуждой, —
Колыбель мою горе качало.
Песни грустные пела тоска надо мной,
Одиночество сказки шептало.
С детства голодом выброшен был я на труд
В прокопченные стены завода,
Где беспечным и сытым блаженство куют
Заскорузлые руки народа.
И с зари до зари, точно вол, круглый год
Я работал, покоя не зная,
Изнывая душой от обид и забот
И себя и судьбу проклиная.
Ради черствого хлеба куска и гроша
В беспощадной с неправдою битве
Отуманился ум, очерствела душа
К небесам и горячей молитве!
И не радуют будто разбитую грудь
Ни весна, ни картины природы.

Что ни шаг, тяжелее становится путь,
Что ни далее, меньше свободы!
А всё жжет и терзает проклятый вопрос:
Скоро ль, братья, дождемся просвета?
Не довольно ли с нас и страдания и слез?..
Но вопрос... не находит ответа.

<1909>

58. ПАМЯТИ А. В. КОЛЬЦОВА

Тебя уж нет... Но песнь слышна;
Она еще звучит,
Всё той же прелести полна,
Волнует и живит.
Для песни взял ты теплоту
У солнечных лучей,
У вольной степи широту
В разгаре вешних дней,
У ветра буйного порыв,
Взял рокот у волны,
А красоту у спелых нив
Родимой стороны,
У брата-пахаря любовь,
Печаль у сироты,
И, воплотивши в плоть и кровь,
Всё в песне вылил ты.
Вот отчего она сильна
И до сих пор живет:
Ведь сердцем соткана она
Из мировых красот!

1909

59. ТИП

Сыт по горло, чин огромный,
Власти — края нет!
Для одних он — бездна горя,
Для немногих — свет.
Голова — кладбище мысли,
Слово — острый меч.

Он любого может мигом
Выгнать и распечь...
Для него закон не писан,
Он иным рожден.
И всецело доверяет
Взгляду только он.
Что ему печаль и слезы
Нищеты рабов,
Он пришел не горе тешить,
А искать чинов...
Посмотрел. Стары! Не нужно!
К черту — и конец...
Вот гляди и думай: кто он?
Честный иль подлец?

<1910>

60. ПЕВЕЦ

Памяти Н. А.

С великою верой,
Кипучею кровью,
В святыи идеи
С горячей любовью,
С невинностью детской
И совестью чистой.
Пошел он с цевницей
Тропинкой кремнистой.
Пошел он, и сердце
Его восторгали
Лазурное небо,
Безбрежные дали,
Душистое поле,
Цветущие нивы,
Дыхание ветра
И волн переливы,
Пернатого царства
Веселые трели
И нежные звуки
Пастушьей свирели.
Он шел, распевая

Про правду святую,
Про вольную волю,
Свободу родную.
Рассеются тучи,
Седые туманы —
И сгинет неправда,
А с ней и тираны. . .
И, радостным светом
Весь мир согревая,
Навеки заблещет
Заря золотая. . .
Но грубые руки
Врагов возрожденья
За песни баяна
Свели в заключение.
И умер бедняга
В дни светлого мая,
О родине милой
Молясь и рыдая.

<1910>

61. ДОРОГА

Эх, дороженька, дорожка
Пыльная, большая,
Ты лежишь широкой лентой
Без конца и края.
По бокам твоим без грани,
Тучны и красивы,
Ароматные равнины,
Золотые нивы.
Пролегает ты дубравой,
Дикими лесами,
Опоясывая реки
Крепкими мостами.
Всюду ты себе находишь
Полную свободу,
По тебе идут и едут
Без числа народу.
Много слышала ты песен
Про лихое горе,

По тебе, родной, разлито
Слез горячих море. . .
Дум народных, сокровенных,
Как в могиле тесной,
Много ты хранишь доньше
В тайне безызвестной. . .
Эх, дороженька, дорога!
Унеси, родная,
Ты суровые невзгоды
Из родного края!
Уведи с собою дальше,
В сторону иную
Беспросветные печали
И неправду злую. . .
А за ними лихоимцев
Убери скорее,
Что казну бесчестно грабят,
Страху не имея. . .
И предателей, что ищут
Выгод только в злобе,
Утащи ты силой мощной
И покинь в тущобе! . .

<1910>

62. ВПРАВО

Размышлял я очень долго
С компетентными людьми,
Отчего так много «правых»
Расплодилось, черт возьми?
Но решения различны
Получались всегда,
И до истины добратся
Я не мог бы никогда:
Из наживы идут вправо,
Для наград и теплых мест,
А иной с подобной кличкой
Без работы сытно ест. . .
У кого умок свихнулся,
Руки грязные в крови. . .
А другие вправо лезут

К дебоширству из любви. . .
Поработать на погроме
И нажиться как должно;
Или просто люди идут
За зеленое вино. . .
На решенье по вопросу —
Был нелепый разговор,
А теперь совсем в противном
Убежден с недавних пор.
Научил держаться «вправо»
Чудаков не кто другой, —
Исполняя долг приказа,
На посту городской!
Вы послушайте, как браво
Он покрикивает нам:
«Эй, правее! Вправо, леший!» —
Раздается тут и там.

<1910>

63. ПЕВЦУ

Оставь, певец, цветы в покое,
Не пой о зорях золотых,
Забудь про небо голубое —
Не время петь о чарах их.

О красоте степей безбрежных
Молчи, певец, до лучших дней,
Не усыпляй ты в звуках нежных
Сердца тревожные людей. . .

Не славь бушующего моря,
Волны клокочущий прибой. . .
Ты видишь, сколько слез и горя
Пережито в стране родной? . .

Ты пой о ней, не умолкая,
О том, что сердце говорит.
Пусть песня вольная, живая
Не усыпляет, а живит! . .

<1910>

64. У СТАРОГО ДУБА

С осанкой царственной, в одежде из листвы,
Как мощный богатырь пред вражеской толпой
Не трусит, положась на прочность булавы,
Не клонишь ты своей кудрявой головы.
В разгар мятежных бурь, весеннею порой,
Дуб жизнерадостный, красавец вековой,
Сегодня мы сюда нарочно забрели
С желанием одним — согласною семьей
Проведать, как живешь и здравствуешь, родной,
Приветствуя тебя поклоном до земли.
И, кинув ряд забот и горечи сует,
Пришли мы отдохнуть, усталые в борьбе, —
А подышать друзьям иного места нет, —
И мысленно спросить: скажи, наш добрый дед,
Из дней пережитых что памятно тебе?
Быть может, под тобой в минувшие века
Здесь «избранники муз» с печатью на челе,
Певцы народные, под шелест ветерка
Слагали песен ряд про долю батрака,
Что мучится всю жизнь в боярской кабале.
Димитрий князь Донской, в години тяжких бед,
Измученный вконец под ханскою пятой,
Тут слушал от друзей решительный совет
И небесам давал торжественный обет
Сразиться сообща с татарскою ордой.
И Грозный, может быть, окровавленный весь,
Бежавший из дворца в ночь позднюю тайком,
Забыв великий сон и вековую спесь,
За сына, что убил, молился горько здесь,
Поверженный во прах позором и стыдом.
Малюта, друг его, наперсник роковой,
Советовался здесь со сворой палачей,
Под пьяный гул рабов и грозной бури вой,
Придумывая казнь, страшней одна другой,
Для преданных стране и истине друзей.
И Лжедимитрий-царь, короной тяготясь
И подлостью льстецов, что окружали трон,
Под тень твоих ветвей от блеска удалясь,
С Мариною своей в раздумье погрузясь,
Здесь въявь переживал калифа краткий сон...

Да, жизнь твоя долга, могучий исполни,
Немало довелось тебе переживать
От древней старины до нынешних годин. . .
И жаль лишь одного: ни песен, ни былин
Из прошлого друзьям не можешь передать.

<1910>

65. СКАЗКА

Был у нас в деревне
Дедко полоумный,
Он любил водиться
С детворою шумной.
Вот, бывало, летом
Мы окружим деда
На душистой травке,
И пойдет беседа.
Как галчаток стая,
Прыгаем, хохочем,
Уговора деда
Понимать не хотим.
Надоест — присядем
И галдим: «Скажи-ка
Новую нам сказку,
Дедушка Аника!» —
Так его в деревне
Мужики прозвали, —
Хорошо иль плохо,
Мы тогда не знали.
Дед сидит, ни слова,
Что-то вспоминает.
Вспомнит, скажет: «Смирно!»
Вот и начинает:
«Жил король когда-то,
Князь ли иноземный
(Но не в этом дело),
Умный и смиренный.
Был в почете видном,
Жил в ладу с народом,
Наконец слабеть стал
Как-то с каждым годом. . .

Вот и призывает
Он министров думных.
При его правленьи
Шли они за умных.
«Други, оставляю
Вас народом править,
Отдохнуть мне надо,
Силушки поправить. . .
Об одном прошу вас,
Будьте к правде строже,
Поступать иначе
Сохрани вас боже! . . .»
И король уставший,
Совершивши сдачу,
Отдохнуть надолго
Укатил на дачу.
Как простой из смертных
Бродит он по саду,
Благо не в столице,
Напевая ладу. . .
Смерть за ним ходила
По пятам с косою,
Вдруг король скончался
С пятою весною.
Пышно хоронили
Короля такого
Думцы в одеяньях
Золота литого. . .

.
Вот король проснулся, —
Где же? На том свете!
Будто бы он едет
В золотой карете.
Кони — вихорь вольный,
Ангелы — возницы,
И летит куда-то
Он быстрее птицы.
Долго мчались кони,
Вдруг остановились,
И кареты дверцы
Тихо отворились. . .
Гурии толпою

Короля встречают,
На допрос к аллаху
С гимном провожают...
Властелин смутился,
Шепчет: «И за что же
Почести такие
Воздают мне, боже?»
Вот в палате Правды,
Мудрости и Света
Ждет король смиренный
На вопрос ответа.
Распахнувши двери
Пышного чертога,
Видит он аллаха —
Правоверных бога...
В дивных одеяньях —
Нет чего ценнее,
На челе корона
Солнышка светлее!..
Гурии склонились
Пред аллаха взором:
«Слава тебе! Слава!» —
Повторя хором.
Пред его величьем
Пал король от страха;
Мысленно пощады
Просит у аллаха.
«Раб, ты удостоен
Милости великой, —
Королю ответил
Мировой владыка. —
Ты, когда решился
Дать душе и телу
Отдых, безучастно
Относился к делу...
А твои министры
За четыре года
Тысячи большие
Казнили народа.
Все они невинно
От тиранов пали,
В лоно Магомета

Всех их восприяли...
Но когда бы правил
Ты своей страной,
Были бы все люди
В дружбе с сатаной...
Все, живя в довольстве,
Горести не зная,
Умирили б глупо,
Чуждые для рая!»
Так аллах окончил
Мудрые реченья.
Был король отправлен
В райские селенья...»
Дед, окончив сказку,
Долго так смеялся,
Смысл же этой сказки
Темен нам казался...

<1910>

66. РЕЦЕПТ

Милый друг, ты слишком молод,
Жизни путь тяжел,
Полон он колючих терний
И различных зол.
Если хочешь жить безбедно,
Капитал иметь,
Поступай туда, где можно
Руки понагреть,
Поклониться там, где нужно,
Шеи не жалей,
К богачу иди, а с бедным
Дружбы не имей...
Говорить о правде можешь,
Например, с женой,
Но чтоб знал о том начальник, —
О, ни боже мой!
В ночь бессонную о чести
Думать нет греха,
В жизнь вводить идею эту,
Помни, — чепуха...

Пресмыкаться, льстить не бойся.
Гордость не к числу...
Обмани, коль это надо,
Не противься злу...
Покори рассудку сердце,
Чувства усмирай.
Так, согласно наставлений
Этих поступай...
Если стыд тревожит душу,
К знахарю сходи,
Для того лекарств немало
У него, поди...
Коль упрек и слезы брата
Надрывают грудь,
Перед сном ее помазать
Салом не забудь...
И, идя дорогой этой,
Будешь сыт всегда...
Пусть зовут тебя: мошенник, —
Это не беда!

<1910>

67. ПАТРИОТ

Я от души люблю отчизну
И за нее всегда стою,
В минуты счастья и горя
Я песни родины пою.
Но ненавижу страшно пьянство,
В чем гибнет мой родной народ,
И плачу горько я об этом:
Я патриот! Я патриот!

Законы кто не уважает?
Пускай я горд, самолюбив,
А пред законом преклоняюсь, —
Он безупречен, справедлив.
Но если сильный по закону
Раба бессильного гнетет, —
Я возмущаюсь безгранично...
Я патриот! Я патриот!

Порядок нравится мне очень,
И кто порядком правит тем —
Мой долг начальника уважить
И должное отдать им всем. . .
Но если хам начальник страшный,
Одними взятками живет,
Я негодную до болезни. . .
Я патриот! Я патриот!

Обитель скромную, святую
Привык я с детства посещать,
Где невидимую стезею
На нас нисходит благодать.
Но если там монах-послушник
Жизнь недостойную ведет,
Охладеваю я к святыне, —
Я патриот! Я патриот!

Дом божий, храм, где я крестился, —
Всё говорит нам — не грехи!
Где горячо привык молиться
И черпать силу для души. . .
Но если батюшка-развратник
Дочь вашу к гибели ведет, —
Не вынести мне! . . Прости мне боже —
Я патриот! Я патриот!

<1910>

68. ШАЛОСТИ

Повсюду видны шалости:
Из выгоды, из жалости,
Иль прямо ради наглости,
Куда ни бросим взгляд, —
Шалют везде, шалют!

Шалют мужья примерные,
Их жены благоверные,
И девы лицемерные,
И врач, и адвокат
Шалют себе, шалют!

Шалют кушцы степенные,
«Снегами» убеленные,
Сбыть гнили совершенные
За цену норовят. . .
И купчики шалют!

Шалют дельцы известные,
По виду очень честные,
А между тем бесчестные
Штуковинки творят;
Шалют они, шалют!

Шалют отцы духовные,
Дела творят греховные;
За вины безусловные
Пускай грозит им ад, —
А всё-таки шалют!

<1910>

69

Говорят, есть край далекий,
Расцветает пышно, гордо.
В том краю живет счастливо
Держиморда. . . держиморда. . .

В том краю все волю любят. . .
Им неведома тревога. . .
Обо всем свободно судят. . .
Средь острога. . . средь острога. . .

Там блюдут весьма законы,
Ненавидят мыслей вредных,
За провинности карают. . .
Только бедных. . . только бедных. . .

Процветает там и трезвость,
О вине там нет и слуху,
И, как воду, пьют во славу. . .
Лишь сивуху. . . лишь сивуху. . .

<1910>

70. СИНДИКАТ

Кто не знает: забастовка
Враг жестокий мировой.
Хуже тифа и холеры,
Хуже язвы моровой! . .

От нее дороже мясо,
Ситец, сукна и табак. . .
В забастовку очень плохо
Развивается. . . кабак. . .

В забастовку, кто не видит,
Подрывается весь строй
И повсюду наступает
Отвратительный застой.

Но что скажете по чести,
Милый друг, про синдикат?
Это хуже забастовки
(Мнение наше) во сто крат!

Синдикатом сбыть возможно
Заваль разную и хлам,
Что в складах валялись годы,
По возвышенным ценам. . .

Синдикатом бык гордится,
Дорожая с каждым днем.
Синдикат уж не копеекой
По карману бьет — рублем!

Синдикат — Аника-воин,
По ухватке чертом черт,
Может тысячи рабочих
Сразу выбросить за борт.

Синдикат в четвертку булку
Может вам умело сбыть
За полфунта, с синдикатом
Тяжело, друзья, шутить. . .

Синдикат солеторговцев,
По секрету молвить вам,
Ставит гривенник за пудик
При покупке «сольцу» нам.

Англичанам шесть копеек
Тоже с пользой отдает;
Как вы смотрите на это?
Разве русский не народ?

Забастовку презирают,
За нее карает суд,
После этого иному
Часто место не дают. . .

Как поступят с синдикатом
За его почти грабеж?
Ведь подобные проступки
Под сукно не укладешь? . .

<1910>

71. ВСТРЕЧА

Посвящается М. Л. Леонову

Выпорхнула пташка
Из неволи тесной
И взвилась свободно
В выси поднебесной.

Плавает в лазури,
Солнцем залитая,
Воздух ароматный
Грудью всей вдыхая.

Встретили подругу
Птицы дружным хором;
Зазвенела песня
Над дремучим бором.

Льется не смолкая,
Полная свободы,
О любви, о счастье,
О красе природы.

Вторит песне звонкой
Вольный, беззаботный,
Ветви колыхая,
Ветер перелетный.

Вторит лес зеленый,
Ручеек игривый,
День благословляя
Радостный, счастливый.

Так и мы встречаем,
Дети скорбной доли,
Полные восторга,
Друга из неволи.

1910

72. НОЧЬ

Посвящается И. П. Белоусовой

Теплая ночка весны благовонной,
Вычурных теней узор,
Звезды алмазные в выси бездонной,
Синего неба простор;
Нежной прохлады порыв чуть заметный,
Леса таинственный шум, —
Вызвали много вы лаской приветной
Грустных и радостных дум. . .
Вспомнились мне позабытые годы
Юности бедной моей:
Жизнь подневольная, стены завода,
Зной стекловарных печей,
Голод томительный, труд непосильный,
Иго насилья и зла,
Ропот на тяжкую долю бессильный,
Разум томящая мгла! . .

Видится ясно забытое горе,
Скорбь наболевшей души —
Негой объятому, мне на просторе,
Здесь, в деревенской глуши...
Вспомнились мне и минуты отрады,
Ряд жизнерадостных дней,
Небо лазурное, звезд мириады,
Ширь ароматных полей;
Шелест травы и прохлады дыханье,
Волн серебристых прибой,
Где забывал я печаль и страданье,
Полный мечты золотой;
Где разгорались речи живые
Жаждающих правды друзей;
Где научился я верить впервые
В лучшую долю людей!..

<1911>

73. КТО МОЙ ДРУГ?

С тех пор как начал сознавать
Суровой доли назначенье,
Что значит мерзнуть, голодать
И с упованием не ждать
Страданьям тяжким облегченья...

Лишь только ты была одна
Отрады звездочкой лучистой,
Привета теплого полна,
Будила мысль мою от сна
И освещала путь тернистый.

Своею властною рукой
Вела меня дорогой знанья;
Учила труд ценить святой,
Ко всем униженным судьбой
Иметь любовь и состраданье...

Моим наставником была,
Идей возвышенных кумиром;
Ум любознательностью жгла

И крылья мужества дала,
Чтоб я парил мечтой над миром...

И всё, чего достичь желал,
Чем жизнь суровая согрета, —
Надежду, веру, идеал, —
В тебе одной я отыскал,
Источник благодатный света!

Кто ж этот друг души моей?
Кем я избавлен был от ига
Суровой тьмы с рассвета дней?
Друг этот — избранных людей
Ковчег великих мыслей — книга!

<1912>

74

Гаснет заря за горою,
Синяя дымка сошла...
Сердце сжимая тоскою,
Грустная думка нашла...

Мыслится — в крае далеком,
Полный отваги живой,
С варваром бьется жестоким
Мой ненаглядный герой.

Дышит порывисто, тяжело,
Сабля на солнце горит,
Набок свалилась фуражка,
Ворот рубахи открыт.

Носится дым облаками,
Пушек разносится гром,
Поле покрыто борцами —
Кровушки море кругом.

Тучей несутся шрапнели,
Градом картечи летят.
Вижу — враги оробели,
Пятятся в страхе назад.

Наши рядами сплошными
Гонят их в зыби болот,
Только не видно меж ними
Друга, что рвался вперед.

Где же? О боже, помилуй!
Иль заузорила мгла?
Пал твой, красавица, милый,
Мнится мне, шепчет ветла.

75

Меркнут широкие дали,
Дымкой их ночь застилает.
Слышится песня печали,
Кто-то о ком-то рыдает. . .

В песне чужая кручина
Сердце пронзает и душу. . .
Чудится, милого сына
Вижу. . . Но вымолвить трушу.

Той же исполнен отваги,
Тени не видно тревоги,
Только мешают бедняге
Ближе подвинуться ноги. . .

Что-то он шепчет с любовью,
Руки ко мне простирает,
Пó пояс залитый кровью. . .
Ранка над сердцем зияет.

Милый! . . Но, облачком тая,
Призрак уносится в дали.
В дымке седой, замирая,
Слышится песня печали. . .

Смотрит широкая нива
 Снедью на божьем столе,
 Клонится рожь от налива
 Колосом полным к земле.

Будто и молит и просит
 Жниц поскорее к себе;
 «Вытечет», — ветер доносит,
 Внемля колосьев мольбе.

«Вытечет», — дальше несется
 Шепот молитвенных ив.
 Кто же на зов отзовется?
 Где же хозяйева нив?

Рядом деревня ютится,
 С виду бедна и сера,
 Только на ней не резвится
 Стая ребяток с утра.

Только от края до края
 Пусто. Не виден народ,
 Даже не слышится лая,
 В зорю петух не поет.

Что ж это значит такое,
 Что за несчастье тут?
 Здесь в ожидании боя
 В горы попрятался люд.

Горе несут и лишенья,
 Голод им смертью грозит. . .
 «Вытечет», — слышно моление,
 «Вытечет», — роща шумит.

1914

77. В ДЕРЕВНЕ

«Милый внук, да правда ль это,
Что лопочут у ворот?
Не лукавит ли газета,
Не пытаются ли народ?»

Разя можно, и так скоро
Вырвать с корнем? Нет, мой друг,
У него сильна опора:
Войска много — верных слуг.

Если шутят, то негоже —
Кровью пахнет этот смех.
Знаю я . . . великий боже,
Что нас ждет за это всех!

Не забыть, в Москве на Пресне
В буреломный пятый год
Началось всё дело с песни:
«Просыпайся, встань, народ!»

Но хранители престола,
Коронованной главы,
Люди взяток, произвола
Ощетинились, как львы.

Их огонь был част и меток,
Песням посланный в ответ . . .
Сколько женщин . . . малолеток
Уложили — счета нет!

На Москве-реке их в кучи
Собирали, как дрова.
Да, грозны ходили тучи!
Жуть . . . кружилась голова!

Полежал и сам я в груди,
Полумертвый и без ног;
Помогли, спасибо, люди —
Не прогневался, знать, бог».

Говоря, взглянул в окошко,
Гнев к минувшему тая,
Обомлел: «Пимоня-крошка,
Ущипни! Не сплю ли я?»

Глянь, родной, как с крестным ходом,
Люди с пением идут.
И войска слились с народом,
Флаги красные несут».

Дед заплакал: «Русь святая,
Ты ль не чудо из чудес!
К свету, ширь-то, ширь какая,
Безграничнее небес!»

1917

78. ГИМН ПРОЛЕТАРСКИМ ПТЕНЦАМ

Летели дни, за ними годы
Тянулись нудно без следа,
И нас лишенья и невзгоды
Не покидали никогда.

Мы, как бездушное творенье,
Как черви жалкие в пыли,
Не шли дорогой назначенья,
А робкой ощупью ползли.

В поту кровавом до истомы,
Трудясь за угол и гроши,
Не отдыхали мы и дома
В ненарушаемой тиши.

Там ребятенки нас встречали —
Побеги темной нищеты,
Что не расцветши увядали,
Как опаленные цветы.

Их было жаль до иступленья,
А кто поможет? Кто спасет?
И лишь одни нравоученья
С тоской выслушивал народ:

«Приветствуй божье испытанье,
Забудь гордыню и смиришь
И будь щедрей на подаянье», —
Глаголы пастырей неслись.

Внимая им, душа скорбела,
В кистень сжималася рука;
И ныло в лихотке тело,
Рвались проклятья с языка.

Хоть бы деток пощадила,
Нашу радость черных дней,
Власти вражеская сила
От губительных сетей.

Хоть бы им возможность дали
Бодро следовать вперед. . .
Так, страдая, мы мечтали,
Проводя за годом год.

Но вот достигнута желанья
Ценой неслыханной борьбы;
От долговечного страданья
Освободились рабы!

Развеян гнета сумрак дикий,
Стена препятствий снесена,
Пришла к нам с радостью великой
Свободы первая весна.

Шире дверь, долой запоры!
Рати юные идут!
Необъятному простору
Песню новую поют.

Это идут дети в школу
Из конурок и щелей;
Барство, знать, склонитесь долу,
Ваше место у дверей.

В одну семью слились ребятки,
Гудят, шумят, как пчелок рой;

Тутэ, Ахмет, Рахиль, Филатка
Идут дорогою одной.

Какое милое смешенье
Имен, наречия и лет!
У них у всех одно стремленье —
Из мрака вырваться на свет.

Слава солнцу золотому,
Слава силе трудовой,
Делу общему, живому,
Слава воле мировой!

Слава русскому народу,
Слава доблестным борцам,
Слава павшим за свободу,
Слава деткам-голышам!

1918

79. ГРОЗА

Под дыханьем чарующим юной весны
Окропленные влагой целебной цветы
Развернулись в полях, новой жизни полны...
— Лишь один ко всему страшно холоден ты.

Буйный ветер подул, поднимая песок;
Гнутся долу деревья, как тонкий камыш.
Потемнел и шумит разъяренный поток...
— Ты ж на это на всё равнодушно глядишь.

Вихрь пронесется дальше по ширям полей,
Гонит тучи и стонет подстреленным львом...
— Только ты, чтобы пыль не слепила очей,
Щуришь их и мечтаешь о дне золотом.

Разражается буря жестокой грозой,
Частой молнии вспышки, пугая, слепят...
— Но бесчувственен ты и умом и душой,
Не тревожит тебя и громовый раскат.

За грозой хлынул ливень. Небес синева
Помрачилась. Просвета и признака нет.
Полегли от дождя и цветы и трава. . .
— Но тебя не волнует ни темень, ни свет.

Стихнут буря и громы. Осветится мир
Дивным блеском, и вновь запестреют цветы.
Воцарится повсюду довольство и мир. . .
— Но тебе не понять мировой красоты.

Ты опять загрустишь, будешь нудно вздыхать,
Черным призраком встанешь на нашем пути.
— Уходи!.. Коли счастье не хочешь понять,
Не мешай нам до цели желанной дойти!

1918

80. ПОЭТУ-РАБОЧЕМУ

Ф. С. Шкулеву

Мечтал ли ты в глухих стенах завода,
Под жуткий шум приводов и ремней,
И за себя и за судьбу народа,
Скорбя душой на утре вешних дней?

Мечтал ли ты, от боли изнывая,
Припав челом к коленям дорогой
Рабыни-матери и долю проклиная,
Грозя врагам раздробленной рукой?

Мечтал ли ты средь зреющего хлеба
В вечерний час, с восторженной душой
Взирая в высь сияющего неба,
Слагая стих бесхитростный, простой

О красоте чарующей природы,
О плеске волн и звонком пеньи птиц,
Слагая стих про горе и невзгоды
Рабов труда, о скорбях без границ,

И в них зовя обиженного брата
Трудом и голодом измученных людей
Вступить в борьбу с стяжателями злата,
Со сворой злых, бездушных палачей?

Мечтал ли ты, что песен этих звуки
Родной народ оценит и поймет? —
Любимец муз, дитя труда и муки,
Услышан ты, и песнь твоя живет.

Она страшней и пороха и стали
Была врагам и окрыляла дух
Твоих друзей, что за свободу встали...
Ты не забыт, мой лучший брат и друг.

1918

81. В ДЕРЕВНЕ

Чрез минуточку-другую и дома...
Здравствуй, край позабытой весны,
Изумрудных тропинок изломы
И полей разноцветных красны,

Лисий мех дозревающей нивы,
Придорожных ракич кружева,
Звонких песен напев прихотливый,
Солнце-печь и небес синева!

Вновь пришел деревенскою негой
Подышать у пузатых стогов,
Под крылом громотухи-телеги,
На цветистой парче вечеров.

Вот она и родимая хата,
А за ней коромысло-река,
Те же лавы, и мостик горбатый,
И щетинный забор тростника.

Тополя-космачи заснежили,
Побелел косогор у пруда;

И на мельнице деда Вавилы
Так же хлещет в заставки вода.

Лишь поют жернова веселее,
Потроша наливное зерно,
Сердце бьется всё чаще, сильнее,
Точно вылететь хочет оно.

«Мама, ты ли? Голубка, здорово!»
Обомлела от радости мать,
А назвать не подыщет и слова,
Только силится крепче обнять.

1918

82. СВОБОДА

После грозного ненастья,
После скорби долгих лет —
Полный братского участия,
Неизведанного счастья
Засиял свободы свет.

Стихли ропот, голос стона,
Гнев молчание хранит.
У поверженного трона
Драгоценная корона
Смятым чепчиком лежит.

Потряслися тюрем своды,
Двери сорваны с петель,
Где поборники свободы
Выносили стойко годы
Пытки диких палачей.

Льются радостные звуки,
Не смолкая, там и тут.
Это дети слез и муки
В отворенный храм науки
Беспрепятственно идут.

Всех зовет их светоч знания
С лаской матери родной;
Всюду праздник, ликование.
Краше нет переживанья
Дней свободы дорогой!

1918 или 1919

83. В НАШИ ДНИ

Еще волнуется народ,
Разливом мощным вешних дней
Еще бушует. Но восход
Горит всё ярче и теплей.

Еще не сбит суровый враг,
Хоть истекает кровью он,
Кляня свободы красный стяг,
Негодования, злобы полн.

И слабо держится за власть
С слепую верой в ложь и тьму,
Но близок час, придется пасть
С разбитым черепом ему.

Покой желанный недалек,
Бой разгорается сильнее,
Народа мощного поток
Растет и ширится дружней.

И скоро обновленный мир
Сберет борцов со всех сторон
На небывалый общий пир
Под набатный яркий звон.

1918 или 1919

84. У МОГИЛЫ ШЕВЧЕНКО

(Ко дню рождения 25 февраля 1814—1919 г.)

Мы к тебе, наш батько милый,
Издалика прибрели,
Чтоб скопиться пред могилой
До лица сырой земли,

Оросить слезой подножье
И промолвить: «Дорогой,
В нас не сгибли зерна божьи,
Зароненные тобой!

Помним мы твои заветы
И храним, как ценный клад,
Что тобой когда-то петы
С сладкозвучной кобзой в лад. . .

Не забыты сердца боли
И с проклятьем рабский стон,
Песни мощные о воле,
Что лились, как перезвон.

Мы под них грозой суровой,
Некрушимою стеной
Проложили к жизни новой
Путь широкий и прямой.

Нет преград, разбиты крепи,
Пал кровавый властелин. . .
Бывший раб, порвавший цепи,
Стал свободный гражданин!»

1919

85. ГУДОК

В годы детства гуд призывный
На работу в ранний час
В простоте своей наивной
Проклинал я сотни раз.

Чуть светок, а он застонет,
Загудит; проснется мать,
На работу нас погонит:
«Чу! Гудок — пора вставать!»

Да, пора, а встать нет мочи,
Спишь как мертвый иногда,
Гноем слепленные очи,
Слух отсутствует — беда.

Тяжела судьба малютки
Непосильного труда,
Ведь часов по двадцать в сутки
Мы работали тогда.

На жаре, в чаду и пыли
Проработав этот срок,
Полумертвыми мы были;
Шли домой, не чуя ног.

От работы ныли руки,
От побоев — голова;
Слух терзали шума звуки,
Брани едкие слова.

А за что? Свидетель небо,
Мы платили за гроши,
За кусок скорузный хлеба
Соком тела и души.

В полусне нам есть давали
И чумазым и в поту,
За столом мы засыпали.
С недожеванным во рту.

Но теперь иное дело:
Сброшен гнет с мозольных плеч,
От побой не ломит тело
И не жжет по суткам печь.

И сирены гул призывный
Не назойлив и тягуч,
Обладая силой дивной,
Гармоничен и певуч.

1919

86. ПЕСНЯ РАБОЧЕГО

Из поры-угла разутым,
Лишнею обузой
Был я брошен в пекло гуты
За грошом и блузой.

Брошен грубо, без напева,
Теплого привета,
В бездну ропота и гнева,
Мрака без просвета.

Опаленный жгучим зноем,
Опьяненный чадом,
Рос мятежным я изгоем,
Непокорным чадом.

Мать, прости за скорбь и боли,
Что чинил собою.
Я дышал мечтой о воле —
Ты была рабою

И ждала иной награды,
Глупым сказкам веря.
Я рвался разбить преграды
Властелина-зверя.

Ты угасла, жизнью смята,
Примирайсь со мною.
Я пошел на зов набата
С песней огневою.

Пусть я сед и слабы ноги,
Духом — крепче стали;
Не сверну с прямой дороги
К лучезарной дали.

Счастлив я, моя родная,
Миновали беды.
Чу! Повсюду, не смолкая,
Льется гимн победы.

1919

87. ПРИВЕТ 7 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

Века в оковах и плену
Посредством виселиц и стали
Владыки грозные держали
Порабощенную страну —

Детей труда и нищеты,
Гася в них мысли и мечты;

Но этот дар не потушить
Ни лютой казнью, ни тюрьмою,
Ни замуравленной стеною.
Они должны и будут жить,

Шумя потоком вешних вод,
Зовя всех страждущих вперед!

И, слившись в бурный океан,
За скорбь, обиды и гоненья
Рабы восстали для отмщенья,
Сметая всё, как ураган.

И разом дрогнул старый мир,
Разбит насильников кумир.

Дыханьем радостным весны
На счастье русского народа
Пришла желанная свобода,
Воскресли рыцари-сыны.

Забыты скорбь и рабский страх,
Вся власть и право в их руках.

Пусть враг еще не сокрушен,
Он львицей раненою рыщет,
Предателей отчизны ищет;
Но звон червонцев не силен.

И тает медленно их стан,
Как в утро раннее туман. . .

Еще пажим, еще напор
Несокрушимой рати властной —
День воли, радостный и ясный,
Безгранный мировой простор

Зальет потоками лучей
На благо вечное людей!

1919

88. ВПЕРЕД

Мы войско мести роковой,
Как ветра бег неудержимый,
Как рок судьбы неумолимый,
Идем незыблемой стеной. . .
Под песен громовые звуки
Разить врага за кровь и муки,
За непосильный рабский гнет.
Вперед, товарищи, вперед!

Мы океан могучих сил,
Мы лава огненной стихии,
Рабы прозревшие России;
И, уничтожив склеп могил,
Мы стены к выходу пробили.
Весь мир дивится нашей силе
И нам привет горячий шлет.
Вперед, товарищи, вперед!

Ещё нажим, еще напор,
Смелее, масса трудовая,
Близка развязка роковая.
И над врагом уже топор,
Звеня, отходную слагает.
Смелей! Нас отдых ожидает,
А слава нам венок плетет.
Вперед, товарищи, вперед!

1919 (?)

89. ХАТА

Гнездо — уют родимый,
Годов минувших тенё,
Папайхой пилигрима
Свалилось набекрень. . .

Веселого напева
Не знала жизнь моя:
Без жалости и гнева
Тебя покинул я.

Нужда свекровью лютой
Семью разогнала,
Меня под крышу гуты
Подбросила со зла.

Не роща в непогоду,
Не в ростепель ручей
Шумят, — рыдал я годы,
Бездольный и ничей.

Легки чужие слезы,
Печаль не глубока. . .
До боли жгли морозы,
До ужаса тоска.

Промчалось лихолетье
И вековая тьма,
Истрепано веретёе
Железного ярма.

Без рытвины поляны,
Омóстился овраг;
Горит зарей румяной
Труда и воли стяг.

Здорово, мать-лачуга,
Уют печальных дней! ..
Крылом касатки-друга
Ожившего согрей! ..

<1920>

90. ДЕД

Заслонили всполох тучи,
Умолкают голоса,
Лес чадит смолой пахучей,
Упираясь в небеса.

Быть ненастью. По лопатке
Так и ходит ломота,
Губы высохшие — сладки,
Опьяняет дремота.

Удлинилась к дому стежка
С тонконогим ковылем,
Освинцовилось лукошко
С недосеянным зерном.

По лицу колючей лапой
Ели хлещут: трах да трах,
И шалит усатый лапоть
На мозолистых ногах.

Сердце-голубь бьется тише,
Лишь на дне его порой
Заскребутся думки-мышы:
Где-то он, родимый мой?

И когда соколик ясный
Осчастливит уголок?
Вдруг пред дедом оком красным
В хате вспыхнул огонек.

«Что за притча? Голос сына».
Мощь проснулась в старике,
И горячая слезина
Зашуршала по щеке.

<1920>

91. У МОГИЛЫ И. З. СУРИКОВА

24 апреля 1880 г.

Пролетарский певец, посмотри-ка,
Как весенние дни хороши!
Не твои ли посевы души
Отзываются в радостных криках?
Не они ли, как зерна благие,
Были брошены щедро тобой
И, согретые братской слезой,
Пробуждали сердца огневые?
Много нас в беспросветные годы
По конуркам и норам сырым,
Внемля песням сердечным твоим,
Рвались вдаль, как весенние воды.
Сколько дум, сколько буйного гнева
В непогожие черные дни
Вызывали нередко они
В подневольниках грустным напевом!

.

Пусть другие — иных убеждений,
Кто взирает на всё свысока, —
Осмеяли тебя, мужика,
За твои задушевные пенья.
Мы же, друг, не забудем поэта
На разгаре немеркнущих дней
И полюбим еще горячей
За призыв к лучезарному свету.

1920

92. ВЕСНА

Ветер смолк. Под голым вязом
Прикорнул сивач-мороз,
Белоклювый грач чумазый
Вести добрые принес:

«Скоро, скоро без возницы,
В шелк-цветы наряжена,
На крылатой колеснице
Прилетит весна красна.

Оживут поля и доли,
Степи-матушки простор,
И начнется пир веселый
Под немолчный птичий хор».

Встрепенулась мощь речная,
Заворочались снега,
И ручьи, звеня, играя,
Будят сонные луга.

Утро вспыхнуло жар-птицей,
Обрядились тополя,
Заневестилась земляца,
Осермяжились поля.

Всюду звуки, ласка, нега,
Красота — не передать.
Сердце в грудь стучит с разбега,
Точно хочет убежать.

На глазах блестят росинки,
Будто спрыгнули с цветка;
Нет без трепета былинки,
Без движенья лепестка.

1920

93. ВНУКУ

Да, милый внук, житейский путь
Не сплошь усеян васильками.
Иди по нем не как-нибудь,
Но осторожными шажками.

Я был рабочим боевым.
Пускай теперь похож на клячу.
Недаром рано стал седым,
С горбом верблюдицы в придачу.

Ведь и во мне горела кровь,
Мечты сменялися мечтою.
Надежда, вера и любовь
Не разлучалися со мною.

Шел умереть у баррикад
В лице отважного героя,
Но не себе искал наград
Среди отчаянного боя.

Я бедность знаю с давних пор,
Меня лишенья не встревожат,
Пока держать кирку, топор
Рука мозолистая может.

Нет, я боролся за детей,
За них лез в пекло головою,
Чтоб было им идти светлей
Моей дорогой трудовою,

Чтобы властители земли
На них отечески смотрели
И без препятствий помогли
Достигнуть лучезарной цели.

И замысл наш не звук пустой,
Работа даром не пропала.
В лучах свободы золотой
Теплей и радостнее стало.

Да, не легко далась она,
Кровищи выглотала реки,
И, блага райского полна,
Осталася властвовать вовеки.

И вот, мой друг, идя вперед,
С огнем в груди, дорогой знанья,
Цени других тяжелый пот
И не скупись на состраданье.

Бездушных, гордых, пошлых, злых
И в орденах мы многих знали,
Но, верь, мы не боялись их,
А, презирая, проклинали.

Пусть будешь ты простой мужик
И нудью вынянчен большою,
Но докажи, что ты велик
Не только силой, но душою.

1920

94. УТРО

Утро вспыхнувшим пожаром
Лучевой ковер плетет,
Гута дышит знойным жаром
Ртами окон и ворот.

Ей невнятен шепот бора,
Нежнопевность тополей, —
Смех ядерный, разговоры
Слушать бабушке милей.

Стеклодувы отдохнули,
Тишь разгулом расцвела,
Блещут огненные пули
Разноцветного стекла.

Мастера на лица строги,
Отирая жаркий пот,
От залоги до залоги
Не отходят от работ.

Молодежь, как в диком танце,
Закружилась веселей,
Осиянная румянцем
Стеклоплавильных печей.

Позабыты дни былые
Неизбывчивой тоски,
Речи пламенны, живые,
Песни бодры и звонки.

1920

95. БРАТУ ПОЛЯКУ

Подняты сумерек шторы,
Темень развеяна в прах,
Шире и шире просторы,
Эхо слышнее в горах.

Дрогнули мертвые скалы,
Путь прокладая труда,
Глыбами лезут в провалы
Залежи вечного льда.

Будет разгульничать вьюгам,
Минуло время смерчей,
Север затеплился югом,
Зори рассвета ярчей.

Молниеносной лавиной
Сброшены плесень и тля;
Кроются алой рядниной
Смытые кровью поля.

Друг мой, товарищ рабочий,
Ты ль не измызган нуждой,

Мраком удушливой ночи,
Панской тяжелой пятой?

Руку, страдалец сердечный,
Смело, под гимн боевой,
К воле и истине вечной
Ринемся вместе с тобой!

1920

96. ЛЮБЛЮ Я

Люблю я звуки немолчных трелей
Под дымкой чуткой зари-рассвета,
И детский лепет старушек елей,
Дыханье зноя, лобзанье лета.

Люблю далеких громов раскаты
И молний жгучих лучей извивы,
В обильный ливень потоков скаты,
Трезвон дубравы и сказки нивы.

Семью избушек родной деревни,
Родимой ласку при новой встрече,
Веселый возглас задорных певней
И ситец стада у буйной речки.

Люблю полоской шагать за плугом,
Засеять пашню зерном янтарным,
В разгар покоса пройти по лугу
С косою острой порою ранней.

Люблю завода напев сирены,
Что льется в дали могуче-гордо,
Сзывая властно за сменой смену
Рабочих рати к станкам и горнам.

Ведь там под крышей гигантов зданий,
В чаду угарном под шум и грохот,
Родились мысли иных исканий,
Ковался годы победы молот.

1920

97. В. И. ЛЕНИНУ

Не хоры птиц в рассветном блеске,
Вдыхая пряный аромат,
Немолчно в алом перелеске
Молитвословия звенят;

Не в честь ликующей природы
И именинницы-весны
Шумят клокочущие воды,
Восторга буйного полны.

Тебе от края и до края
Благословляющие труд,
Мир обветшалый потрясая,
Гимн торжествующий поют;

Тебя приветствуют, отважный,
Непобедимый исполин, —
Богатыря страны сермяжной,
Героя сказок и былин.

Ты уничтожил рабства крепи
И к счастью отыскал ключи,
Перековал на лавры цепи,
Сердца рабочих — на мечи.

Зажег в душе их гнева пламень
И искры мужества в очах;
Прогнившее разбил о камень,
Отжившее развеял в прах.

Привет тебе, великий гений,
Свобод грядущая заря,
Тебя мы славим в песнопеньи
В дни мирового Октября!

1920 (?)

98. СУМЕРКИ

Из волокни пурпурных вечер
Сетку тонкую плетет,
Блики пригоршнями мечет
На стекло зыбучих вод.
Сквозь узорчатые ткани
Догорающих небес
С добродушной лаской няни
Месяц глянул и исчез.
Под душистым покрывалом
Реют сны за роем рой,
Прикорнул веселый малый —
Ветерок в чаще лесной.
Обесследились дороги,
Обеззвучили поля,
И оделись перелогИ
В меловые куделя.
Нивы спят. Забылись птицы,
Бурей грезят ковыли,
Только изредка зарницы
Спички чиркают вдали.

<1921>

99. О СЕБЕ

Так суждено, должно быть, свыше:
Кому быть царственным орлом,
Кому взлетать не выше крыши
И век чирикать воробьем.

Одним дано талантов много,
Иным, как мне, один намек,
Но всё ж, идя труда дорогой,
Я не зарыл его в песок.

И не ропщу на провиденье,
За славой — тенью — не гонюсь,
А чуть осветит вдохновенье,
Всецело лесне отдаюсь.

Пою о том, что муза скажет
И что со мной пережила, —
Ведь и роса полоску влажит,
И ночь при месяце светла.

И кто, бредя тропинкой тесной
Житейских бурь и непогод,
Душою чуткой, внемля песне,
Меня по-своему поймет.

1922

100. ТРОЙКА

Гей вы, тройка, ветер вольный, —
Разум, сила и краса!
Вы летите в город стольный
Чрез болота и леса.
Хутора, деревни, сёла
Чуть мелькнут — и наутек,
Песней звонкой и веселой
Заливается седок:
«Сторонись! Долой с дороги,
Темень злая нудных дней,
Не свернуть тебе, убогой,
Солнцем взмыленных коней!..
Не страшусь твоей погони
В огнекрылые года!
Мчитесь, мчитесь, вихри-кони,
В город мысли и труда!»

<1923>

101—103. ГУТА ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

1

ГУТА ПЕРВАЯ

Мне тебя не забыть никогда,
Многоглазая, с огненной пастью.
Где бы ни был, везде и всегда
Я в твоей, прокаженная, власти.

Я ли влился в тебя, или ты
Зверообразом втиснулась в душу,
С алых лет пепелила мечты
И кошмаром в объятиях душишь.

Ты близка мне, как друг. Но палач
Может статься в тебе, и увяну.
Но рядить, как невесту, в кумач
Не хочу я тебя и не стану.

Пусть тебя восхваляет другой
Лишь затем, чтобы выбраться в «люди», —
Пред толпой изгибаясь дугой,
За столом — пред изысканным блюдом.

Эти люди иного ума,
Их чутью позавидует пудель, —
Что ни гнойная рана — им мак,
Что ни хлопец ошпаренный — пудинг.

Не могу с ними петь заодно,
Коли искренно истине верен,
Потому что тебе я родной
И, как детище, лгать не намерен.

Гей ты, гута, копчуга-сарай,
Многоротое чудище злое, —
Для певца-лизоблюдника — рай,
Гильотина — поэта-изгоя.

Уходила ты деда, смеясь,
И отца-забулдыгу щекоткой;
Адский зной, ядовитую грязь
Мне ли выглотать ссохшею глоткой?

Нет, их тысячам тысяч не взять,
Знать, на то мы и темная сила...
Почему же родимая мать
Недоноском меня не зарыла?

От меня утешенья ждала
И свечю любви засветилась,

Но хватил я отцовского зла,
Счастье вскинутой склянкой разбилось.

Спohватилась бедняжка потом,
Смерти сыну просила у бога.
Вел я с нею борьбу и попом,
Бёг из церкви в кабак и к острогу...

Ну, а ты, душегубец-дворец —
Гута! Чем же меня утешала?
Ты, как сытый лихой жеребец,
Стами огненных ртов гоготала!

<1922>

2

ГУТА ВТОРАЯ

Зубчатых теней ложится полог,
В аллее меркнет дорожка-лента,
Над сталью водной кудластый ворох
Прозрачной ваты разбросан кем-то.

Следа не видно речного бега,
Волна не лижет пологих искатов.
Хмельным отваром струится нега
В червонной дымке зари-заката.

Мечтатель-вечер, сойдя над ширью,
Дохнул прохладой из чаши бора,
Роса-кропило зеркальной пылью
Обильно кроет ряднин узоры.

Впиваясь в небо, деревья-шпицы
Хранят молчанье, полны истомы.
Забылись сладко жаленки-птицы
И гном-кузнечик, объятый дремой.

Не спит лишь гута. Курятся трубы.
Из окон льются лучей полоски,
Слегка румяня ограда зубы,
Дробясь игриво в стеклянных блестках.

Гей, ты, старуха, сутяга-няня,
Очаг-ущелье рабов бездомных,
Тебя ль я вижу в ночном тумане
Глубоко-мудрой и нежно-скромной?

Не ты ль, припомни, застенок-гута,
Была горнилом невзгод и муки?
Давила душу стоногим спрутом,
Вязала мысли, ковала руки?

Не ты ль шумела и дни и ночи
Грозой проклятий и бурей гнева?
Промчалось лихо. Голяк-рабочий
Из sklepa сделал дворец-угреву.

1918

3

ГУТАРЬ-ХУДОЖНИК

Памяти отца, Е. П. Нечаева

Замер пронзающий дали гудок надрывной:
«На работу!»
Гулко захлопали пастью широкой ворота гутские,
Группу за группой впуская хлопчат, мастеров
и рабочих
В недра натопленной, лихо пылающей заревом гуты.
Сбросив пиджак-решето, продырявленный сбивками
с трубок,
Шлычку с куском козырька, уцелевшим на ниточке чудом,
Дядя Ефим обмакнул заскорузлую руку в корытко,
Ключья волос (чтоб не лезли в глаза ненароком)
пригладил,
Глянув на печь-каравай, на кормилицу в связях
железных,
В кресло вошел, как поэт на трибуну, горя
вдохновеньем.
Разом лицо, испещренное сеткой морщин, просветлело,
Бережно жуху открыл и поставил к подножью шустана.
Лоскутом желтым огонь полыхнул из окна на далеко;
Дядя Ефим отвернулся, хомутик ища подходящий,

Пóрты с рубахой не чище —
Солью покрытые сплошь.

Брови повыело потом,
Ресницы пламень слизал, —
Только иной позолотой
Как-то светились глаза.

Стоило дяде Ивану
В кресло взойти, и смотри:
Гибче молодки румяной,
Краше рассветной зари.

Это не он да и только,
Что и откуда бралось,
Экося, удали сколько,
Творчеством дышит насквозь!

Трубка играет, каналья.
Что ни набор — апельсин!
Ваза — шалунья Наталья,
Парень-утеха — графин!

Весом и емкостью точны.
Стенки — в линейку до дна.
Глянeshь, прикинешь нарочно:
Дюжина штук — как одна!

Мерка велась для показа,
Циркуль на всё — глазомер.
Был он гутейским алмазом,
Русской смекалки пример.

Часто, любуясь им, Милле
(На́больший — «Тетя-роди»)
Скажет, бывало: «Мазилин,
Выпей за это поди!»

Даст ему рубль иль полтину, —
Гений безвестный растет,
Мчится хлебнуть половинку,
Выпьет и детски поет.

Жаль, бедняка подкузьмили
Труд да лихая нужда.
Скорбно его хоронили.
Вспомнить тошнехонько — да!

Умер почти у забора.
Миром собирали на гроб.
Как же не бросить укора
Прошлему шквариной в лоб.

<1924>

105. ДОЖДЬ

Солнце глядится нежгуче,
Дымкой окутав чело,
Гонятся туча за тучей,
В тенях купая село.

Стукнулся ветер с разбега
Лбом о дорожную пыль,
В облаке скрылась телега,
Кроется сedyю ковыль.

Зыбятся озими всходы,
С присвистом заросль поет,
Галки, кружась хороводом,
К ригам направили лет.

Дрогнула рощи понева,
Знойную дрему будя,
Ткут за основой основу
Крупные капли дождя.

Праздничны пахарей лица,
Точно хватили медку, —
Радость в обильной водиче
Людям, леску и цветку.

Первая половина 1920-х годов?

106. ОСЕНЬЮ

Хорошо с головой в серебре
И с душою незлобиво чуткой
Отдохнуть на восходной заре,
Внемля щебету пташки-малютки.

Эй, синичка, голубый бочок!
Не чурайся по духу соседа!
Я такой же певун-горюнок,
Как и ты, егоза-непоседа.

Проводила ты летних гостей,
Опустели их шумные хаты.
Так и я ряд бесчисленных дней
Проводил... Навсегда — без возврата.

Вот опять завеснится трава,
Зазвенишь ты еще веселее.
Лишь моя — короб дум — голова
Ниже склõнится, гуще белея.

Почему ж ты, роднушка, всё та?
Тот же голос и перышко то же?
Или ты, как слезинка, чиста
И, как мир, — измениться не можешь?..

Первая половина 1920-х годов?

С ПОЛЬСКОГО

Мария Конопницкая

107

Жизнь — вода. Кто малой чаркой
Пьет ее из тихих струй,
Для того она услада,
Неба нежный поцелуй.
Кто же хочет влаги дивной
Почерпнуть из глубины
И кого равно волнуют
Вечер, полный тишины,
Шум бушующего моря
И могучий взмах орла,
Чары пропасти бездонной
И таинственная мгла, —
Кто, припав мятежной прудью,
Пену пьет седой волны,
У того уста и сердце
Желчной горечи полны! . .
Нет, источник тихоструйный,
Пусть уста мне пламень жжет,
Я с презреньем отвернулся
От твоих прохладных вод!
Жизни глубь! Тебя я жажду,
Ты меня водами пой, —
Пусть в них слезы, горечь жизни,
Бездна скорби мировой!

Пусть волной соленой хлещут
С шумом слезы в грудь мою
И уста огонь сжигает, —
Всё же я из моря пью! . .

<1905>

108

Кто тебя, деревня, станет
В золото рядить
И дождем алмазных капель
С вышины кропить?

Кто ковер тебе постелет
Из живых цветов,
Если солнышко закрыто
Сетью облаков?

Кто зажжет лучистым блеском
Сталь косы твоей
И в лугах разбудит рано
Утром косарей?

Нет, скрывая яд обиды
В глубине души,
Простоишь еще ты долго
В сумрачной глуши.

И немало в темь ночную
Ты уронишь слез
По полям и по равнинам
Вспаханных полос.

Но придет пора, я верю,
Через много лет, —
Дня грядущего заблещет
Над тобой рассвет!

<1905>

155

Если б видело ты, солнце,
 С выси неоглядной,
 Сколько тьмы еще на свете,
 Мрачной, безотрадной,
 Не угасло б, золотое,
 Вечером так скоро,
 Разливая блеск пурпурный
 По вершинам бора...
 День недолог от рассвета
 До его заката,
 Где ему согреть, утешить
 Всех с любовью брата?
 Если солнце усталъ знает,
 Гаснет за горою,
 Где ж уму все наши мысли
 Озарить собою?
 Но когда бы крепость духа
 В людях пробудилась,
 То с порывом бури грозной
 Темь бы злая скрылась.
 Если б все стремились к свету
 Мощными орлами,
 Засиял бы без заката
 Светлый день над нами.

<1908>

110. НА СВИРЕЛИ

Почему земля обильно
 Смочена росой,
 Я же, пахарь, голодаю
 И хожу босой?..
 И, как ночь росу роняет,
 В трудовой свой век
 Мало ль в скорби слез горючих
 Пролил человек?
 Если б мне пройти по нивам,
 По родным полям

И народные все слезы
Сосчитать бы там, —
Овладел бы страшный ужас
Скорбною душой,
Вся бы нива мне казалась
Кровью залитой...
Ранним утром солнце встанет
И, полей красу,
Что алмазами сияет,
Уберет росу;
Но чтоб высушить досуха
Море наших слез, —
О мой боже! — мир бы целый
Сжечь тогда пришлось.

<1911>

111

Почему же дубы не от молнии пали
В час грозы, полны жизненных сил?
Почему же покровом венцы их не стали
Хоть одной из великих могил?

А листок за листком дикой бури порывы
Разнесли великанов красу,
И умолкли навек шума их переливы...
Тишина на полях и в лесу!..

<1918>

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

112. МАЛЕНЬКОЙ МАРИАНЕ

Вырастай, моя ты пташка,
Как цветок весною,
Пока сердце не разбито
Злобою людскою.

Пока люди не дознались,
Где ты расцветаешь,
А узнают — нет спасенья,
Всё ты потеряешь.
Не на годы молодые
С дивною красою,
Не на очи голубые
С жгучею слезою,
Не на пламенные чувства
Добрые, святые
Не посмотрят... и навеки
Сгубят люди злые.
Насмеются, обокрадут...
Ты же, дорогая,
Будешь мучиться до гроба,
Бога проклиная...
Не цвети же, моя пташка,
Васильком средь жита,
Увядай скорей, покуда
Сердце не разбито!

<1908>

113. <ИЗ ЦИКЛА «МОЛИТВЫ»>

Царям — всемирным шинкарям —
Дукаты, талеры, рубли
И цепи для оков пошли.

Умам рабочих и рукам
И всем оратаям земли
Ты силы мощные пошли.

А мне, о господи, вполне
Одной достаточно любви,
И ею ты благослови.

1917

Андрей Бобенко

114. СЛЕЗЫ МАТЕРИ

Над морем свирепствует буря,
Во мраке луч солнечный тонет,
Безбрежное вспенилось море
И воет, бушует, и стонет.

Вздымаются грозные волны,
Уносятся с шумом далеко,
И бездна бурлит и клокочет
И пену бросает высоко.

Печально зубчатые скалы
Склонились над берегом моря.
Над ними летает орлица,
Полна безутешного горя:

«Вот здесь, на высоком утесе,
Гнездо я свила и растила
В нем птенчиков, милых малюток,
Их разуму, правде учила.

Они выростали на воле,
Любуясь простором лазури.
Погибли, заброшены в море
Порывом неистовой бури».

Летая, горюет орлица
И жаркие слезы роняет,
А море шумит и клокочет,
О скорби орлицы не знает.

<1906>

Якуб Колас

115. В ПОЛЕ

Люблю я приволье
Просторов степных,
Зеленое море
Колосьев ржаных

И узкие тропки
Средь долгих полос...
Люблю тебя, поле,
До боли, до слез!

Под грушей ветвистой
Люблю помечтать,
Люблю я озер
Зеркальную гладь,

В изгибах дорогу,
Бегущую с гор,
И тихий, немолчный
Ручья разговор.

Изрытый ветрами
Песчаный курган
И вечером поздним
Далекий туман...

Люблю созерцать я
Весенней порой,
Как шепчется ветер
С душистой травой,

Как носятся волны
Одна за одной
По тучному житу,
По ниве родной...

Люблю я раздолье
Просторов степных,
Широкое море
Колосьев ржаных!

1919 (?)

116. МУЖИК

Я — мужичий сынок,
Ни двора, ни кола.
Поле — желтый песок,
Хата в землю вросла.

Не живу я — гнию,
Как валежник в лесу.
Глянь на долю мою,
Что за крест я несу!

Я болото сушу,
Надрывая живот,
За бесценок кошу,
Рою землю, как крот.

Я работник в полях,
На лугу и в саду,
Лес пилю и валю
И дорогу веду.

Да не езжу по ней,
А хожу пехтурой
В зипуне из заплат
И нередко босой.

Строю церкви, дворцы
И мосты на реках,
Вечно впроголодь ем,
Сплю на голых досках.

И с сумою не раз
Я, как нищий, ходил,

Со слезами в очах
Христа ради просил.

Видишь торбу мою,
Мой спутник — мешок.
Вместо хлеба в него
Клали глины кусок.

Мочат росы меня,
Солнце зноем палит.
В скромных песнях моих
Только горе звучит.

Много мест исходил,
Больше зла перенес
И на скорбном пути
Без числа вылил слез.

Слышишь, в темном бору
Старый дуб простонал, —
Это я без поры
Богу душу отдал.

Чу, трезвонят вдали,
Звуки ближе плывут, —
Это кости мои
На кладбище несут.

Вон над прахом моим
Крестик ставят друзья,
Распеваает вокруг
Вольных птичек семья.

Я — мужичий сынок,
Пешеход без дорог,
Светоч-школа — шинок,
Угол теплый — острог.

1919 (?)

Янка Купала

117

Я — мужик-белорус,
Пан сохи и косы,
Худ и темен лицом
И седые усы.

Голод батькой мне был,
Маткой — горе-нужда,
Силу-мощь получил
От святого труда!

Зла я много терплю,
На протесты я нем,
Всех я хлебом кормлю,
Сам же высевки ем.

С нивы скудной моей
Могут все получить,
Только мне за труды
Не хотят заплатить! . .

Глянь на бор вековой, —
Взглядом где охватить?
Я ж могу топором
Лес в поля превратить.

Корни вырву, впрягу
В соху лошадь свою,
Поле я распашу,
Жарким потом полью!

А созреет посев, —
Женка ниву сожнет
И для панской семьи
Калачей напечет!

Вот как пахарь живет —
Пан сохи и косы,

С изможденным лицом
И седые усы!..

Ну, а если б меня
Букварю научить, —
Про неволю свою
Мог бы песню сложить.

Мог бы громко сказать,
Что и я — человек!..
Безысходно страдать
Надоело весь век!..

1919

118. НАДГРОБНОЕ

Надоело человеку
Жить на белом свете,
Выносить нужду и горе,
Как удары плети.

«Дай умру, не лучше ль будет,
Отдохну немного:
Тесно жить, а на погосте
Места слишком много».

Ну, и умер. Стал спокойным —
Не боится лиха,
А соседи шепчут грустно:
«Ишь, лежит как тихо».

И, чтоб гной не ели черви,
Бедняка раздели,
Смыли теплою водою,
В чистое одели.

Руки жилистые, в шишках,
Накрест положили
И, как графа, в гроб тесовый
Бережно вложили.

Собралось народу много
 Пожалеть родного,
И глядят на страстотерпца,
 Точно на святого.

Кто молчит, иной вздыхает,
 Прочие голóсят —
Упокойнику у бога
 Утешенья просят.

Ну, Савраска, напоследок
 Послужи, родная,
И хозяина сvezи ты
 Ближе к недрам рая.

Вот и церковь. Поп за взятку
 Ладаном встречает.
Пономарь запел козленком,
 Дьякон пособляет.

А затем его останки
 Понесли к могиле
И, по рытвинам шагая,
 Чуть не уронили.

Сторож в колокол ударил, —
 Полилися звуки,
Но напрасно — не воскреснет
 Раб нужды и муки.

А могильщик приготовил
 Вдалеке от храма,
По последнему разряду,
 В три аршина яму.

На веревках осторожно
 Гроб на дно спустили,
Кто горстьми, а кто лопатой
 В пять минут зарыли.

Крест над холмиком воткнули
С надписью: «Спи, брате!»
Вот одним упрямцем меньше
Стало в панской рати.

Дни пройдут — его не вспомнят,
Жил ли он на свете.
Не одни соседи только —
Позабудут дети.

Жил — страдал, всё ждал рассвета,
Проклинал неволю;
Умер — счастлив, всё забыто:
Улыбнулась доля.

1919

119

Пан, хоть лопни ты, хоть тресни
Ото зла в любую пору:
Не оставлю свои песни
До рекрутского набору.

Думки-песни петь я буду
Днем и позднею порою
Исстрадавшемуся люду,
Изболевшему душою.

Буду петь в лугах и в поле,
У родной своей лачужки,
Как поют весной на воле
Беззаботные личужки.

И с особым увлеченьем
Пропою я про свободу,
Пусть послужит утешеньем
Это скорбному народу.

Для тебя, мой брат родимый,
Я пою и дни и ночи,

Что ты, долей не любимый,
Ослепил слезами очи.

Ты живешь как волк голодный,
Без угла по свету рыщешь,
Сиротинкою безродной
Понапрасну ласки ищешь.

В дни страданья и волненья
Не найдешь себе привета,
И горячие моленья
Остаются без ответа.

Эй, прислушайтесь, трусы!
Чу! Брожение в народе. . .
Не пора ли, белорусы,
Нам подумать о свободе!

1919 (?)

120. ЛЮТОЕ ГОРЕ

Я видел, как ветер по пашне гулял
И клочьями рыхлую землю взрывал,
Песком заметая равнины полей,
Душистые листья срывая с ветвей.
Я видел, как ястреб голубку убил,
Ей выклевал сердце и кровью запил,
Как перья голубки по рывтинам скал,
По роще тенистой злой вихрь разметал.
Я девушку видел, юна и нежна,
Как к речке бежала с рыданьем она,
Отчаяньем диким горел ее взор,
Как бросилась в волны омыть свой позор.
Я видел всё это и в ужас пришел,
Но беды исправить я средств не нашел.
Лишь горькие слезы лилися рекой
О бедной голубке, о девушке той. . .

1919 (?)

Ян Райнис

121. ПАМЯТИ ЮНОШИ

Элегия

«Прощай, отец! От скорби без исхода
Мой меркнет ум, — всё валится из рук, —
Не в силах я смотреть на ужас мук
Родного мне бесправного народа:
С насмешкой злой ему плюют в глаза,
Бьют по лицу. Ни стон и ни слеза
Не трогают мучителей жестоких.
А сколько тех — забытых и далеких,
Погибших в рудниках глубоких!»

Как мог тогда я удержать пленца?
Он весь пылал огнем негодованья.
О мой родной! — Теперь он без дыханья
Лежит у ног несчастного отца.
Уста хранят молчание могилы...
Он пал в бою в расцвете юной силы,
Он пал борцом за правду и народ.
Но мнится мне — и мертвый он зовет
Своих друзей: «Товарищи, вперед!»

1919

122

Если победил ты, то веселым будь
И к успехам новым продолжай свой путь...

Если побежден ты, — мрачно не гляди
И свои стремленья сохрани в груди...

Если день закроет сумрачная муть, —
Солнышко разгонит и туман и жуть...

Если кем любим ты, — тем и отплати,
Ведь любовь нам служит маяком в пути;

Если кем гоним ты, — бодрость сбереги:
Перед сильным духом не страшны враги...

Что бы ни случилось, друг, не позабудь, —
Сохрани стремленье и веселым будь!

1919

123. НОВОЕ ЗДАНИЕ

Мы уверены в том, что в горниле труда
Почерпнули мы мощь и сознание, —
Нас не сломят теперь ни огонь, ни вода
При постройке грядущего зданья.

Буря грозно ревет, слышен грома раскат,
Дым пожарища стелется всюду,
Но сквозь дым и огонь видит радостный взгляд
Остов замка бесправного люда.

На гранитной скале создается он
И скрепляется потом и кровью,
И для тех, кто унижен, забыт, оскорблен,
Он откроется с братской любовью.

1919

124. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Спадает зной, прохладой ширь объята;
И, окрыленный вновь надеждой золотой,
Иду вперед. Не близко до заката.
Хоть путь далек, но радостен: домой!

1919

125

Ты к свету подымай чело,
Гляди открытыми очами,
Чтоб солнце яркими лучами
С лица печали согнало,

169

Чтоб человеком быть всегда,
Любить обиженных теплее,
Идти уверенней, смелее
Дорогой честного труда.

1919 (?)

126. НЕУСТАННАЯ БОРЬБА

Грозному бою конца не видать, —
Рано о мире, ликуя, мечтать.

Кстати, и плакать не время теперь, —
В правду и силу могучую верь.

Каждая пядь, что проходит народ,
К цели заветной всё ближе ведет.

Пусть выбывает боец за бойцом, —
Их на замену без счета найдем.

Там, где сражались и пали они, —
Ярче пылает свобода — взгляни!

Это борьба не последняя, — нет!
Править не время и праздник побед, —

Много труда предстоит впереди,
Оком в грядущее смело гляди!

Духом не падай и бодрость храни,
Слабых на подвиг святой вдохнови!

Крепкою сталью смыкайтесь в ряды, —
Правнуки ваши оценят труды.

Мужеством, жертвами, кровью своей
Зданье грядущему стройте скорей! . .

1919 или 1920

127. ЗАРЯ

Напрасно нам старая скорбь возвещает,
Что будто бы счастья на свете нет.
Всмотритесь, как ярко над нами пылает
Румяное утро, желанный рассвет. . .

Пусть это кровавое утро и ново,
Но всё-таки утро!.. О скорби ни слова!

1919 или 1920

С А Р М Я Н С К О Г О

Александр Цатурян

128. ТРУЖЕНИКИ ЗЕМЛИ

О бедные дети суровой судьбы,
Как много в вас силы и воли,
Вы созданы богом для тяжкой борьбы,
Терпенье и труд — ваша доля.
Я рос между вами под сенью одной
Родимого светлого неба
И знаю, какой дороною ценой
Кусок добывается хлеба!
Отрадной надеждой себя веселя,
Чуть свет на работу спешите,
Шагая за плугом, родные поля
Вы потом кровавым поите.
Я видел, как летом, в удушливый зной,
Палимые солнца лучами,
Вы, спины согнувши, во ржи золотой,
Нырjali, как в волнах, с серпами.
Видал и зимой вас; уж снежный покров
Окутал всю землю собою;
Вы точите лезвия ваших серпов,
Рукам не давая покоя.
Так век трудовой ваш идет день за днем,
Проходят за годами годы,

Заботы полны вы под тяжким ярмом,
 Не зная отрадной свободы.
О пахари, братья! Герои труда,
 Судьбине покорные дети,
Недаром вас славят везде и всегда
 За ваше геройство на свете!

<1903>

Ф. С. ШКУЛЕВ

Филипп Степанович Шкулев родился 16 ноября 1868 года в деревне Печатники под Москвой в бедной крестьянской семье. Отец его умер от холеры за два месяца до рождения сына. Мать, оставшись без средств с двумя детьми, зарабатывала поденной работой. Когда Шкулеву было одиннадцать лет, в соседнем селе открылась школа и его отдали учиться, но через два месяца учебы пришлось оставить: из-за крайней нужды мать вынуждена была послать его на текстильную фабрику Либиша. «Фабрика на первый раз показалась мне адом, — писал впоследствии Шкулев. — Шум, визг, грохот, дым, пар окружили, затуманили мне голову. Я не понимал, что творилось вокруг меня. . . Вставал я на работу в 3 часа утра и кончал в 9 вечера. Фабрика от нашей деревни была в двух верстах. Ночевал я дома, харчи были свои, зарабатывал я от 2 р. 50 к. до 4 р. в месяц».¹ Вскоре случилось несчастье: мальчик попал правой рукой в машину и покалечил себя на всю жизнь. Когда мать обратилась к хозяину фабрики за пособием, ее выгнали. Лет тринадцати Шкулеву удалось устроиться «за харчи» подручным овощной лавочки в Москве. Здесь он стал увлекаться чтением: тайком от хозяина доставал у соседей «Русские ведомости», в которых печатались любимшиеся ему сказки Салтыкова-Щедрина, зачитывался стихами Некрасова, Надсона, А. К. Толстого. С пятнадцати лет стал сочинять стихи, за что ему от лавочника сильно попадало.

В начале 1890-х годов Шкулев познакомился с М. Л. Леоновым и сблизился с группой писателей из народа: И. С. Ивиным, Г. Ф. Коньковым, М. А. Цыгановым, С. В. Лютовым и другими. Вспоминая о дружеских встречах с ними, Шкулев писал: «Наши речи были полны хороших надежд; и газету хотелось основать, и библиотеку устроить, а главное, сплотить нам подобных в один товарищеский кружок с общим духом и общими намерениями. Пи-

¹ Автобиография. Рукопись — в Центральном государственном архиве литературы и искусства, фонд Шкулева.

сались проекты устава, задумывались сборники». ¹ В одном из таких сборников «Наша хата», вышедшем в 1891 году, впервые были напечатаны стихотворение Шкулева «В день Благовещенья» и поэма «В ночь под Ивана Купала». С этих пор он начал печататься в товарищеских сборниках писателей из народа ² и периодических изданиях Москвы и провинции. ³

В 1902 году Шкулев и его товарищи основали «Московский товарищеский кружок писателей из народа», с 1903 года получивший наименование «Суриковского литературно-музыкального кружка». К тому времени поэт давно расстался с овощной лавкой, одно время имел в Москве на Бутырках свою мелочную торговлю, разорился и стал заниматься преимущественно литературным трудом. В 900-е годы он уже был сотрудником таких журналов, как «Путеводный огонек», «Семья и школа», «Юная Россия», посылал свои стихи в «Крымский курьер», «Сибирский наблюдатель» и другие демократические провинциальные издания, принимал участие во всех сборниках, издававшихся Суриковским кружком.

Первый сборник своих стихотворений «Думы пахаря» Шкулев подготовил в 1894 году. Но, как он сам об этом пишет: «Некоторые соображения заставили меня приостановить печатание издания, и, таким образом, уже готовый к выпуску сборник в продажу совсем не поступил». ⁴ Причины такого решения Шкулева неизвестны, но можно предположить, что содержание сборника его не удовлетворяло. Вышедшие в 1902 году смешанные сборники стихов и рассказов Шкулева «Не всем счастье» и «Кто виноват?», как и «Думы пахаря», были типичными книжечками самоучек. Ощущение неудовлетворенности, неясности перспектив сквозит в автобиографических материалах Шкулева, посланных А. И. Яцимирскому в 1901 году.

В канун 1905 года поэт ищет сближения с пролетарской революционной средой. Эта сторона биографии Шкулева, к сожалению, почти неизвестна. По воспоминаниям няни Шкулевых М. Т. Егоровой, ⁵ за домом постоянно следила полиция, бывали обыски, так как поэт вел знакомство с передовыми рабочими, хранил нелегальную

¹ Дополнения к автобиографии. Рукопись — в Отделе рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (коллекция А. И. Яцимирского).

² «Метеор» (1891), «Родная нива» (1893), «Думы» (1895), «Грезы» (1896).

³ «Развлечение», «Родина», «Народное благо», «Детское чтение», «Родная речь», «Вестник» (изд. Ф. А. Гиляров), «Донская речь», «Курянин», «Калужский вестник».

⁴ Дополнения к автобиографии.

⁵ «Знамя коммунизма», 1958, 29 ноября.

литературу и распространял ее на расположенных вблизи шелковой фабрики и хрустальном заводе. Егорова рассказывает, что однажды на квартире Шкулева в доме Землянской на Бутырках состоялось собрание с участием М. Горького.¹ Среди поэтов-суриковцев Шкулев занимал наиболее передовые позиции и в этом направлении влиял на своих товарищей.

Революция 1905 года определила дальнейший путь поэта. Он становится активным участником всенародной борьбы с самодержавием. Его «Гимн труду», напечатанный на первой странице петербургского журнала «Русский рабочий» № 3 от 25 октября 1905 года, выглядел как манифест. 20 октября, в день похорон Э. Баумана, вылившихся в массовую манифестацию, Шкулев и М. Леонов открыли на Тверском бульваре книжный магазин «Искра». При магазине было организовано издательство революционной литературы. Издательство просуществовало очень недолго. Среди выпущенных книг были «Пауки и мухи» В. Либкнехта, «Собственность — кража» Прудона, два выпуска сборника «Под красным знаменем». В этих сборниках рядом с текстом «Интернационала», «Марсельезы» и других массовых революционных песен были напечатаны «Красное знамя» Шкулева, «Мы — братья» В. Миляева, революционные стихи и песни Шкулева, М. Леонова, Е. Нечаева, М. Савина. Все книги, выпущенные издательством «Искра», подвергались правительственным гонениям, а магазин, как «очаг революционной заразы», был закрыт. Шкулев и его товарищи изыскивали способы хранения и распространения запрещенной литературы. В разгар Московского вооруженного восстания они издали два номера острого, боевого сатирического журнала «Шрапнель», на который сразу же был наложен арест. В цензурном деле сохранилось любопытное донесение о том, что «№ 2 журнала «Шрапнель» ... в типографии не оказалось и от полиции не поступало».² Как вспоминает поэт И. А. Назаров, весь тираж журнала «Шрапнель» Шкулев и Леонов привезли в книжную лавку С. В. Бодрягина, и он «был распродан и распространен в один час, так что когда явилась полиция конфисковать его, она не нашла уже ни одного номера».³ Во время восстания на Пресне Шкулев был в рядах дружинников, ему доверяли хранение оружия. В огне московских баррикад родилась ставшая впоследствии всемирно известной революционная песня «Кузнецы».

¹ В литературе о Горьком эпизод этот не освещен, свидетельство нуждается в подтверждении.

² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, фонд Главного управления по делам печати.

³ И. А. Назаров, Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 89.

Разгром издательства и книжного магазина, преследования правительства, арест Леонова не сломили Шкулева. В трудных условиях спада революции и начавшейся реакции группа писателей из народа (Шкулев, П. Травин, М. Праскунин) организует свои периодические издания — общественно-политические, литературные, сатирические — для крестьян и рабочих, широких городских низов. В своей издательской деятельности эти писатели постоянно наталкивались на разного рода трудности: отсутствие средств, профессиональная неподготовленность, узость круга авторов и т. п. Большой урон терпели они от беспрерывных преследований цензуры. Так, например, с мая по декабрь 1907 года одна за другой выходили и закрывались правительством еженедельные газеты, издаваемые группой Шкулева.¹ В 1908 году Шкулев выпустил восемь номеров газеты «Крестьянская правда», в которой удалось напечатать часть статьи Ф. Энгельса «Марка» под названием: «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он ест? Чем он мог быть?» Для наполнения этих изданий злободневным материалом от Шкулева и его товарищей требовались неустанная оперативность и находчивость, большая работоспособность. Далеко не все из напечатанного там Шкулевым было выполнено на достаточно высоком уровне. Но именно в этих изданиях впервые увидели свет многие его революционные стихотворения, которые не пропустили бы на свои страницы «толстые» журналы «Юная Россия» или «Семья и школа», где поэт продолжал состоять сотрудником.

В период между революциями 1905 и 1917 годов Шкулев особенно активно работал как сатирик: в газетах и журналах писателей из народа сатира занимала большое место. Шкулев был редактором сатирических журналов «Гроза» (1908), «Народный рожок» (1910), «Мой рожок» (1911). Для этих и других журналов он писал фельетоны, пародии, басни, частушки, райки — выступал в самых разнообразных сатирических жанрах вплоть до шарад и подписей к рисункам. Отдельные номера были целиком составлены из материалов самого Шкулева, выступавшего под разными псевдонимами (их насчитывается около семидесяти). Судя по тому, что поэт не включал сатирические произведения в свои сборники, можно предположить, что он не придавал им серьезного значения. Однако без них представление о его литературно-общественной деятельности этого периода будет неполным. Многое из напечатанного Шкуле-

¹ «Молодая воля», «Новая пашня», «Мужичья правда», «Новая воля», «Свободная воля». В сущности, это была одна газета с разными названиями и фамилиями редакторов (Шкулев был редактором «Новой пашни»).

вым в сатирических журналах 1910-х годов действительно не выдерживает строгой критики. Но все же он более, чем кто-либо из его коллег, стремился внести в сатиру политическую тенденцию. Насколько это ему удавалось, можно судить по цензурным материалам. В день выхода первого номера журнала «Народный рожок» цензор докладывал прокурору Московской судебной палаты: «Номер этот имеет такой эпиграф: «Наши шутки не по вкусу будут вору, «зубру», трусу, мироеду, бюрократу, кулаку и плутократу» — и в соответствии с этим эпиграфом весь составлен в духе классовой вражды». ¹ Вскоре журнал был закрыт, а Шкулев, как его редактор, привлечен к суду.

С изданием стихотворного сборника дело у Шкулева по-прежнему обстояло плохо. Вышедшая в 1911 году в издании Суриковского кружка тоненькая книжка «Смелые песни» вместила всего 9 стихотворений.

В 1912 году пролетарский поэт закономерно стал сотрудником большевистской печати. Восемь его стихотворений были напечатаны в «Звезде» и «Невской звезде». Опубликованные впервые в 1906 году «Кузнецы» Шкулева (см. примеч. с. 420) были помещены в 1912 году в «Невской звезде» и со страниц газеты получили массовое распространение среди рабочих.

В 1911 году за издание сатирического журнала «Народный рожок» Шкулев был приговорен Московской судебной палатой к году одиночного заключения. Он пытался уклониться от тюрьмы, перешел на нелегальное положение, но вынужден был явиться и с 15 сентября 1912 года по 21 февраля 1913 года находился в Московской Таганской тюрьме, откуда был выпущен по амнистии 1913 года.

В заключении Шкулев много писал. ² Он сообщал об этом в письмах на волю своим товарищам — поэтам Нечаеву, М. Савину. По выходе из тюрьмы Шкулев находился под наблюдением полиции, и с началом войны ему, как поднадзорному, грозила ссылка в Нарым. Чтобы избежать этого, он уехал в Архангельск, где жил высланный из Москвы М. Леонов. В Архангельске Леонов был одним из ведущих сотрудников большой, демократического направления,

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, фонд Главного управления по делам печати.

² Сохранилась тетрадь его стихотворений с надписью на первой странице: «Таганская тюрьма, одиночное заключение, камера 154. Шкулев Филипп Степанович. 1912 г. октября 15-го» и припиской: «Подчиняться режиму, иначе будет отобрана тетрадь». (Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд Шкулева).

газеты «Северное утро». По приезде в Архангельск Шкулев стал постоянным сотрудником «Северного утра». Он помещал в газете не только стихи, но вел также фельетон, писал статьи по рабочему вопросу, о женском и детском труде, заработной плате, злоупотреблениях «отцов города» и т. п. В Архангельске Шкулев возобновил издательскую деятельность: в 1916 году он выпускал сатирические журналы «Заноза» и «Северное жало».

После свержения самодержавия Шкулев вернулся в Печатники, где жила его семья. Октябрьскую революцию он встретил председателем волостного земства. В 1918 году поэт вступил в Коммунистическую партию и отдался общественной и партийной работе. Он был председателем волостного совета, секретарем партийной ячейки, военным комиссаром, судьей, вел большую пропагандистскую работу. Его доклады «О целях и задачах партийной пропаганды», «Почему церковь отделена от государства», составленные в виде афоризмов «Советы молодым коммунистам»,¹ — свидетельства его кипучей деятельности тех лет. При этом он не оставлял поэзию. На праздновании первой годовщины Октября Шкулев выступил со стихами «Революция», «Гимн Великой Октябрьской революции», «Думы Разина». Его стихи печатались в ряде газет и журналов: «Беднота», «Коммунар», «Рабочая Москва», «Московская деревня», «Всходы», «Отклики», «Кузница».

В 1922 году вышел лучший и наиболее полный сборник стихотворений Шкулева «Гимн труду». Поэт был членом объединения пролетарских писателей «Кузница», почетным членом кружка «Рабочая весна». Он часто встречался с молодежью, делился опытом борьбы и творчества.

В июне 1930 года в Москве состоялось торжественное чествование Шкулева в связи с пятидесятилетием его творческой деятельности. Больной поэт не мог на нем быть. Он умер 16 ноября 1930 года и похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с Нечаев

¹ Все эти материалы находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, фонд Шкулева.

129. ДУМЫ

О, зачем вы, мои думы,
Вылетаете на свет?!
Где, в каких сердцах найдете
Вы теперь родной привет?

Разве с ветром на просторе
Там, на ниве золотой,
Вы привет себе найдете
В сердце жницы молодой?

Или утренней зарею
Среди пажити родной
Пропоеет вас, мои думы,
Добрый пахарь за сохой?

Иль несчастная вдовица,
Надрывая скорбью грудь,
Вспомнит вас, чтоб было легче
Ей свершить житейский путь.

Эх, летите! Вы и сами,
Думы, с горем рождены
И гулять по белу свету
С ним навек обречены.

Погуляйте, мои думы,
Вместе с горем и бедой,
Поглядите, где родится
Хлеб с негодной лебедой.

Погорюйте, где жестоко
Градом выбиты поля;
Побывайте, где бесплодна
Есть для пахаря земля;

Пожалейте, потужите,
Где чумной валится скот;
Поглядите, как окутан
Темнотой простой народ.

Потужите, где пожаром
Села выжжены дотла,
И поплачьте, где кормильцев
Смерть в могилушку свела!

<1894>

130, ДУМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Размышляет доктор, сидя в кабинете:
«Хорошо живется нам теперь на свете,
Посмотрите, сколько развелось болезней,
А они для нас-то ведь всего полезней,
С ними состоянье мы свое поправим,
Не беда, коль многих к праотцам отправим».

«Хорошо живется в век наш прозаичный, —
Думает за чаем адвокат столичный, —
Посмотрите, сколько грабежей, подделок
И за рубль по гривне много разных сделок».

«Да, живу отлично, — думает купчина, —
Я теперь имею два отличных чина,
В Думе выбран гласным, староста церковный,
Пусть что по программе я считаюсь черным,
Я зато имею фабрики, амбары,
Да деньжат немножко, миллионов пару».

«Да, живу неважно, — думает бедняга, —
Все мои наряды — лапти да сермяга,

Хата развалилась, лошаденка пала,
Нивушка засохла, без дождя пропала.
Все мои пожитки, все мои достатки —
Хвора я бабенка, голые ребятки».

<1896>

131. КОЛОСЬЯ

Согретые солнцем, политые потом,
Ржаные колосья растут на полях;
Немало над ними и сил и заботы
Положено было в тяжелых трудах.

И в ранние утра и в поздние зори
Трудился наш пахарь на ниве родной;
И часто, с нуждой безысходною споря,
Страшил его ветер и буря с грозой.

- Поднимется ль вихорь, покажутся ль тучи,
Печальная дума его тяготит...
Лишь дух бы не падал в нем сильный, могучий,
Он всё перетерпит, как твердый гранит.

<1897>

132. ПРАЧКА

Я у корыта целый век
И дни и годы коротаю,
Лью слезы, песни распеваю
С мечтой — я тоже человек.

И мне ведь хочется пожить,
Дарами жизни насладиться...
Но нет, нужда ко мне стучится,
Велит всё лучшее забыть.

Что хорошо, то не для нас,
Одни счастливыцы тем владеют,
У нас же руки лишь немеют
Да слезы падают из глаз.

И так всю жизнь, в борьбе с нуждой
Влача свое существованье,
Терплю я горе и страданье,
Не зная радости земной.

1900

133. ТКАЧ

Стучи, стучи, машина,
Нырй, нырй, челнок. . .
Еще высоко солнце,
И долг мой денек.
Шумят, жуют приводы,
Куда ты ни взгляни,
И тянется основа,
Как жизненные дни.
Кругом в угаре едком
Всё пляшет и дрожит,
И день рабочий скучный
Так медленно бежит.
Давно устали руки,
Болит, мозжит спина,
А дела еще много,
И жизнь еще длинна. . .
Тревожно сердце бьется,
Летят все думы прочь,
Одно на ум приходит —
Скорей бы отдых, ночь!
Пот крупным градом льется
И с груди, и с лица,
И тянется основа,
Как время, без конца.
Стучи, стучи, машина,
Нырй, нырй, челнок. . .
Еще высоко солнце,
И долг мой денек!

1900

134. ПЛОТНИК

Я плотник старый. С давних пор
В моих руках кипит работа,
Моим слугой всегда — топор,
А с ним рубанки и долота.

Тружусь я в селах, городах,
Питаюсь хлебом и водою...
Я век живу в чужих углах,
А для других жилища строю.

Зипун в заплатах мой всегда,
Всегда в крови, в мозолях руки...
Я, верно, создан для труда,
Переносить и скорбь и муки.

Я их легко переношу
От колыбели до могилы
И об одном судьбу прошу,
Чтоб мне не даром тратить силы,

А пусть глядят все на меня,
Как я, согнувшись, век тружуся,
Порой не зная ночи, дня...
И этим я трудом горжуся.

1900

135. ПЕСНЯ ГАЗОВИКОВ

Вот жерла печные, как пушки, зияют,
Тяжелые тачки гремят.
От жару усталые очи блуждают,
Усталые руки болят.

И смрадом и дымом пропитаны стены.
Нависли, как мрак, потолки...
Дружнее, ребята, недолго до смены,
Скорей подавайте совки!

Везите быстрее тяжелые тачки —
Ведь нужен для вечера газ.
Мечты золотые забудьте о стачке,
Теряйте же силы запас...

Нам некогда думать о благе и счастье...
И длится наш век трудовой
В тяжелой работе, у горя во власти,
Под гнетом судьбы роковой...

Вот адски пылают огромные печи,
Кругом же и гром, и гроза!
И ломают под грубою лямкою плечи,
И дым разъедает глаза.

От сильного пламени сгорают рубахи,
И кудри, спаяясь, трещат...
И в дым, и в огонь мы стремимся без страха,
Увечья нам грудь не страшат.

1900

136. СТАРЫЙ ДУБ

Л. Н. Толстому

Старый дуб разросся
Широко ветвями
И глубоко в землю
Врезался корнями.

Я видал частенько
Летнею порою,
Как усталый путник
Под его листвою

Отдыхал и слушал
Чудный его лепет,
Ощущая в сердце
Благодатный трепет.

И о дубе старом
Много говорилось,
Много разных слухов
По земле носилось.

И дошли раз слухи
До меня такие,
Будто дровосеки,
Грубые, лихие,

К дубу приступили,
Что — зачем он с шумом
В жизни всё мешает
Мыслям их и думам.

И вот дровосеки
Грубые решили:
Взяли да все ветви
Дубу обрубил:

На, мол, пошуми-ка!
Но не догадались,
Что у дуба корни
Крепкие остались.

1900

137. ЦАРИЦА-ОСЕНЬ

Осень смелыми шагами
Заявилась во дворец. . .
Терем-лес сиял огнями,
Будто золотом ларец.

Золоченые колонны
Сосен стройных и прямых
Отдавали ей поклоны
Средь подружек молодых.

Клен пурпурными листьями
Речь приветную шептал,

Дуб могучий желудями
Путь-дорогу усыпал.

Мхи-ковры широко стлались,
Утопала в них нога,
В дивном блеске улыбались
Крошки росы-жемчуга.

Сквозь просветы стройных сосен
Кто-то краски рассыпал,
Улыбалась неба просинь,
Луч заката трепетал.

Легкой бабочкой кружились
Золоченые листья,
Паутинки серебрились,
Опускаясь на кусты. . .

Долго осень любовалась
На чудесный терем свой,
Багрянела, улыбалась,
Поражаясь красотой. . .

Вдруг поблекла, приуныла,
Почернела, точно тьма. . .
Ей на смену прикатила
Поблаженствовать зима.

1900

138. НЕ ТУЖИ

Не тужи, мой друг-товарищ!
Мы с тобою проживем
И под старость, будет время,
Песни новые споем.

Мы споем о том, что было,
То былъем уж поросло,
И над нашею страной
Солнце светлое взошло!

Мы споем, что тьма исчезла
И врагов на свете нет,
И повсюду воцарились
Мир, любовь, познания свет!

Мы тогда с тобой увидим,
Что и наш простой мужик,
Хоть в лаптях идет за плугом,
Но в познаниях так велик!

Не тужи, мой друг-товарищ,
Мы с тобою поживем
И под старость, будет время,
Песни новые споем!

1901

139. ПАХАРЬ

Встану я пораньше
Утренней зарею,
Распластаю землю
Матушкой-сохою.
Брошу в землю зерна,
И те дни придут,
Землю смочит дождик,
Семена взойдут.
Да, пора и взяться
Мне за труд родной...
Будет, отдохнул я
Долгою зимой.
Хлеб уж весь подъялся,
Пусты закрома,
Корму нет скотине, —
Всё взяла зима.
Вся теперь надежда
На труды и пот,
А за них господь мне
Урожай пошлет.

<1902>

Это ты, моя родина милая?
 Это твой богатырский народ
 С изнуренными, слабыми силами
 За сохою в мозолях идет?

И с тяжелою бедности ношею
 Коротает он жалкие дни,
 От зари до зари всё вздыхаючи
 На пространстве — куда ни взгляни.

О, когда ж благодатное солнышко
 Над тобою лучами блеснет
 И своей теплотою могучею
 Облегчит твои слезы и гнет!

<1902>

Кто хочет в жизни научиться,
 Как хлеб насущный добывать,
 Тот должен в поздний час ложиться,
 С зарею утренней вставать.

Идти в поля, взглянуть на нивы,
 Как пахарь раннею зарей,
 На вид довольный и счастливый,
 Идет за матушкой-сохой.

Глядеть, как нитью бесконечной
 По склону берегов реки,
 С печальным звуком песни вечной,
 Идут, согнувшись, бурлаки.

Взирать, как молотом до ночи
 От самых утренних красот
 Кузнец стучит, а искры-очи
 Летят, с него ж струится пот.

Идти на фабрики, заводы,
Глядеть, как там от ранних дней,
Под стук машин и шум приводов
Хлопочут тысячи людей. . .

Их занят ум, чтоб век трудиться,
Им праздность некогда понять. . .
Вот там и можно научиться,
Как хлеб насущный добывать.

<1902>

142

Ф. И. Игнатову

Тебе не страшны жар и холод,
Тебе не труден жизни путь.
Ты закален в труде, ты молод,
Твоя как наковальня грудь.

Тебе не страшно злое горе,
Тебя тьма ночи не страшит.
Огонь в твоём пылаёт взоре,
И в сердце кровь ключом кипит.

В твоих руках железо гнется,
Они дробят чугуи и сталь,
Им камень также поддается,
Не знает грудь твою печаль.

Твой ясный ум вперед стремится,
И там, где есть зловещий мрак,
Ты жаждешь, жаждешь потрудиться,
Чтоб в тех сердцах зажечь маяк.

Иди же ты дорогой этой,
Других с собой по ней веди,
И верь, кто в горе рвется к свету,
Тех ждет награда впереди.

<1902>

143. В ЗАВОДЕ

Громадные стены, как листья, дрожат
От взмаха колес и приводов,
А там, за стенами, наш труд сторожат
Высокие трубы заводов. . .

Мы люди труда, мы привыкли давно
И к пыли, и к смраду, и к шуму. . .
Будь холод, жара ли, для нас всё равно. . .
Лелеем мы светлую думу.

Отрадное, лучшее время придет,
Другие нас силы заменят,
И труд наш упорный с стремленьем вперед
Они бескорыстно оценят.

Мы люди труда, и нам всё нипочем.
Нам сталь и чугун поддаются,
Где рук не хватает, сопрем всё плечом,
Лишь песни веселые льются. . .

Из груд чугуна и железной руды
Красиво, легко и свободно,
Лишь только свои мы приложим труды,
Мы сделаем всё, что угодно.

Чрез реки, овраги проложим мосты,
С трудом где проходят обозы,
Устроим дорогу такой прямоты, —
По ней побегут паровозы.

Сильны наши руки, и труд наш тяжел,
Но любим его мы глубоко.
Пусть давит нас тяжкий судьбы производ,
Всё ж счастья приход недалеко.

<1902>

Гимнъ труду.

Не страшны намъ бури и злая нужда.
Мы сильныя дѣтя святаго труда!
Пусть бѣды надъ нами, какъ тучи, плывутъ,
Мы любимъ душою не праздность, а трудъ.
Съ трудомъ благодатнымъ намъ все нищочемъ.
Труду мы хвалебную пѣсню поемъ.

Только трудомъ Съ нимъ мы порвемъ.
Всѣ мы живемъ: Съ нимъ разобьемъ
Трудъ нашъ отецъ, Цѣли и гнетъ...
Счастья кузнецъ. Смѣло впередъ!

Давайте работать, работать дружной
При солнца сіяньи, при свѣтѣ огней.
Изъ убогихъ лачугахъ, въ подвалу сырыхъ,
На фабрикахъ шумныхъ, въ стѣнахъ мастерскихъ,
Но шаптанъ глубокихъ, во тѣнѣхъ полей,
Въ лѣсу и на полѣ за моткой-сохой!

Только трудомъ Съ нимъ мы порвемъ.
Всѣ мы живемъ: Съ нимъ разобьемъ
Трудъ нашъ отецъ, Цѣли и гнетъ...
Счастья кузнецъ. Смѣло впередъ!

Ф. С. Шкулевъ.

144. КАМЕНЩИК

Солнце ли светит, иль дождик идет —
Скорей просыпайся. . . Работа ведь ждет. . .

Ноет ли сердце, сосет ли тоска, —
Весь день за работой на горах песка.

Камушек к камню умело кладет
И тихо унылую песню поет.

Ветрено. . . Пылью заносит глаза,
Из них выпадает на камни слеза. . .

С кровью по телу уставшему пот
В песок раскаленный ручьями течет.

Мучает жажда, и скука берет,
Что день так мучительно долго идет.

Солнце ли светит, иль дождик идет —
Скорей просыпайся: работа ведь ждет!

1902

145. ШЛЬЩИК

До ночи с утренней зари
Под визг пилы — глухие звуки,
Как маховик стальной, в ходу
Мои мозолистые руки. . .

Чтоб легче было разрезать
На козлах бревна или плахи,
Я и в метели, и в мороз
Без зипуна тружусь, в рубахе. . .

И пот ручьями льется, пот,
Мозжат страдающие кости. . .
А сталь насмешливо жужжит:
«Трудись, есть отдых на погосте».

Я сыт... да, сыт, когда тружусь
И хлеб водою запиваю.
Мне щепки — мягкая постель,
А нет труда — я голодаю...

Науки свет не для меня,
Простор полей и пташек пенье...
Наградой мне тяжелый труд
Да безысходное терпенье...

1902

146

Не умер Гоголь. Он живет...
Его творенья величавы,
И в нашей родине святой
Они достойны лучшей славы.

Друзья, почтимте же его!
Он был великий наш учитель,
Он был светильником во тьме,
Пороков грозный обличитель.

И как всесильный исполин,
Как воин, острою секирой
Он зло с неправдой поражал
Своей могучею сатирой.

И мощным смехом разрушал
Он всё, что было скрыто тьмою,
И твердо, смело шел вперед,
Как богатырь перед толпою.

Плодами мы его живем,
Твореньями его гордимся;
Друзья, пред гением его
С благоговеньем мы склонимся.

1902

147. Я ЗА РАБОТОЙ

Вот я за работой, а мысли мои
Несутся далёко-далёко,
В родную деревню, под кровлю семьи,
Что сердцем люблю я глубоко.

Кругом веретена шуршат и шумят
И нити основы мелькают,
Усталые очи уныло глядят,
И руки едва успевают.

Пот катится градом и с рук и с лица,
И сердце тревожнее бьется,
И кажется, время идет без конца,
А дума всё дальше несется.

Я вижу на ниве жену и детей
В тяжелую страдную пору,
И грудь моя дышит сильней и сильней
И рвется к родному простору.

Но голос суровый лихой нищеты
О всем с неизбежной заботой
Кричит мне: «Забудь золотые мечты
И век без разгиба работай.

Пестреют цветы на лугу для других,
И песни гремят на просторе,
И солнышко светит с высот голубых
И утра румяные зори.

Тебе же досталось на долю твою,
Как пасынку дальнего неба,
Быть вечно со мною в неравном бою,
Чтоб только достать себе хлеба.

Так биться ты должен и ночи и дни
Под звуки тяжелого стога...»
О голос, умолкни, тоска, пропади!..
Вертитесь быстрее, веретена.

<1903>

148. РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Буреет лес, объят дремотой,
Храня незыблемую тишь,
Блестит на солнце позолота
Горбатых крыш.

Кой-где проталины чернеют,
Звенит, дымясь, капли плач,
Закат на стеклах пламенеет,
Усердно путь чеканит грач.

Гурьбою шустрые ребята
В полон завалинку берут,
Милей выглядывают хаты,
Вороны мастераят приют.

Готовят бороны и плуги,
Сортят прилежно семена,
Идет желанная подруга —
Весна.

Лучи приветливые солнца
День ото дня ярчей, теплей,
Умолкнут скоро веретёнца,
Воскреснет жизнь родных полей.

1903

149. ИЗ-ПОД ШУМНЫХ СВОДОВ

Из Лды Негри

Из-под шумных сводов фабрик и заводов,
Из подземных копей, темных рудников,
От полей широких, от станков, приводов
Всех к себе зову я горе-бедняков!

Все ко мне спешите! Я же к вам иду
И свободно, громко гимн пою труду.

Средь душистой чаши, где пернатых хоры,
Где шуршит по миртам нежный ветерок,
Где в тиши вечерней блещут чьи-то взоры,
По оврагу лентой вьется ручеек,

Там, увив цветами голову свою,
Солнцу гимн хвалебный смело я пою!

Кто же может быстрый бег сдержать потока,
Иль в выси лазурной ласточки полет,
И стрелы стремленье в глубине далекой
Вечно необъятных голубых высот?

И стрела, и птица, и поток тот бурный —
Мысль моя, что мчится к небесам лазурным.

О, в тебя я верю, светлое искусство,
Глубоко и свято! За тебя борюсь
И душой и сердцем. От восторга чувством
К наивысшим целям я всегда стремлюсь.

И в стихе крылатом из цветов с грозюю
Я несую трофеи небесам с землею.

1903

150. НА ЖНИВЕ

Блестит на солнце серп в руке,
Шуршат созревшие колосья,
Босая, в ситцевом платке,
Жнет рожь-кормилицу Федосья.

Пот градом катится с лица,
И думы сушат ретивое. . .
В тени от солнца у крестца
Лежит дитя ее больное.

Отец малютки по весне,
Утратив жизненную силу,
В трудах, на чуждой стороне,
Сошел безвременно в могилу.

Мать-горемыка день и ночь
От слез очей не осушает.
И не отходят думы прочь,
И горе сердце ей терзает. . .

Малютка вскрикнул, застонал,
Она на землю серп бросает,
Бежит, а жниво, как кинжал,
Ей в ноги острие вонзает. . .

Струится кровь из голых ног,
Но мать того не замечает,
Берет малютку, слышен вздох,
Дитя у груди умолкает. . .

Томит и жжет полдневный зной.
Глаза слипаются от блеска,
И смотрит горькой сиротой
Вдовы несжатая полоска.

1903

151. ГОРОД

Кругом раскинулись стокие громады,
Держа в объятиях страдающих людей,
И бьются люди в них, не ведая отрады,
И стон, тяжелый стон несется из грудей.

Из труб и чад и дым валит, не уставая,
Скрывая от очей лазурный свод небес.
По улицам снует голодных нищих стая,
С презрением глядит на них довольный Крез.

Роскошные дворцы стоят мрачней могилы,
Базары, улицы без умолку шумят. . .
В заводах, в фабриках народа тают силы,
Несчастные в нужде и стонут и кряхтят.

По улицам блестят огнями магазины,
По окнам их лежат и бархат и цветы,

А в душных мастерских гнут вечно люди спины,
И гибнут бедняки под гнетом нищеты.

Тут роскошь, и пиры, и блеск, и позолота,
Богатство и тепло, довольствий всех река. . .
А рядом нищета и вечная забота,
Борьба, тяжелый труд и спор из-за куска!

И армия труда в борьбе с нуждой хиреет.
На смену ей идут из сел и деревень.
А город-исполин растет и богатеет,
Растет не по годам, а каждый час и день!

1903

152. ОГНИ ПРАВДЫ

Только с ясным умом, только в сердце с огнем
 Может жить человек в наши годы.
Ни пути, ни конца, ни просвета кругом,
Скрыто лучшее всё, скрыто в мраке ночном
 На распутии среди непогоды. . .

Только правды огни, что горят в наши дни,
 Всем измученным служат отрадой.
Пусть же ярче, сильнее разгорятся они,
Эти звезды небес, вечной правды огни,
 И послужат за муки наградой.

Может, время придет, вновь воспрянет народ
 И расправит могучие крылья,
Порассеется мрак, злая сила падет.
О горите ж, огни, возвещая приход
 Лучших дней и погибель насилью!

1903

153. ПРОБУЖДАЙСЯ, НАРОД!

Из-под шапки густых темно-русых кудрей
 Смотрят гордо орлиные очи;
Не страшны ему бури нерадостных дней
 И злой мрак тяготеющей ночи.

Он идет и поет: «Пробуждайся, народ,
Расправляй свои мощные крылья,
Цепи ржавые рви, разрушай тяжкий гнет,
Выходи на простор из насилья!

Выноси на могучих плечах поскорей
Всё, что лучшим на свете зовется;
Всё то лучшее есть, оно в воле твоей,
Но без трудной борьбы не дается».

И внимает народ справедливым словам
Своего закаленного брата,
И встает как один по родимым степям,
И идет на борьбу без возврата.

А вокруг, негодуя, шумит по стране
Сила темная вражьего стана,
Но напрасен порыв — не речной ведь волне
Побороть бурных волн океана? ..

1903

154. Я НЕ ПРОСИТЬ ПРИШЕЛ...

Я не просить пришел у вас —
Вы хлеба мне не подавайте.
Таких, как я, ведь много нас.
Мы сильны все, вы это знайте!

Одно — трудиться я хочу,
Люблю я труд, я им горжуся.
Мне праздность, лень не по плечу,
Я быть холопом не гожуся! ..

Я от народа к вам иду,
С запасом сил, с запасом воли.
Я от труда не пропаду,
И не страшусь я злой неволи.

Я знаю терния шипов,
Знакомы мне страданья, муки,
И крепче стали от трудов.
Мои мозолистые руки!

Труда, познания дайте мне,
Я труд люблю и знаю твердо:
Кто любит труд в родной стране,
Тот высоко парит и гордо.

Не хлеба я у вас прошу,
Меня вы нищим не считайте,
Одну я мысль в уме ношу:
Свободы дайте!

1903

155. НЕ ВРЕМЯ СПАТЬ!

Настала ночь. Кругом все спят...
Лишь дождевые капли-крошки
Ко мне, в закрытое окошко
Стучат, стучат:
«Усни и ты, довольно сил
В трудах ты за день положил,
Усни, забудься, отдохни
В истоме, в сладостной тени».
О чем вы, капли, говорите?
Такой не нужен мне покой;
Вы не ко сну меня зовите,
А к жизни новой, молодой.
Мой ум горит еще желаньем
Страдать, бороться и любить,
И чашу горести испить,
И плакать над чужим страданьем.
Я не привык к подобной лени,
Да и не время, капли, спать,
Когда собратья, будто тени,
Средь городов, родных селений
Должны без хлеба умирать.
Их стон по родине несется,
Как вой метели в зимний зной...
Всё это слыша, сердце рвется
И кровь бурлит во мне волной.
Идти на помощь к бедным братьям
И, распрострев свои объятия,
Их облегчать тяжелый стон...
А вы твердите лишь про сон?!

Не время спать, а вы зовите,
В ком ум горит святым огнем,
Что много горя так кругом:
«Спешите, братья, помогать, —
Не время спать!»

1904

156. ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Снег сыпучий, будто тучи
Расстилались по земле...
Сосны пели и шумели,
Вьюга плакала во мгле...

Легкой дымкой-невидимкой
Разгулялася пурга
И скрывала покрывалом
Холмы, доли и луга.

И шуршали, как из стали,
Оголенные кусты...
Шел обозец, и морозец
Строил крепкие мосты.

На деревне млад и древний
Жались в хатах к огоньку,
А внучатки с речью сладкой
Лезли с сказкой к старику...

Дед бодрился и садился,
Умолкала детвора,
Жмуря глазки. Деда сказки
Были чуть не до утра.

1904

157. НАС МНОГО...

Нас много, нас много! Мы дети труда,
Но давит нас вечно злодейка-нужда,
Кругом же мы видим палаты, дворцы,
Живут в них беспечно лгуны и льстецы.

Мы труд уважаем
И лени не знаем,
Но сила и труд
Нам бедность несут!

Куда ни взгляните — повсюду кругом
Добыто всё нашим упорным трудом,
А нас презирают и гонят, как скот. . .
Да лучше собака иная живет.

Мы труд уважаем
И лени не знаем,
Но сила и труд
Нам горе несут!

Не будь нас на свете, исчезни наш труд —
И все белоручки, как червь, пропадут;
А также не будет палат и дворцов. . .
За что же нас гонят, великих рабов?

Мы труд уважаем
И лени не знаем,
За правду ж и труд
Нам цепи куют!

1904

158. БЕЛЫЙ РАБ

Белый раб я, я рабочий!
Вы не знаете меня,
Сколько силы, сколько мочи,
Сколько жгучего огня
У меня в груди тaitся. . .
Время, верю я, придет, —
Он воскреснет, разгорится
И всё мрачное сожжет.

Белый раб я, я рабочий!
Пусть мне трудно, тяжело,
Всё же я не хмурю очи
И вперед гляжу светло.

Я пред золотом не гнуся,
Не робею пред нуждой,
И упорно век борюся
Я с неправдой и враждой.

Белый раб я, я рабочий.
Я люблю свободу, свет. . .
Жизнь моя темнее ночи
От тяжелых мук и бед.
Но, я верю, будет время,
Что исчезнет призрак злой
И лихое жизни бремя
Покорю святой борьбой.

1904

159. ВЕРЬ!

Время пронесется,
Годы протекут. . .
Мы услышим песни
Про свободный труд,

Про любовь и братство,
Равенство людей,
Без оков позорных —
Тягостных цепей.

Без господ и рабства —
Мрачных крепостей —
По полям цветущим
Родины своей. . .

Может, то не скоро,
Это всё равно:
На народной ниве
Брошено зерно.

И оно бесплодно,
Верь, не пропадет
И давно желанный
Плод нам принесет. . .

Время пронесется,
Годы протекут,
И не дети — внуки
Этот плод пожнут.

1904

160. Я ВЕРЮ

Я верю глубоко в грядущую свободу,
Она, желанная, как светлый день, придет
И в милой стороне несчастному народу
Все блага принесет!

Гряди, желанная, тебя ждут миллионы
Людей, измученных тяжелою борьбой...
Как любящая мать, утешь их скорбь и стоны,
Даруй им жизнь — покой.

Лишь только ты одна, как ясный луч весною,
Способна исцелить довлеющий недуг,
И радость поселить среди объятых тьмою,
И свет разлить вокруг.

Гряди, желанная, гряди в лучах рассвета,
Гряди, как светлый день чарующей весны,
Как лучших дней залог добра, любви и света
Для нашей стороны.

1904

161. КНЯГА

Много трудился коняга родной
Летней и зимней порою,
Много он взрезал землицы сырой
Острой кривушей-сохою,
Много он видел и горя и бед,
Пережил грозы и бури...
В раннее утро забрезжит лишь свет,
Зорька заблещет в лазури,

Он уж на пашне родимой сохой
Землю рыхлит для посева,
Бодро шагая, трясет головой,
Чуждый и лени и гнева.
Знает он твердо, что злая нужда
Век их с хозяином гложет.
Если не будет на поле труда,
Кто же им в горе поможет? ..
Знает он, бедный, что долгой зимой
Всё они, всё приубрали.
Даже с избушки соломы гнилой
Снять для еды испытали.
Крышу раскрыли с овина, с двора,
Кроет теперь их лишь небо.
В хате копченой гурьбой детвора
Бродит босая, без хлеба.
Были овечки, коровка... свели...
Надо ж платить и оброки...
Эх ты, коняга, тяни из земли
С силой последние соки...
Может, настанет иная пора,
Верный твой друг и хозяин
Так уж не будет бродить от утра
В поле с тобою как Каин.
Может быть, труд ваш упорный, благой
Скоро оценит земля:
Выпадет годик в отчизне родной —
Счастье и вам уродится...
Эх ты, бедняга, работай, трудись,
Всё ведь твой труд одолеет:
Песни о благе вдали раздались,
Зорька над Русью алеет.

1904

162. ВЕСНОЙ НА МЕЛЬНИЦЕ

Посвящается П. И. Вейнбергу

«Ломая зимний лед, весна идет, идет», —
Сребристые ручьи звенят с крутизны гор
И, разрушая гниль, без удержу вперед
Стремятся на простор...

Плотина старая от вешних вод трещит.
Хозяева не спят, почуявши беду.
Как воду удержать, меж ними спор кипит
 Безумный, как в бреду.

И кажется уж им: плотина прорвалась,
Цепные злые псы водой унесены,
Все гады расплзлись, гниет на солнце грязь,
 Работники больны. . .

А вешняя вода несется далеко,
И в воздухе кругом становится легко.
Вода, шумя, прочь гонит сон и тьму,
 Давая жизнь всему!

1904

163. СЛОВО

Огнедышащее слово,
Слово правды и добра
Будет вечно юно, ново,
 Чище злата, серебра.

Не страшась судьбы суровой,
Под ударами невзгод,
Говорите это слово,
 Чтобы слышал весь народ.

Говоря, не бойтесь муки,
Ведь по этому пути
Наши дети, наши внуки
 Могут к лучшему пройти.

Огнедышащее слово,
Слово правды и добра
Будет вечно юно, ново,
 Чище злата, серебра!

1904

164. НОВЫЙ ДОМ

Топор, кирку, давайте лом,
Мы будем строить новый дом, —
Мы будем строить новый дом,
Чтоб лучше всем жилося в нем.

А те отжившие обломки,
Как пыль по полю, разнесем,
Чтоб праха не было в помине
На нашем празднике живом.

И кровь, пролитую врагами,
Мы всю до капли соберем,
Уложим в урны дорогие
И на кладбище отнесем. . .

Топор, кирку, давайте лом,
Мы будем строить новый дом, —
Мы будем строить новый дом,
Чтоб лучше всем жилося в нем.

У нас есть опытность и знание,
А силы нам не занимать,
Ведь труд знаком нам с колыбели,
Как хлеб насущный добывать.

Построим мы такое зданье,
Чтоб труд наш всякий оценил
И дело родины великой
Душой и сердцем полюбил.

1904

165. ГИМН ТРУДУ

Не страшны нам бури и злая нужда —
Мы сильные дети святого труда!
Пусть беды над нами, как тучи, плывут,
Мы любим душою не праздность, а труд.

С трудом благодатным нам всё нипочем,
Труду мы хвалебную песню поем:

Только трудом
Все мы живем:
Труд — наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет. . .
Смело вперед!

Давайте работать, работать дружной
При солнца сияньи, при свете огней,
В убогих лачугах, в подвалах сырых,
На фабриках шумных, в стенáх мастерских,
По шахтам глубоким, во тьме под землей,
В лесу и на поле за маткой-сохой!

Только трудом
Все мы живем:
Труд — наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет. . .
Смело вперед!

Сплотимся, собратья, и дружной семьей
Оковы разрушим судьбы роковой!
Гасителям света мы бросим укор
И властному злату дадимте отпор.
А трутням-невеждам, что праздно живут,
Мы с гордостью скажем, что в мире есть труд.

Только трудом
Все мы живем:
Труд — наш отец,
Счастья кузнец.
С ним мы порвем,
С ним разобьем
Цепи и гнет. . .
Смело вперед!

1904

166. ОРЕЛ

Я видел гордого орла,
 Парящего над бездной;
Внизу была густая мгла,
 А в выси — купол звездный.
На мелких птиц он свысока
 Глядел орлиным оком. . .
Кругом неслися облака
 В молчании глубоком.
Молниеносная стрела
 Счастливица вдруг сразила,
И в бездну он упал, где мгла
 Предвечная царила. . .
Над ним пернатых целый рой
 Кружился с сожаленьем. . .
Но он и лежа, чуть живой,
 Глядел на мир с презреньем.

<1905>

167. ЖЕЛАННАЯ ПЕСНЯ

Хотел бы я песню такую пропеть,
 Чтоб мир от нее воколыхнулся,
А люд утомленный, страдающий люд
 При звуках ее улыбнулся.

Чтоб поняли люди, что братья мы все,
 Тогда позабудутся розни,
Тогда и насилье со злом пропадут,
 Исчезнут коварство и козни.

Тогда над землю, как солнце, взойдет
 Великая правда святая,
И слово свободы, как гром, прогремит
 Над миром от края до края.

Хотел бы я песню такую пропеть,
 Вольнее ветров полуденных,
Чтоб страхом она послужила врагам,
 Отрадой для всех угнетенных.

При звуках ее чтобы всё оживо,
В цветы нарядились степи,
Разрушились тюрьмы и дрогнул палач,
Порвались кандалные цепи.

Тогда бы спокойно в могилу я лег,
Ничуть не страшась укоризны
За то, что по силам, насколько я мог,
Всё ж пользу принес для отчизны.

1905

168. ПАМЯТИ И. Э. СУРИКОВА

Разбитый, худой, утомленный,
Но с добрым открытым лицом,
Он думал заветные думы,
Горя вдохновенным огнем.

Торговля, почет и нажива
Пленить его ум не могли,
Одни благородные мысли
В груди у него залегли.

За стойкой, под ношей тяжелой
И поздней и ранней порой
Он думал о доле суровой
Собратьев, окутанных тьмой.

В тиши заскорузлой рукою
Писал он листок за листком,
И робко стыдливые строки
Дышали святым огоньком...

Под грохот железа и стали
Под платьем простым торгаша
Горячее билось сердце
И правдой горела душа.

1905

169. ДОВОЛЬНО

На фабрику отдан я был малышом,
Где много работал, ходил нагишом
И с жгучею болью в спине и в руках
Валялся ночами на голых досках.
Питался я хлебом, что кормят свиней,
И то недосыта... Зато, как плебей,
И гордо и смело кричал я вокруг,
Что счастье народа — труды его рук!
На это в ответ мне уныло гудок
Тянул свою песню, стучал молоток:
«Трудися, пока ты и силен и млад,
Работают руки и ясен твой взгляд!
Когда же ты силы растратишь, больной,
Твой жребий печален: пойдешь ты, родной,
От фабрики шумной разут и раздет,
Усталый, разбитый, никем не пригрет;
С тяжелою думой, один, без семьи,
Ты где-нибудь сложишь и кости свои.
Кому же ты отдал и силы и труд,
Те век свой богато и сытно живут.
У них не в почете рабочий народ,
Для них он на свете дешевле, чем скот...»
В ответ на правдивый и горестный звук
Кричал я: «Довольно и горя и мук!
Мы сильные дети святого труда,
Нас долго давили и зло, и нужда!
Мы счастье под гнетом ковали другим,
Но время минуло, теперь не хотим!..
Теперь мы очнулись и, правду любя,
Великое благо куем для себя».

1905

170. БЕЗРАБОТНЫЕ

Мы рабы, рабы неволи,
Безработные рабы,
Мы рабы тяжелой доли,
Всекарающей судьбы.

Много нас, мы все голодны,
Бесприютны, холодны.
Только духом мы свободны,
Только правдой мы сильны!

Выползайте ж, выходите
Все из нор и чердаков
И наружу выносите
Всё богатство бедняков.

То богатство — сила, воля,
Дружба, верность, смелый дух.
Пусть нас давит злая доля,
Но мы гордо скажем вслух:

«Всё величье, всё богатство,
Что раскинуто кругом, —
Всё добыто нашим братством,
Нашим создано трудом».

Отчего ж мы голодны?
Отчего же холодны?
Отчего же не свободны,
Бесприютны и бедны?

1905

171. ВЕЛИКАН

Много было великанов
В пору старых, славных лет,
Ими все гордились в мире,
Весь дивился белый свет.

Говорят про них былины,
Песни звучные поют. . .
А ведь эти великаны
И сейчас у нас живут.

Загляните в чисто поле:
Кто на ниве за сохой
День без усталости шагает
Разрыхленной бороздой?

Кто, как перышком, махает
На лугу стальной косой?
Кто с «Дубинушкой» по Волге
Тянет баржу бечевой?

Кто тяжелою кувалдой
И чугун и сталь дробит?
Кто из недр земли холодной,
Точно лух, извлек гранит?

Кто железные дороги
Нам провел до дальних стран? —
Это наш родной, могучий
Трудолюбец-великан!

1905

172. ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ МОЯ!

Лейся, песня моя, на пути трудовом,
По селам, городам, где страдает народ,
Ободряй, кто устал в битве с пагубным злом,
Вдохновляй, кто идет к свету, к правде, вперед,
Утешай и зови всех с собою к добру,
Будь бальзамом благим для разбитой пруди...
Лейся ты и гуди, как набат поутру,
Очерствевших душой укоряй и буди!

Лейся, песня моя, на пути трудовом,
Будь ты другом тому, изнемог кто в борьбе,
А над тем разразись, как бушующий гром,
Кто на бедах других строит счастье себе.
Призывай ты на тех всю немилость с высот,
Кто не в храм чистоты — в царство пагубной тьмы,
Разбивая сердца, направляет умы
И по ложным путям меньших братьев ведет.

Лейся, песня моя, на пути трудовом,
Освещай, озаряй, где неправда царит...
Помешают тебе — ты взвивайся орлом,
Будь сильна и тверда, как холодный гранит.

Для чугунных сердец тяжким молотом будь,
Для прекрасных душой вдохновеньем служи,
И что скоро для тех будет радостен путь,
Кто в борьбе изнемог, — это всем расскажи.

1905

173. ВСТАВАЙТЕ, СИЛЫ МОЛОДЫЕ!

Вставайте, силы молодые,
Свободы день недалеко...
Года тяжелые, былые
Нас истерзали глубоко...

Мы света, радости не знали
Под игом горя и забот.
Не жили мы, а изнывали
В работе тяжелой, точно скот.

Детей мы голодом морили
За труд на данные проши,
В лохмотьях жен своих водили
И с ними плакали в тиши.

У нас всё ныло и болело.
Наградой лишь была сума...
Кругом же золото блестело —
Росли огромные дома...

Богатство всюду умножали
Судьбой довольные сыны,
А мы, несчастные, страдали,
Великим злом побеждены...

Вставайте ж, силы молодые,
И наше время к нам пришло:
Пора нам сбросить путы злые,
Пора жить вольно и светло!

1905

174. РАБОЧИЙ

Он смугл, могуч и плотен.
Из бронзы пара рук.
Средь красочных полотен
Он любит алый звук.

Он с воротом открытым,
Ваятель у станка,
Стальные в порах плиты
Дробит его рука.

В груди могучей пламень,
Кипящая руда,
И воля — буря, камень —
Всесильна и тверда.

Пред ним трепещут боги,
Немые фетиши,
И валятся чертоги,
Как в бурю камыши.

1905

175. 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

Шли они с иконами,
Шли они с попом,
С низкими поклонами,
С тощим животом.

Шли с мечтой желанною:
Царь услышит их
И осыпет манною
От щедрот своих. . .

В сердце нетерпение,
Что узрят они?
Раздавалось пение:
«Бог, царя храни. . .»

Вот все чинно, нравственно
Встали пред дворцом,
И их щедро царственный
Угостил... свинцом.

За молитвы спетые —
Кровь, увечье, плач...
Что же лучше этого
Дать им мог палач?

1905

176

Я — раскаленное железо!
Остыть, исчезнуть не могу...
Я многих искрами до боли,
Творящих беды, обожгу.
Я весь пропитан ядом мести
К царящей злобе на земле.
Зато я светочем отрадным
Блесну блуждающим во мгле.
Пусть дождь и гром — я не угасну...
Я жар принял из недр земли,
Терпенье взял я у народа,
А мощь мне годы принесли.
Я — раскаленное железо!
Я светлой правдой начинен,
И всё сжигать, что зло приносит,
Я озарен.
Как молот, пусть судьба колотит
Меня на жизненном пиру, —
Но и в цепях и в злой неволе
Я не умру.

1905

177

Порвались ржавые цепи,
Разрушен мучительный гнет,
Вдохните свободнее, степи,
Вздыхни, изнуренный народ.

Отжившему, сгнившему строю
Со злобой проклятья пошли,
Смотри, как вокруг пред тобою
Иные цветы расцвели.

Великое братство, свобода,
Ты эти цветы сбереги,
Чтоб их не сгубила невзгода
И злые не смяли враги.

1905

178. «ПАТРОНОВ НЕ ЖАЛЕТЬ!»

Пускай патронов не жалеют,
Пускай прозой блестят штыки,
Мы верим, нас не одолеют, —
Полки так наши велики.

Мы все вперед глядим с любовью,
Не страшен нам кровавый бой,
Знамена, смоченные кровью,
Победно реют над страной.

Бессильно рушатся затворы
Проклятых тюрем от борьбы,
Не смыть постыдного позора
Довольным пасынкам судьбы.

Везде, как огненное пламя,
Беря победу над врагом,
Высоко вьется правды знамя
В краю родном!

1905

179. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя, заветное знамя,
Символ свободы святой,
Всё ты омочено кровью народа,
Пóтом, горячей слезой.

Ткали тебя исхудалые пальцы,
Шила в мозолях рука,
Древко твое выросло в неволе,
В жалком лесу бедняка.

Гвозди, что в тощее древко впивались,
Вбиты рукой кузнеца.
Кто поднимал тебя гордо, высоко,
Тех трепетали сердца.

Время умчалось, пора миновала,
Рухнул палач вековой.
Красное знамя как символ свободы
Вьется над нашей страной.

1905

180. НА БАРРИКАДАХ

Грохочут пушки-исполины,
Вокруг шумит свинцовый град,
Неустрасимые дружины
Стоят по гребням баррикад.

Сердца борцов кипят отвагой,
Орлиный взор горит огнем,
Они все борются за благо
Родной страны со злым врагом.

Их не страшит приют могилы
И пуль губительный полет.
Они отдать готовы силы
За угнетаемый народ.

Они пришли, но их не звали
На гребни славных баррикад,
И тем безумцам доказали,
Чем люд страдающий богат.

1905

181. В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Собирался народ
Всюду густо,
Вдруг — штыки, пулемет,
Стало пусто.

Раздавалась речь
За свободу, —
Полетала картечь
По народу.

Пролилася река
Крови братской,
Отличались войска
Залихватски.

И не день и не два,
Как от грома,
Вся дрожала Москва
От погрома.

1905

182

Как волны бурливые моря,
Поднялся весь русский народ,
И к свету, к желанной свободе
Он ринулся смело вперед!

Он видит: страна погибает,
Борцов проливается кровь,
Страдают собратья по тюрьмам
И попрапы мир и любовь. . .

Дружней же на подвиг великий,
Все граждане русской земли!
За правду и правое дело
Все наши собратья легли!

Дружней от полей и заводов!
К тому нас отчизна зовет,

Чтоб был и свободен и славен
Наш русский страдалец-народ!

Дружнее! Быть может, придется
Нам многим погибнуть в бою...
Зато же пусть дети увидят
Свободной отчизну свою!

1905

183. ДОРОГОЙ ЦВЕТОК

С любовью дары рассыпая,
Надежд лучезарных полна,
Пришла к нам весна молодая,
Пришла молодая весна!

В просторе ее меж цветами
Цветок есть один дорогой:
Он лучший своими дарами —
Зовется свободой родной!

Милее и краше нет в свете
Того дорогого цветка:
Ему улыбаются дети,
Шлет сердце привет старика.

Тот вырос цветок средь народа,
Под гнетом тяжелой судьбы,
Его создала не природа, —
Он вышел из горна борьбы.

Он скован мозольной рукою,
Он страшной окрещен грозой,
Взлелеян великой семьёю,
Омочен горячей слезой.

В нем радость и счастье для жизни,
Он мир нам желанный несет...
Так пусть же на благо отчизны
Пышней тот цветок расцветет!

1905 или 1906

184. ПЕРВОЕ МАЯ

Май — праздник гражданский, желанной
свободы,

Май — праздник любви и труда.
Его добивались мы долгие годы
И рвались к нему, как весенние воды,
Но век нас давила нужда.

Теперь же на праздник родимого края
Мы гордо и смело пришли
От шумных заводов, отрадно вздыхая,
Что к нам появилась весна молодая
И дружбы цветы расцвели.

Мы все здесь родные, нас сблизило горе,
Мы дети нужды вековой;
И поту, и крови мы пролили море...
Теперь же мы жаждем на вольном просторе
Пожить изболевшей душой.

И так же хотим мы, как все, насладиться
И воздухом чистым полей,
Чтоб легче потом по заводам трудиться
И с злою судьбою, не падая, биться
На благо отчизны своей!

1906

185. НЕ ВЕРЮ!

Тяжелые тучи,
И грозы, и гром
Над милой отчизной
Нависли кругом.

И птицы зловещей
Разносится крик:
«Тяжелое бремя
Не сбросит мужик,

И солнце свободы
Не скоро взойдет,

Позорное рабство
Совсем не падет.

Ведь цепи так крепки,
Могуч производ,
И много на свете
Неправды и зол. . .»

О нет, я не верю:
Позорящий гнет
С отчизны родимой
Уж скоро опадет

И солнышко правды
Над ней заблестит,
И песня свободы
Громчей зазвенит. . .

Смотри: уж алеет
Туманная даль
И в ней пропадают
И зло и печаль.

Забитые люди
С отрадой встают
И песню свободы
Открыто поют:

«Вставай, поднимайся,
Рабочий народ. . .»
И песня та шире
И дальше растет.

Могучею ратью,
Сомкнувшись в ряды,
Поднялись на дело
Все дети нужды.

На дело святое
Из тяжких оков,
Чтоб не было в мире
Ни бар, ни рабов.

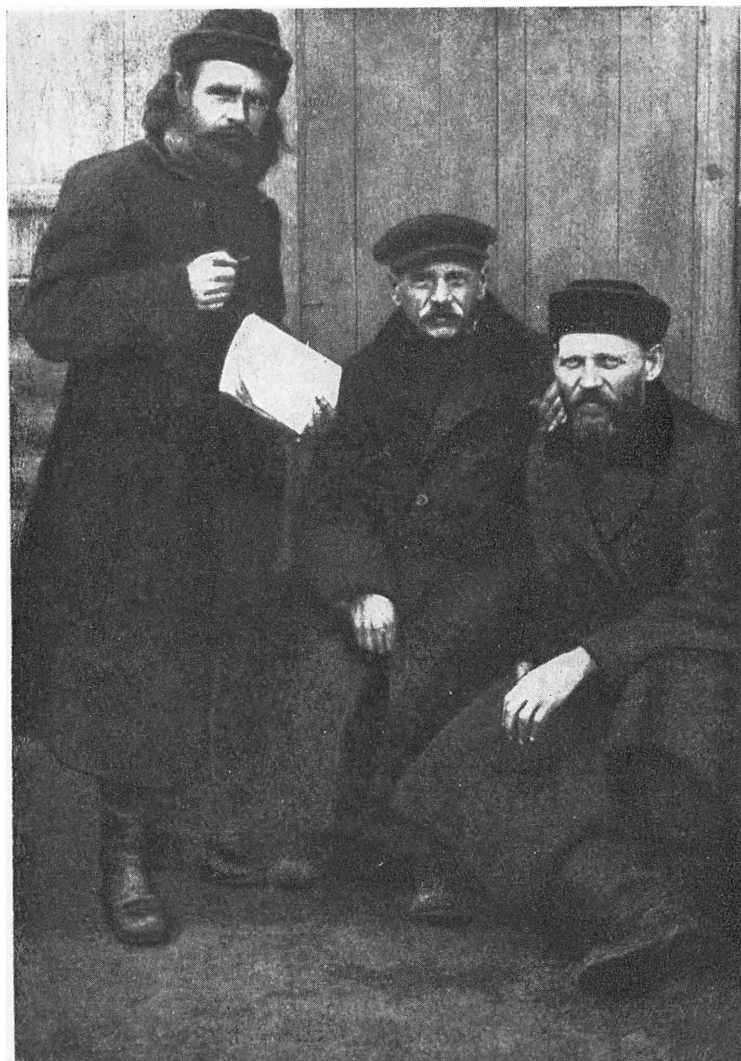
Ни стопа, ни плача,
Ни злобных препрад,
За правое дело
Тяжелых расплат, —

Чтоб легче дышала
Рабочая грудь,
Бог в помощь вам, братья,
Счастливый вам путь!

1906

186. БОБЫЛЬ

Вот мое хозяйство,
Вот мое добро:
Борона без зубьев,
Безо дна ведро.
Сошка без оглобель,
Без клещей хомут,
Рваные лаптишки
Да мочальный кнут.
Ветхая избушка,
Окна все в пыли,
И была лошадка —
За оброк свели.
Да и коровенка
У меня была,
Но туда же с «серкой»
Осенью ушла.
Были и овечки,
И зипун, армяк, —
Всё за долг зимою
Взял торгаш-кулак.
Были ребятишки,
Милая жена, —
Всех в сырую землю
Убрала весна.
Был и я — хозяин,
А теперь — бобыль,
И шатаюсь с горя,
Как в степи ковыль.

П. А. Травин, Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шулев

Кто тому виною —
Я ли за труды?
Или тот, кто сроду
Не видал нужды?

1906

187. НЕ ТОТ ГЕРОЙ

Не тот герой, кто в злобе дикой
Страну родную потрясал,
А тот, кто бедному народу
Добро и счастье добывал.

Не тот герой, кто цепи рабства
Всю жизнь страдающим ковал,
А тот, кто мощно и победно
Их силой воли разбивал.

Не тот герой, кто темной силой
Всё в мире лучшее гасил,
А тот, кто братством и любовью
На путь заблудших выводил.

Не тот герой, кто звоном злата
И честь и совесть запятнал,
А тот, кто в рубище, высоко
Знамена правды поднимал.

1906

188. ПЕСНЬ, РОЖДЕННАЯ В НЕВОЛЕ

Песнь, рожденная в неволе,
И прекрасна и сильна:
Всем о горькой, тяжкой доле
Говорит собой она.

Эта песня зарождалась
Среди мрачных рудников
И, как эхо, повторялась
У голодных бедняков.

Эта песня долетала
К нам из тюрем, крепостей...
То огнем она пылала,
То тоска звучала в ней...

Песнь, рожденная в неволе,
И прекрасна и сильна:
Всем, кто жаждет лучшей доли,
Сердце жжет собой она.

1906

189. НА МЕЛЬНИЦЕ

Люди — точно изваянье
Знаменитого резца;
Белы руки, одсяньс,
Также бел и цвет лица.
Сам хозяин смотрит косо,
Борода до живота...
Ходят весело колеса:
Бум-бум-бум! И тра-та-та!

А вода шумит и льется,
Издавая гул и свист.
Зданье ветхое трясется,
Как от ветра кленов лист...
С визгом радостно встречают
Вновь приезжих ворота.
Псы на привязи не лают...
Бум-бум-бум! И тра-та-та!

Ходят гуси, бродят утки,
Их от хлеба и зерна
Переполнены желудки,
Как хозяйская мошна.
Труд на мельнице в разгаре;
Гром, и стук, и суета,
Точно в праздник на базаре...
Бум-бум-бум! И тра-та-та!

Хлопотливая хозяйка
Ходит павой: «Не замай...»
Слышен голос: «Подавай-ка!
Попроворней засыпай!»
Дед привез с собою внушка,
Погляди, мол, красота,
Как из зерна выйдет мучка...
Бум-бум-бум! И тра-та-та!

Внук доволен, внук смеется,
Озираяся кругом,
И от шума к деду жметя.
Дед твердит: «Сейчас пойдем!»
Вот поехали, смололи,
Заскрипели воротá...
Та же песня и на воле:
Бум-бум-бум! И тра-та-та!

1906

190. КУЕМ

Под тяжким бременем неволи
Мы жаждем все отрадной доли.
Пусть давят нас нужда со злом,
Мы счастье светлое куем!
Пускай, вокруг летая, бури
От нас скрывают блеск лазури,
Но мы, объятые огнем,
Добро для родины куем!
Пусть силы тьмы, вражды, ненастья
Несут великие несчастья,
Мы, с гордо поднятым челом,
Жизнь внукам новую куем!
Пускай враги любви великой
Куют нам цепи в злобе дикой,
Но мы под их зловещий гром
Свободу, равенство куем!

1906

1

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!

Мы светлый путь куем народу,
Мы новый, лучший мир куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.

Ведь после каждого удара
Редет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

Не долг час — огнем объятый,
Великий, славный грянет бой.
И всех врагов с земли проклятых
Сметем мы бурною волной.

Вздымайся вихрем, грозный молот,
В стальную грудь сильнее стучи.
Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!

2

Поднимайте дружно молот, кузнецы,
Молодцы!
И стучите в грудь железную сильнее,
Веселей!
Размягчайте тяжким молотом руду,
На виду...
Искры мечутся и дальше пусть летят
И шипят...
Пусть они своим полетом тех сожгут,
Что гнетут...

Свищут, дуют пусть без ўмолку меха,
Ха, ха, ха!
Горн, как солнце, пусть сияет на земле,
В жуткой мгле...
Поднимайте ж выше молот, кузнецы,
Удальцы,
Куйте плуги, разбивайте цепи в прах,
Трах, трах, трах!

3

— Для чего, — меня спросили, —
Век я молотом стучу?
Я ответил, ударяя:
— Есть хочу!

— Для чего, — меня спросили, —
Плуг и грабли я кую?
Я ответил, ударяя:
— Труд люблю!

— Отчего, — меня спросили, —
Я в поту и изнурен?
Я ответил, ударяя:
— Рядом горн.

— Отчего, — меня спросили, —
Праздной жизни не ищущу?
Я ответил, ударяя,
— Не хочу!

— Кто, скажи, устроит лучше
Жизнь тяжелую твою?
Я ответил, ударяя,
— Сам скую!

1906

194. ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЛАК

Всегда его вижу,
Стоит предо мной
Огромное пузо,
С большой бородой!
Раздутые щеки
Краснеют, как рак...
Да это знакомый
Хапуга-кулак.
Живет он беспечно
Среди поселян...
Дружит он с попами
И весел и пьян.
Уряднику кум он,
В родне с старшиной,
Для бедных «радетель»
Он лютой зимой;
Он всё подбирает —
И хлебец и скот —
За грош, за бесценок,
И всякий везет.
Нельзя... Ведь весною
Опять все к нему...
Иначе наденешь
Худую суму.
А он «выручает»,
Кряхтит, а дает,
Хоть, знамо, за это
Три шкуры дерет...
Куда же деваться
Ведь гонит нужда,
А он обирает,
Не зная стыда...
И так по селеньям
Хиреет бедняк,
Зато уж толстеет,
Как чушка, кулак.

<1907>'

195. ВОЛЯ

Зарождалась воля, воля молодая,
Не у бар спесивых посреди палат;
Зарождалась воля среди фабрик душных,
Да в родной деревне, среди бедных хат.
Доходили слухи к нам еще о воле,
Что она таится в мрачных рудниках,
Да гниет по тюрьмам, в душных одиночках,
Голодом морима, скована в цепях.
Но настанет время: воля молодая,
Как орел могучий, воспарит в высí;
То-то будет праздник светлый и отрадный
У забитых горем на родной Руси!

<1907>

196. ВСЁ ПО-СТАРОМУ

(В деревне)

Те же лица изнуренные,
Те же хмурые поля,
Та же солнцем озаренная,
Истощенная земля...

Та же жалкая скотинушка
С подведенным животом,
Те же горе да кручинушка
Ходят век из дома в дом.

Те же хаты закопченные,
Без овина и двора;
Та же жизнь, но изнуренная,
С жалким видом детвора.

Те же серые молчаливики
В заскорузлых зипунах,
Те же грозные начальники,
Поселяющие страх...

Ничего не изменяется
В нашей бедной стороне.
Всё ж, я верю, приближается
Время к радостной весне.

<1907>

197. СВОБОДА

Она не умерла. Она еще живет!
Она в простых сердцах таится,
И страшным гневом разразится
И всё позорное сметет.

Она не умерла. Она и не умрет!
Она взлелеяна народом,
Она сильнее с каждым годом
По стороне родной растет.

Она не умерла. Пусть думают они,
Что спит она на дне могилы,
От грозных взмахов темной силы
И царства их вернулись дни...

Она не умерла. О нет! Она живет.
Она живет и силы копит
И злое всё снесет, потопит, —
Несчастливым счастье принесет!

<1907>

198. НОВАЯ ПАШНЯ

Мы вышли на новую пашню
И новые песни споем
О горе великом народа,
О гнете его вековым
Мы новые песни споем.

Сердечное скажем спасибо
Защитникам правды святой,

Страдальцам — борцам за свободу,
Гонимым в отчизне родной,
Привет мы пошлем дорогой.

Гонителям истины, света,
Добро попирающим злом,
Носителям тьмы и несчастья
И сеющим беды кругом —
Мы наше проклятье пошлем.

<1907>

199. ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Ох, друже, плохо!.. Хлеба нет...
Кругом болезни, голод...
Живем мы так уж много лет,
Нас бьет нужда, как молот.
Больные дети, старики
Валяются, точно мухи...
А мироеды-кулаки
От нашей голодухи
Жиреют; — экие враги!..
Да что им, толстосумам?..
Они на днях всё за долги
У нас отняли с кумом...
И с ним теперь мы бобыли,
Изба стоит пустая,
Детишки в землю полегли;
Взяла их хворость злая.
А жены в город поплелись...
Да что?.. И там, вишь, бают,
Места-то все перевелись,
И люди голодают.
И безработных, слышно, сват,
Тьма-тьмущая в столице...
А почему, кто виноват?..
Эх!.. Правды где ж добиться?

<1907>

200. К ДУМУШКЕ

Неразгаданная Думушка,
Разреши-ка мне вопрос:
А каким путем последует
Расширение полос?

И каким, родная, способом
Успокоишь ты народ?
Он с великим нетерпением
От тебя ответа ждет.

Если барским — то, родимая,
Сделай милость, не трудись
И для общего спокойствия,
Поскорее спать ложись!

<1907>

201. МОЙ СТИХ КРЫЛАТЫЙ

Лети быстрее,
Мой стих крылатый,
По горам, кручам,
Пескам сыпучим,
По весям дальным —
Местам печальным.
Неси народу
Добро, свободу.
Мой стих крылатый,
Живой и сильный,
Не будет в дружбе
Со тьмой могильной.
Он будет бодрым,
Он будет смелым
И будет в дружбе
Лишь с добрым делом.
Благим порывом
Он вдохновенный,
Защитой будет
За угнетенных.
Лихим же людям

И мироедам,
Творящим горе,
Несущим беды,
Он даст оценку,
Он даст окраску,
И с горьким смехом
Сорвет с них маску.

<1907>!

202. ИЗ ПЕСЕН О ТЮРЬМЕ

С тайной думой, с тяжким вздохом,
С сердцем чистым, как кристалл,
В кузне молотом тяжелым
Эти цепи я ковал.

Эти мрачные решетки,
Эти петли и замки,
Эти ржавые засовы
Были плод моей руки.

Брат мой строил эти стены,
Зерешетивал окно;
Думал только о свободе, —
Умер здесь уже давно.

Все мы в мире люди-братья,
Так, должно быть, и живем:
Вместо счастья светлой жизни
Кандалы себе куем!

1907

203. МОЛОТЬБА

Сжата рожь... Сереет жниво,
Ощетинились поля...
Ну, зато скирды красиво
Смотрят, сердце веселя...
Люди радостны, довольны:

Не пропал их даром труд,
И повсюду песни вольной
Раздается там и тут:

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

У скирдов вокруг ребятки
Шумно бегают, звенят,
Меж снопов играют в прятки,
То мякиною пылят. . .
По гумну же стройным рядом
Люди движутся с цепом,
Пот горячий льется градом,
Лица пышут их огнем. . .

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

И кипит, кипит работа,
Тают пышные скирды. . .
Облегчается забота,
Слаще кажутся труды.
Скоро праздник, с новым хлебом
Люди будут за столом. . .
А пока под синим небом
Раздается над селом:

То-то мы! То-то мы!
Хлеб готовим для зимы!

1907

204. ТЕЛЕГРАФИСТ

Тик, тик, тик. . . Стрекочет скучно аппарат.
У меня сегодня заболел мой брат.
Лето. . . Жарко, душно, пот течет с лица,
Лента, точно змейка, вьется без конца.

Тик, тик, тик... Немолчно аппарат стучит.
Время, как и лента, медленно бежит,
На душе тревога, на сердце печаль:
Брата дорогого от души мне жаль.

Жил он в телеграфе, так же как и я,
Все его любили: дети и семья.
Он с утра до ночи в аппарат стучал,
По неделям деток часто не видал...

Надломилась сила, ослабела грудь.
Да, не легок жизни безотрадный путь!..
Тик, тик, тик... Докучно аппарат стрекочет,
И меня, как брата, он свалить, знать, хочет.

1907

205. НА ЗАВОДЕ

Весна... На заводе,
Под грохот и шум,
Летят вереницы
Назойливых дум.

В деревню, на волю,
К избушке родной,
Где милая женка
Живет с детворой,

Трудясь на просторе
Под зноем лучей
И горько вздыхая
О доле своей,

О доле суровой,
О жизни лихой,
О днях пролетевших
Весны молодой...

Я знаю, родная
Десятки годов

Не видит покоя
От тяжких трудов.

А прибыли нету —
Всё тот же овин,
Всё тот же подгнивший
Свалившийся тын.

Плохая избушка
С худым потолком
И горькие слезы
И вьявь и тайком.

Весна... На заводе
И грохот, и шум...
А сердце страдает
От горестных дум.

1907

206—208. ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО

1

Под шум приводов и машин,
Где гибнут силы человека,
Провел я дни своей весны,
Под осень сделавшись калекой.

Там мысль моя была в плену
И ум объят глухою тьмою...
Мою свободу стерегли
Громады-трубы за стеною.

Дрожали стены, как листы,
Схватив меня в свои объятия.
Со мной страдали, как и я,
Мои родимые собратья.

Кругом витали горе, тьма,
А сильный ум всё жаждал света,
И голос мой: «О, где ты, жизнь?»
В потемках глухнул без ответа.

Тяжелый рок давил меня,
Как будто молотом железным. . .
Текли года, стал блекнуть взор,
И ум сгорал мой бесполезно.

Не для меня был знанья свет,
Казался он одной мечтою:
В удел судьбою мне даны
Страданье, голод с нищетою.

И годы медленно текли,
Вперед стремились мысли рваться. . .
Мой ум, как узник из тюрьмы,
Желал с позорной тьмой расстаться.

Но тьма была вокруг сильна,
Она меня в плену держала,
А ненасытная нужда
Меня бесщадно добивала.

Всё ж я не вешал головы,
Пред злом не падал от бессилья
И, как израненный орел,
Не опускал больные крылья.

2

Я не знавал отрадной доли,
Не видел счастья лучей;
Лишь скорбь души да сердца боли
Познал я с ранних, юных дней.

Простор полей и воздух чистый,
Сиянье голубого дня,
Журчанье речки серебристой —
Всё было то не для меня!

Ковер лугов и шум дубравы,
В «ночном» и сказки, и огни,
И смех, и шутки, и забавы
Я не знавал в былые дни.

Я был, как птица в душной клетке,
В чаду фабричных корпусов.
Со мной такие ж малолетки
Тянули дни под шум основ.

Их были так же тусклы очи,
В тревоге их летели ночи,
Их не знавал румянец щек,
Был мирный сон от них далек. . .

Не знали мы про светоч знанья. . .
Красу и прелести весны. . .
Тяжелый труд, болезнь, страданья
В удел нам были лишь даны.

Да крик: «Работай, не ленись,
Иначе штраф или расчет!»
Так дни ненастные неслись
Под тяжким бременем невзгод.

Не знали мы, кто наш спаситель,
Когда молиться и кому?
Гудок над нами был властитель,
И мы вверялися ему.

Когда ж машины затихали
И шум смолкал седых паров,
В моем уме огни пылали,
Слагалась песнь из горьких слов.

Под шум и фабрик, и заводов,
Под лязг машин и стали звон
Кругом я слышал плач народа,
Из грудей неся тяжкий стон!

И предо мною проходили
Толпы измученных нуждой,
Но души их прекрасны были,
Как луч весенний золотой.

Сердца их кровью обливались,
В глазах блестели капли слез,
Вдали туманы колыхались,
В выси сверкали стрелы гроз. . .

А братья шли и прибывали. . .
И стоны скорбные неслись.
Так, в царстве горя и печали,
Мои все песни родились.

8

Средь непогодушки, рока жестокого,
В смраде, в пыли
Дни невеселые детства далекого
Грустно прошли. . .

Ранними бурями всё-то развеяно,
Всё впереди. . .
Только печали да горе посеяно
В юной груди.

Всё же, мне думалось: солнышко ясное
В жизни блеснет,
И всепобедное, светлое, властное
Счастье придет. . .

Но не сбылися надежды, мечтания,
Злобна судьба. . .
Даны в удел мне: лишения, страдания,
Труд и борьба.

В этом горниле борьбы, испытания
Я закален,
Пусть мое сердце терзают страдания
С разных сторон.

Я не склонюся пред пыткой жестокою, —
 Что мне гроза?
Смело взираю я с думой глубокою
 Правде в глаза:

Будут счастливее дети с внучатами,
 Зори блеснут,
И после бурь с громовыми раскатами
 Все расцветут!

1907

209. МОЕЙ МАТЕРИ

Е. М. Шкулевой

Поденщицей-прачкой была моя мать
 И мне навсегда говорила:
«Придется, сынок, тебе много страдать,
 Пока ты дойдешь до могилы.

Но духом не падай, такой уж удел
 Всех бедных, нуждой обойденных. . .
Ведь каждый пожить бы получше хотел
 В домишке своем разваленном. . .

Будь бодрым, со злом не дружись,
 Не льстись на дворцы и палаты,
За всех угнетенных, за правду борись,
 Будь честным и в жалких заплатах.

Знай, счастье не в злате, не в шуме похвал
 От праздной толпы горделивой,
Для счастья нужен другой идеал —
 Быть честным, разумным, правдивым!

Когда ты, родимый сынок, подрастешь,
 То вспомни, что я говорила.
Слова так немудры, и ты их поймешь,
 Для жизни в них кроется сила. . .»

1907

210. БАРИН И МУЖИК

Шутка

Б а р и н

Скажи, Потап, ведь в этот год
Вольготней вам живется?
Об вас так много пишут все —
Речей так много льется.
Теперь ведь каждый может жить
На собственной земле,
Об этом, верно, знаешь ты,
Что пишут из столицы?

М у ж и к

Да, слышал, много говорят
Повсюду без умолку,
Но нам-то, барин, ничего
От этого нет толку.

Б а р и н

Как? Почему? Ведь вы теперь
Уйдете на отрезы,
Конечно, собственной земли
И будете как крезы, —
Отдельно, каждый сам собой;
Никто не помешает. . .

М у ж и к

О барин, это-то из нас
Почти что каждый знает!
Но дело в том, что нам до вас
Куда шагать далеко. . .
Мужик в затылке почесал
И так вздохнул глубоко.

Б а р и н

Как? Почему? Неправда, врешь!
Живи, трудись с охотой. . .

М у ж и к

Да барин добрый, мы и так
Весь век ведь за работой!

А толку чуть; земляца где?
У милости ведь вашей?
У вас родится вдоволь всё,
А что берем мы с нашей?
Соломы пук да горсть овса...
А там семья, оброки...

Б а р и н

Всё это, братец, пустяки,
Вы просто лежебоки!
Работать лень... Смотри на нас:
Мы трудимся, потеем,
И обо всем-то, братец мой,
Заботушку имеем...

М у ж и к

Да, барин, нечего сказать,
У вас заботки больше,
А потому-то вы меня
И здоровей и толще.

<1908>

211. КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

На севере диком сосна одиноко
На голой вершине стоит...
В тюрьме за решеткой редактор печальный
На голой скамейке сидит.

И думает он о свободе прекрасной,
Что скоро ли к бедным придет,
А выйдет, то снова его оштрафуют,
И вновь он в тюрьму попадет.

<1908>!

Люблю я осени картины:
 Полей чернеющих простор,
 И гроздь красные рябины,
 И мягкий озими ковер.

Прозрачной сетью паутина
 В прохладном воздухе плывет. . .
 И на увядшие куртины
 Листки свершают свой полет.

В выси над голыми полями
 Летят косою журавли. . .
 И хлеб высокими скирдами
 Блестит на солнышке вдали.

<1908>

215. НЕ ПРОСИ

Если хочешь хлеба,
 То трудом не гребуй,
 Если хочешь жизни,
 Не проси, а требуй!

Если хочешь воли,
 И не тьмы, а света,
 Требуй и получишь. . .
 Создан ты на это!

Если же откажут, —
 Этим не смущайся,
 Бодрствуй и упорно
 Правды добивайся.

Если сил не хватит,
 То крепись душой,
 Знай, что миллионы
 Идут за тобой.

Если же с неправдой
Пасть в борьбе придется,
Много славных песен
О тебе споется.

1908

216. САПОЖНИК

С утра и до ночи
На липках сидим.
То песни бормочем,
От боли кряхтим. . .

В руках наколюшка,
Щетина в зубах. . .
Да, жизнь — не игрушка —
В тяжелых трудах;

С утра и до ночи
То дратву сучи,
То знай что есть мочи
Покрепче стучи

О твердую кожу
Стальным молотком. . .
А день-то погожий,
С палящим лучом,

Так манит на волю,
К простору полей,
Чтоб тяжкую долю
Забыть поскорей,

Где нежится колос,
Шуршат камыши. . .
А сзади вдруг голос:
«Работать спеши!»

1908

217. ПУТЕВОЙ СТОРОЖ

Работы довольно и ночью и днем:
День с флагом трясися, а ночь с фонарем.

Курьерский промчится, почтовый пройдет,
За ним черепахой товарный ползет. . .

А там пассажирский — и так без конца,
Порой по неделе не моешь лица. . .

А там еще нужно осматривать путь:
Где шпалу подправить, где винт подвернуть. . .

И, как ошалелый, путями ходи,
Но уши не вешай и в оба гляди,

Иначе ребяток оставишь и свет:
Курьерский моментом нарубит котлет.

Да, будь осторожен и чуток, как мышь. . .
Зимой, одевшись, так в шубе и спишь,

И чуть как заслышишь гуденье и вой,
То кубарем вскочишь к шланбою стрелой;

Подходишь к шланбою, а поезд как раз
В тебя направляет свой огненный глаз,

Трясется, как конь запаленный дышит. . .
Его-то проводишь, там встречный бежит. . .

И так мы с женою и ночью и днем,
Чтоб хлеб заработать, как белки снуем!

1908

218. РЕМОНТНЫЙ РАБОЧИЙ

Шпалы, рельсы, рельсы, шпалы,
Лом тяжелый да кирка. . .
Тянешь воздух грудью впалой,
В сердце по дому тоска!

Осень — дождь. . . Зима — морозы,
Летом солнышко печет. . .
Из очей струятся слезы,
Из мозолей кровь течет.
Хороша, ровна дорога,
Протянулася стрелой. . .
Ездят все по ней так много,
Мы же бродим пехтурой.
Нам куда! Не до катанья,
Наше дело — не зевай:
Прилагай-ка всё старанье,
Шпалы с рельсами меняй.
Так весь день: кирка, лопата,
Шпалы, рельсы и болты. . .
Оттого мы и горбаты,
Грустны думы и мечты.

1908

219. В СТОЛЯРНОЙ МАСТЕРСКОЙ

До самой ночи спозаранок
По всей столярной мастерской
Шипит пила, визжит рубанок
И вьются стружки полосой.

Стучит топор, хрустят долота,
В углу, чадя, варится клей. . .
У всех в уме одна забота:
Хотя бы вечер поскорей!

Пропитан воздух весь смолою. . .
Вот кто-то песню затянул:
«Как хорошо в полях весною. . .»
И тяжелехонько вздохнул.

А здесь так душно. . . Сквозь оконце
День скупо свет и воздух льет. . .
А там, на воле, блещет солнце,
И всё ликует и поет. . .

Жует пила... Грызут долота...
Визжа, рубанок ленты вьет...
Кипит горячая работа,
С лица на стружки льется пот.

1908

220. УТРО

Расцветали незабудки,
Зеленели камыши...
Песни вольные о счастье
Раздавались в тиши.

Брызгал пеною жемчужной
Говорливый водопад,
И кадил волной душистой
Далеко зеленый сад.

Выходили на работу
Люди бодро на поля,
Обещала урожай им
Отдохнувшая земля.

Небеса сулили солнце,
Тучи — влаги дождевой,
Ветер — милую свободу
Над родимую страной...

1908

221

Влекли меня к себе безоблачные дали,
Манил меня к себе чарующий рассвет,
Ночь уходила прочь, и звезды умирали,
Всё дню грядущему готовило привет:

Душистые леса и реки голубые,
Пернатые певцы и каждый мотылек,
Росистые луга и нивы золотые,
Ветвистый мощный дуб и крохотный цветок...

Как тень ни хороша с пленительной прохладой,
Как отдых ни хорош в мечтательной ночи,
Но всё же для меня сладчайшею отрадой —
Встречать красу зари и первые лучи.

1908

222. НЕ ГРУСТИ

Плачет вьюга, воеет вьюга
 За окном. . .
Не грусти, моя подруга,
 О былом.
Не грусти о зорях ясных,
 Не грусти.
Много будет дней прекрасных
 На пути.
Скучно в роще, мрачно в поле —
 Не беда.
Всё же лучше там, на воле,
 Легче, да?
Крепки стены здесь, засовы
 И замки. . .
Но для мысли ясной, новой
 Не крепки.
Мысли-птицы, мысли-стрелы
 В небесах. . .
Будем бодры, будем смелы,
 Бросим страх!
Пусть же плачет, воеет вьюга
 За окном. . .
Не грусти, моя подруга,
 Мы — живем!

1908

223. НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ

Не падайте духом, братья-бедняки!
Отрадные скоро настанут деньки,
Рассеются тучи, утихнет и гром,
И солнышко счастья заблещет кругом!

Не падайте только и в дружной борьбе
Отпор посылайте злодейке-судьбе.
Удар за ударом вы шлите врагу,
Проклятому горю, что гнет вас в дугу.

И сила и воля ведь в вашей груди,
И лучшая доля для вас впереди;
Она вас ласкает и манит, и ждет,
И к светлому счастью упорно зовет.

Идите ж к нему вы бодрей и смелей,
Отбросив печали и муки скорбей,
Сберите все силы и, плотным кольцом
Сомкнувшись, идите с открытым лицом.

И мысли туда же направьте полет.
Поверьте, что счастье само не придет.
Добыть его средство дала нам судьба,
То средство — борьба.

<1909>

224. ГОРЬКИЙ СМЕХ

Повсюду грозы
Взамен утех,
Звучи ж сквозь слезы,
Мой горький смех!

Звучи сильнее,
Как божий гром,
И рань больнее
Ты зло кругом!

А зла так много,
Куда ни глянь,
Ему, как богу,
Мы платим дань.

Ему в угоду
Всё, всё несут:

И жизнь народы
И честный труд.

И зло кичится
И вширь растет,
Над всем глумится
И всё гнетет.

И нет преграды
Нигде для зла,
Им полны грады
И жизнь села.

Им храмы полны
И как нигде. . .
Оно, как волны,
Бурлит везде.

Везде лишь грозы
Взамен утех. . .
Звучи ж сквозь слезы,
Мой горький смех!

<1909>

225. В ТЮРЬМЕ

Посвящается М. Л. Леонову

За тюремную решеткою,
За решетчатым окном
Подружился я с чахоткою,
Раздружился я со сном.

Руки — крылья опущённые,
Взор отвагой не горит,
Смоль кудрей посеребренная
Точно гривушка висит.

Петли ржавые, проклятые
Скрипом мне как будто мстят. . .

Только думушки крылатые
Душу, сердце веселят.

Вспомнишь вдруг про волю сладкую,
Про товарищей-друзей,
Как, бывало, мы украдкою
Собирались средь почей. . .

Как лилися речи жгучие
О свободе дорогой. . .
Рвались силушки могучие
Со врагом открыто в бой.

Мнилось нам: на камне камушка
Не оставим от врагов. . .
Было дело. . . будет славушка. . .
Не забудет Русь сынов! . .

За тюремную решеткою,
За решетчатым окном,
Может, я умру чахоткою,
Может, вылечу орлом!

<1909>

226. ПОП И КРЕСТЬЯНИН

П о п

Чти веру ты своих отцов,
Работай до упаду,
Не слушай разных мудрецов
И возжигай лампаду!
Молись прилежней каждый день
Пред местною иконой. . .

К р е с т ь я н и н

А как же, батя: худ плетень,
Детишек плач и стоны?

П о п

Сказал, молись, и будет прок!
Всё даст господь незримо. . .

Крестьянин
А как же, батюшка, оброк?
Молиться-то вестимо...

Поп
Читай писание святых, —
Получишь облегченье! ..

Крестьянин
Читай?! Урядник даст таких, —
Он строг, — мое почтение!

Поп
Будь кроток сердцем и душой,
Получишь всё от неба. . .

Крестьянин
А как же вот, — армяк худой,
Обувки нет и хлеба?!

Поп
Всё это, свет мой, пустяки
И тленно в этом мире. . .

Крестьянин
У вас вон, батя, сундуки,
Коровок-то четыре! ..

<1909>

227. МАСТЕРОВОЙ

Кто идет с открытым воротом,
С непокрытой головой,
На плечах с тяжелым молотом?
Это друг мастеровой!

Кто поет свою «Дубинушку»
За работой день-деньской,
Надрывая грудь и силушку?
Это друг мастеровой!

Кто провел пути далекие,
Мост построил над рекой,
Шахты все прорыл глубокие?
Это друг мастеровой!

Кто воздвиг дворцы прекрасные,
В клетке сам живет сырой,
Коротая дни ненастные?
Это друг мастеровой!

<1909>

228. НЕ ПОЙМУ

Не пойму я: люди плачут,
А о чем?
Шубы нет, гуляй свободно
Нагишом. . .
Солнца нет, тебе бесплатно
Бог дает. . .
А начальство опекает —
Бережет.
Если хочешь быть горбатым —
Работáй,
Быть отечеству полезен —
Выпивай.
А что хлеба нет, землицы, —
Не беда,
В земском складе есть в запасе
Лебеда.
Так о чем же в мире плачет
Весь народ?
Иль он благостей господних
Не поймет?
Если б я был властелином —
Повелел,
Чтоб никто на небо даром
Не глядел.
Чтоб никто бесплатно воздух
Не вдыхал
И весною пенье пташек
Не слышал,

А землю б всю распродал
На вершки...
Вот тогда бы поплясали
Бедняки!
<1909>

229. ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Мы живем так звонко,
Пышно и завидно:
Тут и там «казенка»,
Школ совсем не видно...

Ходят сплетни злые,
Каркают вороны...
Зипуны худые,
Хаты — развалёны...

Тут и там — повсюду
Много разной власти...
Хорошо — покуда,
Ждем еще напасти.

Плохо жить в общине,
Скверно на отрубке.
Царствуют старшины...
Ну, а мы... сугубо...

Баю, выйдет скоро
Милость из столицы —
Вышлют, вишь, без спора
Нам вагон землицы.

<1909>

230. И. Е. МОНАХОВУ

1884—1909

Четверть века миновало
Как один денек...
Но в глазах всё тот же светит
Правды огонек.

Та же длинная основа,
Те же челноки,
Тот же шум и лязг приводов,
Пряжа и станки,

Те же думы за работой,
Тот же мрачный свод,
Те же сумрачные люди,
Как и в первый год.

Ничего. . . Всё те же песни,
Как в былой дали,
Только змеями морщины
На челе легли.

Четверть века миновало
Как один денек. . .
Но в глазах всё тот же светит
Правды огонек.

1909

231. РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

Памяти А. В. Кольцова

В майский день и в дни метели
Рассыпал ты чудо-трели
По родимым уголкам.
От твоих волшебных звуков
Билось счастьем сердце внуков,
Легче было старикам.

Трели сыпались, звенели,
Чаровали и горели
Искрой божьего огня.
И под песни-чаровницы
Разгорелися зарницей
Дали, к лучшему маня.

Эти песни и доныне
По холмам родным, долинам,

Рассыпаяся, гремят
И счастливого душою,
И забитого нуждою
Лаской светлою дарят.

Пусть же песни дорогие,
Сердцу милые, родные,
Чародея-соловья
Знай гремят, не умолкая,
По лицу родного края,
Скорбь и радости тая!

1909

232. РАЁК

Ну, старуха, не зевай, дяде Фише помогай...
Видишь, полон я раёк разных картин приволок...
Виды чудо, хоть куда, подходите, господа!

Начинаю!

Картина мрачная, неудачная, это — как трудно жить рабочему народу на Петербургском заводе военно-врачебного управления: грубое обращение, плохое вознаграждение рабочим за труд... А вишь, доходы завода растут. Да, не мешало бы этому заводу облегчить жизнь рабочему народу... Не мешало бы, чем слышать жалобы!

Верно!

Вот картина, на вид серьезная, на деле курьезная. Было у приказчиков собрание, лились речи, были рукоплескания... И в заключение собрание решило отсутствующему правлению выразить... благодарение за его... нерадение к делу, оно, вишь, очень смело бросалось общественными деньгами, как собственными грошами... И за это его собрание гладит... по головке... Ловко!

И смешно!

А это — как иркутская таможня истребляет казенное добро... На днях так жгли и топили: весы, гири, вино, рис, ковры, барбарис... И даже остатки роскошного... экипажа. Всё это творится открыто, при торжественной обстановке... Чинно и ловко.

Что сей сон значит?

Картина последняя про женскую моду, картин не писал таких сроду, да уж очень картина смешна. Вот она: смотрите, как наши дамы-хозяйки скоро будут на головах носить — шайки, а молодые вакханки — лоханки. Говорят, купецкие дочки наденут бочки...

Некрасиво, да здорово!

Раёк закрываю, домой удираю, где картина-ми займуся, а потом вновь к вам вернуся.

До свидания!

1909

233. КТО?

О, кто вас рассыпал, жемчужные слезы,
По венчикам нежным душистых цветов?
Певец ли свободный, почувявши грозы,
Иль плакала стая седых облаков?

Нет, слезы такие не горе родило,
Несчастье те слезы пролить не могло:
Они так отрадно сияют и мило,
Глядеть на них любо — и сердцу тепло!

1909

234. ГУСЛЯР

Средь братьев гонимых отчизны родной,
Окутанных злобой неправды лихой,
Под шум непогоды, мучительный стон,
Цепей подъаремных терзающий звон,
На гусях играть мне никто не мешай;
Глядите, как всюду измучен наш край,

И темная сила и ночью, и днем
Сковала всё лучшее в жизни кругом.
Звучите вы, струны, как вещей набат:
Свобода таится средь фабрик и хат,
Приход ее близок. . . Страдалец-народ
Великое счастье отчизне кует. . .
Играйте же, гусли, а я подпою,
Пусть слушают песню собратья мою.
Она вся из горя и слез создана
И к сытым, ликующим гнева полна. . .

Я певец, летами старый,
Все прошел поля и яры,
Был я в тюрьмах, рудниках,
С тачкой скованный в цепях,
Вечно голоден, в заплатах,
Был в гнилых, убогих хатах,
Был я в душных мастерских
И средь горестей людских.
Тут и там я громко пел,
На меня народ глядел:
Эй вы, сытые, довольные,
Разодетые в парчи,
Фарисейски богомольные,
Сердцем злы, как палачи!
Хорошо вам ночи бражничать
Под хозяйки милый взгляд
И казны мошною важничать,
Выставляя свой наряд,
Да хвалиться про бывальщину:
Как страдающий народ
Выгоняли вы на барщину,
Точно вьючный жалкий скот.
И всю ту былинку горькую,
Что венчала вас стыдом,
Вы покрыть спешите полькою
И залить скорей вином.
Знаю, эта не понравится,
Сладколюбцы, песня вам:
В ней звучит не ваша здравица,
А как гром по головам. . .
Я гуслир немолчный, старый,

И пришел вас не ласкать,
А под музыки удары
Правду-матушку сказать:
Я пришел к вам от народа,
От сохи и бороны,
Гибнут где от недорода
Люди, горести полны.
Где хлеба побиты градом,
Мысль и ум побиты тьмой
И, как будто смертным ядом,
Все отравлены нуждой. . .
В душных фабриках, заводах
Непосильный давит труд,
И под тяжестью невзгоды,
Голодая, люди мрут. . .
Так от зыбки и до гроба
Вся-то смята жизнь и честь. . .
И кипит в душе их злоба,
Всю неправду жизни сместь!

1909

235. ЗИМА

Я Зима, породы княжей,
В горностаевых мехах. . .
Щедро вам я пух лебяжий
Разбросала на полях.

Я Зима, Зима-красотка,
Вихри, бури я люблю,
И, бродя по околотку,
Многих зноем я сгублю.

Я свежа, недолговечна,
Не люблю я время роз,
У меня есть друг сердечный,
Удаль — молодец Мороз.

Мы живем с ним очень дружно,
Пляшем, скачем и поем. . .

Враг наш — Солнце с ветром южным:
Мы от их дыханья мрем.

Я Зима, породы князей,
В горностаевых мехах,
Мной повсюду пух лебяжий
Вам разбросан на полях.

<1910>

236. У ОБЕДНИ

Слышны звоны колокольные...
Люди сытые, довольные
Помолиться идут в храм.
Рядом с папертью — скорбящие,
Очи впалые, слезящие...
Одежонка — ветошь, хлам.

В храме весело и радостно,
Люд стоит в молитве благостной...
Ризы искрятся, блестят.
Льется клира стройно пение...
Слышно батькино хрипение...
Где-то денежки звенят.

Всё размерено, пригадано...
Вьется синий дым от ладана.
Чинно староста стоит.
Там салопница с просвирнею,
С растолстевшею и жирною,
Об умерших говорит...

Слышны вздохи, умиления...
От тоски и утомления
Где-то всхлипнуло дитя.
Тут купцы ведут беседушку
Про торговлю, про холерушку,
Рыло красное крестя.

Служба кончилась, довольные
Люди спешно, богомольные,

Отправляются домой.
У дверей толпятся бедные,
Из-за гроша, гроша медного,
Шумно споря меж собой.

<1910>!

237. ЖИТЬЕ МУЖИКА

Как мужик живет в деревне,
Это ныне знают все:
Негде курочке побегать
По родимой полосе.
Если ж бедному случится
Вдруг коровку завести,
То ему ее придется
Лишь на кровлюшке пасти:
Есть земляца и в деревне,
Да «господскою» зовут,
За нее с крестьян бояре
Чуть не шкурушку дерут. . .
Также есть леса и рощи,
Да казне их отдал бог,
И за каждый малый прутик
Мужика ведут в острог.
Мужику даны лишь вволю
Все страданья на пути;
Ими пользуйся, сердечный. . .
Да недоимки плати.

<1910>!

238. ПОЭТ И РЕДАКТОР

Редактор

Ну что, Левша, вы принесли?
Опять стихи, наверно, едки?!

Поэт

О разделении земли,
О черной сотне — две заметки. . .

Редактор

Оставьте, братец, черняков,
Ведь о подобной грубой швали
В течение этих трех годов
Пуды бумаги исписали...
Да и опасно, цензора
На это страх как дуют губы...
Пишите, как, мол, повара
Повсюду стали глупы, грубы...
Ругайте красных, леваков,
Грязните больше Милюкова,
Но а про правых дураков
Вы, ради бога, уж ни слова...

Поэт

А про министра кое-что?
Об интендантах, что так крали?

Редактор

О, ради бога, ни за что.
За это нас уже карали...

Поэт

Но о цензуре что-нибудь,
Ведь там же люди не святые?

Редактор

О, что вы, что вы, их кольнуть?
Да что вы, батенька, шальные?!
Крестьян ругайте, что они
Лентяи все и лежебоки...
Но о цензуре же ни-ни,
Вы зачеркните эти строки...

Поэт

О чем же мне теперь писать?
О «зубрах» — тоже ведь опасно?!

Редактор

Пишите: всюду благодать,
Что можно есть... и спать прекрасно.

<1910>

239. ОТТЕЦЕЛЬ

Кругом разлиты свет и нега,
Снежок накатанный блестит. . .
Тепло, и пахнет талым снегом,
А с крыш капёль звенит, звенит. . .

Воркуют голуби на солнце,
Вороны каркают кругом,
Сосульки искрятся червонцем,
Вися под крышей, над окном.

Теплу обрадовались дети,
Звенит, гремит их голосок. . .
И куры, бросивши повети,
Пятнают лапками снежок.

1910

240—241. В ПУТИ

1

Музыкально кони топали,
Вычеканивая дробь,
По бокам теснились тополи,
В стороне чернела топь.

Проносся, тучи крапали
Мелким бисером — дождем,
Над водою чайки плакали,
Отливая серебром.

Уходила лесной серою
За бугры дорога вдаль,
Над муравой, рдяно спелою,
Далеко звенела сталь.

Пахло кашкой, медуницею,
Улыбались даль и высь,
Время мчалось быстрой птицею,
Мы во времени неслись.

Бодрая, нежная
 Даль белоснежная
 Манит вперед, всё вперед,
 Точно за долами
 С ясными взорами
 Светлое счастье живет.

Ели мохнатые,
 Тайной чреватые,
 Мимо бегут и бегут;
 В небе посланницы,
 Вечные странницы,
 Белые тучи плывут.

С воем метелица
 По полю стелется,
 Пылью лицо обдает. . .
 Мчат нас с возницею
 Быстрою птицею
 Кони вперед и вперед!

1910

242. НАБОРЩИКИ

Посвящается С. П. Кошкину

Наши братья ткут основу,
 Кто кует тяжелый меч, —
 Мы ж из армии свинцовой
 Создаем живую речь.

Что вчера для многих тайной
 Было мертвою вокруг,
 То для всех сегодня ясно —
 От палат и до лацуг.

Мы стоим, как часовые,
 У немых наклонных касс,

Ниже строки огневые
Из свинцовых хрупких масс.

Труд наш чист, как солнце в небе,
Ярким пламенем горит.
Всем и каждому о хлебе
О духовном говорит.

Душно, мрачно здесь в наборной,
Мы привыкли, горя нет,
Из нее не сумрак черный,
А выходит ясный свет.

Наши братья ткут основу,
Кто кует тяжелый меч, —
Мы ж из армии свинцовой
Создаем живую речь.

1910

243. ОПЯТЬ

Мой стих крылатый, долетай
До уха сытого народа:
Опять родимый стонет край
От недорода!..
Опять, как призраки, встают
Голодных братьев вереницы:
Они то плачут, то поют,
На раменах с пустой кошницей...
Их взор усталый и больной
Блестит кровавою слезою...
А Голод, страшный и большой,
На них идет, идет грозой.
То не кошмар, не праздный крик,
Досужей созданный мечтою, —
Святая истина: мужик
Опять наказан злой судьбою;
Опять пусты его поля
По воле праведного неба,
Опять кормилица земля
Его с семьей лишила хлеба...

Мой стих крылатый, долетай
До уха сытого народа:
Опять родимый стонет край
От недорода!

1911

244. ПАМЯТИ И. С. НИКИТИНА

1861 $\frac{16}{X}$ 1911

В звуках чарующих,
В песнях тоскующих
Жив ты, поэт!
Жизнь одинокая —
Яма глубокая;
Тьма — не рассвет —

Всё-то окутала,
Всё убаюкала
В жизни кругом...
Горечь скитания,
Правды искания
Жгут нас огнем!

Думы о будущем,
Светлом, ликующем,
Тешат нам грудь...
В этом мечтании
Легче страдания,
Легче наш путь...

Пусть невеселое,
Время тяжелое
Ум наш гнетет...
Медленно движется,
Всё ж оно близится
К свету, вперед!

1911

245. ТИХО

У нас всё тихо,
Голодных нет...
Мужик в казенке
Находит свет.

По селам, градам
Царит прогресс:
Цветут обманы,
Обмер, обвес.

Всё, все на чести
У кулака:
Поддельной стала,
Увы, мука...

Идем мы быстро
Сейчас вперед:
На хлеб и мясо
Цена растет...

Жиреют «зубры»
И там и тут,
Купцы и хамы,
Как мак, цветут...

Еще быстрее
Вперед пойдем,
Как двери в школы
Мы все... запрем.

<1912>

246

Смелей вступай в борьбу с судьбою,
Героем будь!
Трудна тернистая дорога,
Но славен путь.
Нам не дает на свете даром
Ничто судьба...

И жизнь есть в мире не блаженство, —
Одна борьба!
Борьба от зыбки до могилы,
Таков уж свет...
Жизнь без борьбы — стоячий омут,
В ней жизни нет.
<1912>

247. ПРОРОКОВ НЕТ

Памяти С. Я. Надсона

Пророков нет... Они ушли
Из мира скорби и печали...
Они ужиться не могли
Среди народов той земли,
Где их, как пасынков, встречали.

Пророков нет... Но вещей глаз
И песни их живут в отчизне,
Они собою будят в нас
Благие чувства всякий раз
И призывают к лучшей жизни.

Пророков нет... Душа болит:
Кого просить? Кому молиться?
Кругом, бушуя, зло кипит,
Язык коснеет и молчит,
Не хочет сердце больше биться...

Пророков нет... Их письма,
Глаголы пламенем пылают:
Пусть жизнь людей, как ночь, темна, —
Заря близка, идет весна!
Слова пророков нам вещают...

Пророков нет... Они ушли
Из мира скорби и печали,
Они ужиться не могли
Среди народов той земли,
Где их, как пасынков, встречали.

1912

248. ГУДИ, НАБАТ!

Гуди, набат, сильней над Русью,
Смелей, настойчивей гуди
И всех, кто спит в родной отчизне,
На дело общее буди.

Несися вдаль по горным кручам,
По стогнам бедных деревень,
Где под ярмом тяжелой доли
Страдают люди ночь и день.

Гуди призывом к грозной буре,
Чтоб наш измученный народ
Разрушил цепи роковые
И сбросил вековечный гнет. . .

Гуди, набат, гуди сильнее,
Гуди над Русью без конца. . .
Пусть от твоих ударов мощных
Дрожат холодные сердца.

1912

249. СВЕТЛЕЕТ МИР

Яснеет даль. Ярче блики.
Рассвет, собратья, недалек;
Я вижу радостные лики,
Я вижу огненный поток. . .
Редет мрак!

Бегут весенние потоки,
Зарницы пышут и горят,
Они о счастье недалеком,
О лучшей жизни говорят. . .
Идет весна.

Чу, слышен звон. . . То звук набата,
Он нас зовет на пир весны,
Все дали заревом объаты,
И люди радости полны,
И в сердце звон.

Ленский давай. Аргонь башка.
Развитый желанный кедачек;
Я вижу радостный лик
Я вижу ослепительный Поток...

Поджигай мир!
Выгнать весенний поток
Зернистый туманный и гордый
Они о счастье кедачек
О счастье светлом говорят...
Идей вена..

Ты, слышишь звать звать... Это звать
Он нас зовёт как перья вены,
Вся дама зернового объёма,
И мед и радость помы,
И в сердце звать...
Конечный засидеть темной ноги
Оно уходит за грань виволь.
Ангельский справедливей они
Родимый братство и ошараш
Светлый мир.

Конец засилью темной ночи,
Оно уйдет за грань веков.
Яснеют страждущие очи
Родимых братьев и отцов...
Светлеет мир.

1912

250. ЗВЯК

Звяк, звяк, звяк... То звук кандалный
Раздается там и тут...
Лица хмуры и печальны,
Слезы есть, но не текут.

Хмуро небо, мрачны стены,
Грустны думушки-мечты...
Круглый год без перемены:
Куртка, шапка и коты...

Звяк, звяк, звяк... Не уставая,
Как кузнечики в траве...
Та же в сердце грусть лихая,
Те же думы в голове...

1912

Таганская тюрьма, камера 154

251. ВОРОБЕЙ

За решетку раз ко мне
Залетел воробко
И, кружась над головой,
Зачиркал робко:
«Как здесь душно и темно,
То ли там, на воле;
Солнце светит, воздух чист,
Снег блестит на поле.
Лес стоит, как в серебре,
Вьюга веселится...
И охота здесь тебе
День и ночь томиться?!

Там, на воле, люди все
О добре мечтают
И о лучших светлых днях
Песни распевают...»
— «Эх, воробко дорогой,
Всё я это знаю, —
Только в этих я стенах
Не один страдаю,
Много нас... Лети — скажи
Ты всему народу,
Чтобы люди берегли
Милую свободу!»
Крошка серый воробей
Встрепенулся, взвился
И мгновенно за окном
На просторе скрылся.

1912

252. НЕ ВЕЧНО

Тюрьма — глумленье над природой,
Дерзаю вслух вам, палачи!..
Сковать вы можете народы,
А солнца ясного лучи?..

Так не сковать вам дух свободный
И мысль с заветною мечтой,
Настанет миг — и гнев народный
Сметет вас бурною волной!

Не вечно будут эти своды
Народ измученный томить,
Минуют сумрачные годы,
Порвется злого царства нить.

Мгновенье это недалеко,
Народ измученный встает
И схватки пламенной, жестокой
С врагами ждет...

1912

253. ГДЕ?

Где разваленные хаты?
Плач ребятишек, старух,
Бедные люди в заплатах,
В жалких отрепьях пастух?

Где заморённые «серки»?
Хлебец с мякиной, с песком,
Плутни, обвес, недомерки,
Суд и расправа штыком?

Где так начальники строги?
Просты, темны мужики,
Тюрьмы, застенки, остроги
И кабаки... Кабаки?

Где? Говори по порядку,
Знать интересно то мне.
Что ж, заноси на тетрадку:
«Всё то в чужой стороне!»

<1913>

254. ТИТОВСКИЙ ДОМ

Титовский дом! Титовский дом!
Сражен не пулей, не огнем...
Доход владельцу обещал,
И вдруг от воздуха упал...
Хорош был, значит, матерьял!

Титовский дом! Титовский дом!
Пришлось бы жить народу в нем...
И люди все бы в царство тли,
В могилу раннюю ушли...
Титовым что же, им люли!

Титовский дом! Титовский дом!
Упал ты ясным, теплым днем...

Положим, этот бы домок
И от дождя, увы, размок,
Как в поле глиняный комок.

Титовский дом! Титовский дом!
Как жаль, что не пришлось в нем
Пожить владельцу самому,
А прочим — больше никому...
Ни даже Вове самому!

1913

255. МОЯ МУЗА

Моя муза мести за борцов народных,
Истекавших кровью в тягостных цепях,
Пламенных душою, сердцем благородных,
Наводивших ужас, смертоносный страх
На врагов народа, проводивших праздно
Жизнь свою в роскошных, золотых дворцах.

Моя муза мести за рабов голодных,
Жизнь свою влачивших, как последний скот,
За работой тяжкой, в муках безысходных,
Изнуренных гнетом горя и забот,
Под угрозой вечной жалких паразитов,
Как нарост на теле хамов и господ.

Моя муза мести с ядовитым жалом
К кровопийцам жадным трутней-пауков —
И голубкой чистой, днем и ночью к малым,
Сирым, подъяремным, сдавленным трудом,
Зорькою сияла в выси неба алой
И светила в ночи ярким огоньком.

Моя муза скромно, не желая славы,
Тихо прилетала в уголок ко мне
И, чуждаясь блеска, праздности, забавы,
Говорила: будет буря в стороне,
Потерпи немного, гидре многоглавой,
Что народ терзает, сгибнуть в той войне.

Черным дням недолго над отчизной длиться.
Тучи грозовые тут и там зашли.
Береги же силы, будет с кем сразиться,
Прожил ты недаром для родной земли.

1913

256. ГАДАНЬЕ

Плавит красна дѣвица
Олово-свинец
С думою заветною:
Скоро ль под венец?

Олово расплавилось,
Стеклышком блестит,
Дѣвица на олово
Пристально глядит.

Вылила красавица
Плавленный свинец
С влагою студеною
В кованый корец.

Зашипело олово,
Дѣвица глядит,
А в корце, как писанный,
Суженый стоит.

Вспыхнула красавица,
Глядя на свинец,
Коли вышел суженый —
Будет и венец!

<1914>

257. ТРОЙКА

Нашей тройки — кони бойки,
Говорливы бубенцы. . .
Мы по пуху что есть духу
Мчимся в дальние концы. . .

Снег пушистый, серебристый
Бриллиантами блестит.
Сердце млеет, даль синее
И к себе зовет, манит...

«Ну, вы, что ли! К лучшей доле!» —
Тряханул ямщик вожжой,
И взвились, понеслись
Кони быстрые стрелой!

1914 (?)

258. ТОСКА ПО РОДИНЕ

Посвящается М. Горькому

В стране чужой разлита нега
Под солнцем трепетных лучей
С дыханьем нежных орхидей,
Но всё же родина под снегом
Роднее сердцу и милей.

Там ярче солнце в синем небе,
Вольнее дышится в груди,
Преград не видно впереди...
Нужды томящей нет о хлебе,
Есть к знанью торные пути.

Там нет униженных, бесправных,
Рабов под рубищем заплат,
Борцов за правду не гноят
В застенках, нет судей лукавых,
Не в моде пошлость и разврат.

Там не в тисках живое слово,
Приюта нет постыдной тьме,
Творят всё в здравом там уме,
Всему дорога, что есть ново,
И цвет отчизны не в тюрьме.

И кровь невинно там не льется,
Забыты пытки, палачи,
И нету окриков: «Молчи!».

Там песня воли раздается
И светят истины лучи.

Все люди сыты и одеты
В одежды лучшие, в шелка,
Но всё же там гнетет тоска
О братьях милых, не согретых,
О доле тяжкой бедняка.

Где всё так мрачно, обыденно,
Где так же темен, нищ мужик,
Не слышен бодрой песни крик,
Зато под почвой раскаленной
Клокочет юных сил родник!

1915 (?)

259. ЧЕМ РУСЬ СЛАВИЛАСЬ

Несчастьем, жизнью колкою,
Романовым Николкою,
Мариями Дармштадтскими,
Иванами Кронштадтскими.

Распутинными Гришками,
Придворными интрижками,
Развратницами Сашками,
Расшитыми рубашками.

Надменными и важными
Министрами продажными,
Полнейшею разрухою
И царскою сивухою.

Дворцовыми спиритами,
Развратами открытыми,
Охранниками-гадами,
Лихими казнокрадами.

Плетями и дубинкою,
Кровавою Ходынкою.
Цусимою, Карпатами,
Проклятыми сатрапами.

Гнилою и позорною,
Развратной сотней черною,
Холопскою боязнию,
Позорной смертной казнию,

Застенками и плахами,
Погромами и страхами,
Приспешниками-гадами
И морами и гладами.

Мученьем, притеснением,
Народа разорением...
Всем этим Русь-красавица
Лет триста с лишком славится.

1917

260. К НАРОДУ

Я взываю громко к русскому народу:
«Берегите, братья, милую свободу,
Берегите волю с пламенной любовью,
Воля дорогая добывалась кровью.

За свободу, знайте, в дни былые люди,
Не жалея жизни, подставляли груди,
Многих за свободу в дни минувшей были
В каторге и в тюрьмах мучили, гноили.

На костях страдальцев славного народа,
На потоках крови выросла свобода...
Красные знамена — это пятна крови,
Что легли в основу благодатной нови.

Рухнули затворы, пали казематы,
Гимнами свободы огласились хаты...
Раб вчерашний, жалкий, ни к чему не годен,
Ныне стал велик он, силен и свободен.

В фабриках, заводах, где томилась люди,
Убивая силы, надрывая груди,
Под ярмом тяжелым вечно спины гнули,
Ныне распрямились, радостно вздохнули.

Труженики-братья, граждане солдаты!
Будьте все одною думою объяты,
Чтоб и жизнь и счастье дать всему народу,
Закрепить старайтесь милую свободу.

Граждане России! Без свободы милой
Будет жизнь, как прежде, темною могилой.
Стойте ж за свободу крепкою стеною,
Куплена свобода дорогой ценою!»

1917

261. РЕВОЛЮЦИЯ

Она, великая, в неволе рождена.
Среди оков, печали, гнета,
В кругу людей, чья жизнь как ночь была мрачна
От крови, слез, труда и пота.

Она взлелеяна в томящих рудниках,
В стенах удушливых завода,
В умах бесхитростных и пламенных сердцах
Нуждой забитого народа.

Она окрещена и кровью и мечом,
Огнем и пыткой злой неволи;
Она не умерла, гонима палачом,
Под игом ненавистой доли...

Она, лучистая, желанная, пришла,
В дни непогод народной бури
И всё проклятое, позорное смела,
Вздымаясь вихрем до лазури.

Она, победная, всё разметала в прах
Рукою дерзновенно-властной
И на развалинах, испепленных кострах
Нам строит новый мир прекрасный.

1917

262. БОРЦЫ

Сильные, смелые, гордые,
Лица их, очи горят.
Поступь уверенно твердая,
В мыслях: «Ни пяди назад!»

С верой в победу великую
Дышит их пламенно грудь,
Счастьем — звездой огнеликою
Их озаряется путь...

Залпы... Борьба... Разрушение...
Крови горячей поток...
Цели благой достижение.
Заревом рдеет восток.

Грани былого изломаны...
К прошлому нету путей.
Рабской рукою раскованной
Порваны звенья цепей.

1917

263. ОКТЯБРЬ

Октябрь пронесся
Над Русью шквалом,
С громовой силой,
В сияньи алом.

В дымящем вихре
Истлели троны,
Как пыль, исчезли
Царей короны.

Метались в страхе
Дворцы, чертоги,
И в прах свалились
Былые боги...

Октябрь, сильнее
Грозы, вулканов,
Взмутил народы
За океаном.

Октябрь в плавильне —
Старинный город
Спаял могуче
И серп и молот.

1918

264. ДУМЫ РАЗИНА

Слышу я, чайка рыдает,
Тихо спускаясь на плес,
Вижу я, тень вырастает,
Гордо идет на утес.

Тень мне знакома, я знаю,
Это Степанова тень,
Часто ее я встречаю,
Только лишь кончится день.

Смелой и гордой походкой,
С шапкой курчавых волос,
С думой бурливой, некроткой
Вот он идет на утес.

Вижу, как очи Степана
Пылкой отвагой горят,
Слышу из уст атамана
Слов угрожающих ряд:

«Вам, угнетателям бедных,
Скоро настанет конец!
С звуками гимнов победных
Ждите вы мстящих сердец!

Знайте, пред вами не скрою,
Слов не бросаю я зря:
Отдал я дань головою,
Отдал по злобе царя.

Знал он про думы Степана,
Знал, что я в сердце таил.
Знал он, что царского сана
Смело его бы лишил.

С ним бы я всех кровожадных
Жизни лишил воевод;
Жаль, не дождался отрадных
Дней горемычный народ.

Всех на свободу невольных
Я бы из тюрем пустил,
Всех бы я в жизни бездольных
Барским добром наградил.

Все бы застенки и башни —
Молвил народу: «Круши!»
Все бы боярские пашни
Роздал бездомным: «Паши!»

Жаль, не сбылися мечтанья,
Всё же я верю: придет
Время, разрушатся зданья
Тюрем, темниц, и народ

Будет свободен, как птица,
Счастье увидит в трудах.
Злое ж могучей десницей
Всё он низвергнет во прах.

Знайτε, близко уж начало.
Смерть к вам идет, палачи!»
Дальше и громче звучала
Речь атамана в ночи.

Вещему гласу внимали
Бурные волны реки,
В мглу уходившие дали
Да у костров рыбаки.

1918

265. ГИМН КОММУНАРОВ

Мы, дети сильные коммуны,
На свете любим правду, труд,
В душе и сердце вечно юном
Порывы светлые живут.
Поля, леса, луга и нивы
Наш дружный труд благословят,
Трудом мы рук своих счастливы,
В труде мы видим жизни клад!

С трудом нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим...
И голод нам тогда не страшен
Средь сел и красных городов,
Когда заблещут ленты пашен
Червонным золотом хлебов...

С трудом нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Расти, цвети, коммуна, краше
Под ярким пурпуром знамен,
На страх врагам, на счастье наше,
Во благо будущих времен!
Мы за коммуны все стеною
Пойдем от плугов и станков
И силой рати трудовую
Во прах сотрем своих врагов!

С трудом нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Хвала труду и каплям пота,
Хвала мозолистым рукам,
Хвала всем любящим работу,
Хвала восставшим беднякам.
Хвала и пашням и заводам,
Взрастившим храбрых сыновей,
Хвала погибшим за свободу
В объятых тюрем и цепей!

С трудом нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

1918

**266. ПАМЯТИ БОРЦОВ,
ПАВШИХ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 г.**

Шли они шумной столицей
Дружно и ночью и днем,
Были отважны их лица,
Очи пылали огнем.

Шли они стройно рядами,
Смело и гордо вперед,
Храбро сражаться с врагами
За пролетарский народ.

Шли, не смыкаяючи вежды,
Кровь молодую пролить,
С полною в сердце надеждой
Злого врага победить.

Зная, на алой их крови
Солнце свободы взойдет
И на распаханной нови
Бедный воспрянет народ...

Думы, мечты их свершились
Год лишь один миновал,
Слуги Ваала свалились,
Рухнул злодей-капитал.

Сила буржуев, как гуннов,
Рушится, гибнет, гниет,
Царство Великой Коммуны
Всюду со славой грядет.

Пахарь-бедняк и рабочий,
Славной Коммуны оплот,
Гордо вперяючи очи,
Соколом смотрит вперед.

Смелы их смуглые лица,
Дышит отвагою грудь,
Счастьем свобода-зарница
Их озаряет весь путь.

1918

267. НОВЫЙ ГОД

Впервые Новый год по-новому встречает
Руси-страдалицы измученный народ,
Он счастья светлого от жизни ожидает,
Глядя с надеждою восторженно вперед.

Борцы за счастье, вожди народной воли
Для граждан-бедняков жизнь новую куют,
Чтоб не было для них цепей тяжелой доли,
Чтоб был в почете их всегда тяжелый труд.

Чтоб не было ни слез, ни горькой укоризны
На мачеху-судьбу несчастных бедняков,
Что плакали свой век кругом по всей отчизне
От гнета богачей и трутней-кулаков.

Хвала вам, кузнецы, кующим жизнь пную,
Прекрасную, цветущую, как зорная весна,
Благословит ваш труд и вашу мысль благую,
Оковы сбросивши, свободная страна.

Пусть будет новый год по-новому счисленью
Отраден и цветущ для граждан-бедняков,
И власть народную ведет он к укрепленью,
И новых сил пошлет для пламенных борцов!

1918

268. КУЗНЕЦ

Весь в поту, от пыли черен,
Точно горн пылает ум,
Взгляд как сокола задорен,
Сам же — радостен, проворен.
А кругом под горный шум
Раздается «бум-дзинь-бум!»

Говорят мехи: «Свободу
Ты куешь, титан-кузнец,
Угнетенному народу,
Павшим всем борцам — венец...»
Молот бьет не наобум,
Верно в цель: «дзинь-бум, дзинь-бум!»

Крепче стали грудь, открыты
Руки, что маховики,
Плечи — бронзовые плиты,
Взор без сумрачной тоски,
В сердце зреет уйма дум
Под веселое «дзинь-бум!..»

Что ни взмах — всё ближе к цели,
Сталь и гнется и шипит...
Плуг и молот песню спели,
Коммунизм всё довершит.
Плугу с молотом мой ум
Посвящает «дзинь!» и «бум!».

<1919>

269. ПЕСНЯ-МАРШ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Гордо и смело направим
В бой со врагами наш путь,
Злых богачей мы заставим
Бедным богатство вернуть.

Свергнем царей самовластье,
Свергнем мы золота гнет.
Сила и право на счастье
Тех, кто трудами живет.

Плоть мы от плоти народной,
Дети святого труда,
Будет для нас путевой
Красноармейцев звезда.

Мир весь, до облачных сводов,
Силой своей потрясем,
Мы от полей и заводов
Братство народам несем.

Злобы бездонную чашу
Выльем на трутней-свиней.
Солнца небесного краше
Жизнь мы устроим людей.

Смело же в бой со врагами,
Воля и долг нас зовет!
Новая жизнь перед нами,
Полная благ и свобод!

Вейтесь, играйте, полотна
Ало-красных знамен,
Смерть тем, кто жил беззаботно,
Злата лелеявши звон.

Смерть попиравшим свободу,
Смерть угнетавшим народ,
Жившим себе лишь в угоду,
Бедных давившим, как скот.

15 февраля 1919

270. Я КОММУНИСТ

Люблю я зори, воздух чистый
И голубые небеса,
Журчанье речки серебристой,
Родные нивы и леса.

Люблю желанную свободу,
Немую тишь и бури свист,
Погожий день и непогоду...
Я коммунист, я коммунист.

Люблю трудящегося брата
В полях, в заводе за станком,
И в ранний час, и в час заката
С высоко поднятым челом.

Пусть черен он, костюм в заплатках,
Зато душой, как солнце, чист.
Пред ним живущие в палатах
Пигмеи все... Я коммунист.

Люблю я знание, ясность мысли,
Полет стремительный мечты
В глубь океана, в даль ли, в высь ли,
В лазурь, иль бездну темноты.

Люблю стремленье к идеалу.
Пусть этот путь тяжел, кремнист,
Грозит порою кровью алой.
Не страшно мне... Я коммунист.

Люблю мозолистые руки,
Орлиный взгляд и смуглость щек,
Металла звон, свирели звуки,
В союзе плуг и молоток.

Народа труд я воспеваю,
На свете труд, как солнце, чист,
Богатство, леность презираю...
Я коммунист, я коммунист!

1919

271. ЗДРАВСТВУЙ, РУСЬ

Пробудилась Русь сермяжная,
Алой вспыхнула зарей,
Ожились степи влажные,
Блещут радостной красой.

Полилися песни звонкие,
Краше солнца по полям,
Заиграли косы тонкие
По ликующим лугам.

Люди бодры, грудь открытая,
Взоры — трепеты лучей,
По лугам скотина сытая...
Нет проклятых палачей.

Черт-исправник с тройкой бешеной
Не спихнет телегу в рожь,
Счастьем родина утешена,
Мир стал волен и хорош.

Позажили раны гнойные,
Распрямылися горбы,
Люди — граждане достойные,
А не жалкие рабы.

В хатах сытая, довольная
Веселится детвора...
Здравствуй, Русь, родная, вольная, —
С чашей, полною добра.

1919

272. С ПЕСНЕЙ

Чтоб казался мир чудесней,
Не терзал бы сердце страх,
Умирать я буду с песней
На устах.

Песни были мне отрадой
В дни гонения судьбы
И великою усладой
В годы пламенной борьбы.
Песней гнал я злое горе,
Песня — свет в позорной тьме,
С нею жил я на просторе,
Годы мучился в тюрьме.
С песней жил я и трудился
Днем и рано поутру,
С нею я на свет родился
И умру.

1919

273. РУСЬ

1

Русь, колыбель цепей и гнета,
Приют насилия и слез,
Где с вечно жуткою дремотой
Позорно царствовал хаос,
Гонима властными и нища,
Больна от пыток и цепей,
Была ты вековым кладбищем
Для дум и пламенных идей.
Живую мысль, живое слово,
Порыв души, свободный труд
Держали тягостные ковы
И устрашал всемогущий кнут.
Лились невинной крови реки,
Не жизнь была — сплошной кошмар.
Тянулись мрачно годы, веки,
И лишь восстания пожар
Разрушил вековые скалы
Насилья, зла и темноты,
И Русь из черной стала алой,
Облекшись в дивные цветы...

Сетью сумрачной окутана
 От седых, былых времен,
 Богомольем убаюкана
 Под тягучий перезвон,
 Сотни лет шла бездорожием,
 Как заблудшее дитя,
 Власть насилья чтивши божией,
 Дань ей ропотно платя.
 В ад и рай загробный верила,
 Корку черную грызя,
 И лукаво лицемерила,
 В бездну горестей скользя...
 Долго б так она, убогая,
 Шла по ложному пути,
 Буераками, отлогами,
 До последнего «прости».
 Вдруг явилось исцеление
 Для измученной, больной,
 Разом смылось нагноение
 Боли страшной, вековой.
 Встала Русь с одра позорного,
 Улыбнулась, как заря,
 От дыханья благотворного
 Чудотворца — Октября.

1920

274. МАКИ АЛЫЕ

Здравствуй, девица
 Синеокая!
 На полях цветы,
 Рожь высокая.
 С неба солнышко
 Улыбается,
 Сердце радостно
 Разгорается...
 Размахнись, рука
 Молодецкая,
 Волю нам дала
 Власть советская.

С плеч свалилось
Злое горюшко,
Ведь земли у нас
Теперь вволюшку.
И паши и сей
Сколько хочется,
Время черное
Не воротится...
Лейтесь, песенки
Разудалые,
Расцвели в душе
Маки алые.
Пой, красавица
Синеокая,
Манит нас с тобой
Рожь высокая!

1920

275. МИР

Мир хорош, безгранно весел
Видал я вчерашним днем.
Кто-то радугу развесил
Над задумчивым прудом.

А до этого алмазы
Рассыпались по полям,
Ночью полог светлоглазый
Опускается к горам.

Утром столько бриллиантов
По лугам, — не соберешь,
А певцы — таких талантов
Средь людей и не найдешь.

А ковры! Какая краска,
Бархат, вышивка, канва...
Мир — чарующая сказка,
Бесконечна и пова.

1920

276. БУДУ Я ПОЛОСЫНЬКУ...

Буду я полосыньку
Жать, жать, жать;
Буду ненаглядного
Ждать, ждать, ждать.
Хотел милый к вечеру
Быть, быть, быть;
Далеко удалому
Плыть, плыть, плыть.
Держит он на митинге
Речь, речь, речь,
Как нужду проклятую
Снять с плеч, плеч,
Чтоб всем было радостно
Жить, жить, жить,
Кровь чтоб было некому
Пить, пить, пить.
Буду всю-то ноченьку
Жать, жать, жать,
Коммунара храброго
Ждать, ждать, ждать!

1920

277. ЗАВОД

Могуч, всесилен, величав,
Дрожит от взмахов, грома стали.
Метают космы жерла труб
В немые дали.

Вздымает тяжесть хобот-кран,
Как воск, металл буравят сверла,
Граничит точно день труда
Сирены горло.

Мелькают блузы, льется пот,
От пара рой седых волокон
Клубится, силится пробить
Просветы окон.

Змеят приводы шестерни,
Чугун и сталь чеканит молот:
Мы гоним прочь от городов
Проклятый голод.

Во всем симфония труда:
Мелодия, аккорды, ритмы,
И в звуках слышится: «Пришли
Сюда творить мы!»

1921

278. ВЕСЕННЕЕ

Весна. Весь мир помолодел,
Я радость общую приемлю,
Каскады огненные стрел
Целуют дышащую землю.

Полей горбатые хребты,
Зимы отбросив покрывало,
Глядят, как в море высоты
Грудятся тучи дымкой алой.

В полях уже носатый плуг
Ерошит гладкие целины,
На молодой муравный луг
Стремится радостно скотина.

Шелков озимых всход ядерн,
Цветные утренники свежи...
Под ранний пташек перезвон
Рыбак раскидывает мрежи.

1921

279. ГРЯДУЩЕЕ ДЛЯ РАТИ ТРУДОВОЙ

Грядущее для нас!
Для нас, пласты поднявших нови
Неведомых целин,
Омоченных потоком братской крови
В дни злых годин!..

Грядущее для нас!
Для нас, творцов счастливой доли
Земных красот!
Блаженств не пить ничтожной моли
Из наших сот!

Грядущее для нас!
Для нас, кующих жизнь иную
Из хаоса страстей,
В семью сплотившись трудовую
Борцов-богатырей!

Грядущее для нас!
Для нас, для пасынков былого,
Зажегших факел мировой,
На страх отжившему гнилому,
На радость рати трудовой.

1921

280. СВОБОДНАЯ ГРАЖДАНКА

Я — свободная гражданка
Из крестьян.
Очи — ясные зарницы,
Щеки алы без румян.

Мило мне полей раздолье,
Я люблю свободный труд,
Руки споро, что машина,
Косят, жнут...

Полюбила я соседа,
Удалого молодца.
Нет в селе примерней парня
Кузнеца.

Я — на воле, в чистом поле,
Он — у пылкого горна,
Будет наша жизнь красива,
Как цветистая весна.

Порешёно наше дело,
Он сказал вчера в ответ:
«Завтра, милая соседка,
Повенчает нас Совет».

То-то будет завтра праздник:
Я — крестьянка, он — кузнец.
Жизнь свободную прославит
Пара спаянных сердец.

1921

281. ПЫЛАЙ, ДУША

Меня тятенька бранит,
Маменька ругает,
Коммунистом Васенькой
Всё-то попрекает.

А я слушаю, молчу.
Вечером собрание, —
Значит, с миленьким у нас
Будет и свидание.

Выйду замуж за него,
С домом распрощуся
И сейчас же в партию
Мигом запишуся...

Надоела старина,
Жить противно в мраке...
Эх, алей, пылай, душа!
Расцветайте, маки!

1921

282. ЗАСУХА

Блекнут клены и орешины,
В уши, ноздри лезет пыль,
На лугу, как ржавы плешины,
Серый треплется ковыль.

Солнце шаром медным светится,
Рожь незрелая шуршит,
Дым и гарь ползет и стелется,
Сталь над лугом не звенит...

Люди хмуры, удрученные,
Думы сердце их грызут:
Мрут надежды вождельенные,
Пропадает даром труд...

Мать-земля грустит томительно,
Скорбь великую тая,
В жажде бури освежительной,
Живоносного дождя.

1921

288. ИДИТЕ С НАМИ!

Пролетариям всего мира

Идите с нами! На бой кровавый
С проклятой, жадной, лихой оравой
Врагов народа. Пусть без пощады
Они погибнут, как злые гады.

Идите с нами! Свободы знамя
Мы держим крепко над головами
Рабов восставших. Все к идеалу...
Смерть властелинам и капиталу!

Идите с нами! В лице России
Для всех народов грядет Мессия.
Мир старый должен как прах погибнуть, —
Мир новый хочет народ воздвигнуть!

Идите с нами! Близка победа.
Вудро Вильсоны падут без слéда.
Лишь напрягите вы ваши силы,
И все вампиры сойдут в могилы.

Идите с нами, народы света!
Настало время, пусть канет в Лету
Весь строй былого, давно отживший,
Как прах ничтожный, дотла прогнивший!

Идите с нами! Свершимте дело,
Чтоб солнцем ярким оно блестело
На всем пространстве земного шара.
Идем смелее, дрожи, мир старый!

1921 ?

284. В ДЕРЕВНЕ

Ребра хат позеленели,
Стекла выцвели от лет,
Где-то скрипнули качели,
Замурлыкал песню дед.

На завалинке сыпучей
Примостились бабы в ряд.
На березе дом из сучьев
Две вороны мастерят.

Малыши по мутной луже
С гиком гонят пароход;
Как былинку, парень дюжий
Плуг к задворкам волокет.

В теплом воздухе истома,
В небе легких туч гряда...
Ждут поля с дождями грома —
И труда!

<1922>

285. ПАХАРЯ ТРУД

Зори огнистые утра румяного,
Травы пахучие блещут росой,
Тучи перистые, маково-рдяные,
Солнца горячего луч золотой.

Гимны согласные, бисерно-звонкие,
Даль изумрудная, речки дуга,
Воды хрустальные, заводи емкие,
Бархат цветистый — луга.

Пахари сильные, руки кряжистые,
Пряники сочной, душистой земли,
Всходы ядреные, плуги лучистые,
Марево-сказка вдали.

По́том политые нивы-красавицы,
Нежно колыхнется шелк-изумруд,
Песнями алыми радостно славится
Пахаря труд!

<1922>

286. ОСЕННЕЕ

Дымятся хмурые овны
Под крик докучный журавлей,
Кораллы сочные рябины
Блестят над сыростью аллей.

Сегодня утром хрупкий иней
Посеребрил откосы крыш,
Покрыто небо дымкой синей;
Вокруг разлиты грусть и тишь.

Река хрусталится в тумане,
Ядрен озимых изумруд,
Веселых уток караваны
Снуют, чеканя ржавый пруд.

По грязи хлопают колеса,
Кадя душистым деготком,
Серпы на отдыхе и косы,
И нет ночного с огоньком.

Наряды сбросили деревья,
Чернее стал ребристый тын.
Плывут в далекие кочевья
Шелки седые паутин.

<1922>

287. МЫ — ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

Мы — заревых лучей потоки,
Мы — весенне-алые цветы,
Мы огневые нижем строки
Всемирной братской красоты.

Мы светозарным горном дышим,
Доменным пламенем горим,
Стальной рукою кровью пишем,
Страницы новые творим.

Бросаем миру мысль-динамо,
Сверлим и будим спящий ум,
И солнце — разум осиянный
Сжигает рои мрачных дум.

Металла звон, полей и горнов,
Приводов шум, сирены рев
Мы ткем умело в стих узорный
И плавим радостный напев.

Мы славим труд превыше солнца,
За святость чтим мозоли рук,
Для нас напевы — веретенца
И гул машин — сладчайший звук...

Пылайте, огненные строки,
Как солнца вешнего лучи.
Мы — мира нового пророки,
Мы — жизни радостной ткачи!

<1922>

288. КРУЖКУ «РАБОЧАЯ ВЕСНА»

Рокочут силы молодые
Потоком вешних бурных вод.
В очах зарницы огневые,
Порыв души — орлиный взлет.

В груди алеющие маки,
Мечты — сияние лучей.
Семья «Весны» — цветные знаки
Родных полей.

Аккордом пламенных созвучий
Вплелися в радугу венка
Звенящий серп с полей пахучих
И молот ковкий от станка.

От чутких струн полей и горна,
Чаруя села, города,
Волной несется благодетельной
Живая музыка труда.

Сильней, дружней звучите, струны,
Будите жизнь, гоните сны,
И души, будьте вечно юны,
Как всходы ранние весны.

1922

289. НАСТЯ

В бога я не верила,
Черта не видала,
С малых лет без устали
В поле работала.

Утром, раннею зарей,
Птицей подымалась
И студеною росой
В поле умывалась.

Верю я в свободный труд,
В силы молодые...
Эх, и любят же меня
Парни удалые.

Я работаю, горжусь
Силою своею
И проклятую нужду
Прогоняю в шею.

Все дивятся на меня:
«Ай да краля Настя!
Девка солнца горячей,
Жить с такою — счастье!..»

Да, со мной не пропадешь
И в жару и в холод,
Потому что верю я
Твердо в серп и молот!

1922

290. ПЕСНЯ ТКАЧА

Ткем мы прочные полотна
Под ритмичный шум машин,
На утók ложатся плотно
Нити тонких паутин.

Веселей ныряй, челнок,
От работы — в жизни прок.

Рдейте, красные знамена,
Ярче вешнего луча,
Перелесков перезвоны
В сердце пылкого ткача!

В звучной музыке стихов
Говор слышится основ.

Было время жизни трудной:
Силы тратили ткачи
За работой тяжкой, нудной,
В грозных окриках: «Молчи!»

И тянулась жизнь без грез,
Полна ужаса и слез.

Миновали дни лихие, —
Сгибли прахом палачи...

Лейтесь, песни огневые!
Будьте счастливы, ткачи!

Веселей ходи, челнок,
Чтоб прочнее был уток!

1922

291. ПЕСНЯ МОСТОВЩИКОВ

В ясный день и непогоду,
Напрягая силы, грудь,
К счастью светлому народу
Мы прокладываем путь.

Камень к камню ткем узоры
По земле, как полотну,
С жаждой воли и простора
Стуком будим тишину.

Что нам вихри, что нам бури,
Молненосная гроза?
Никогда бровей не хмурим,
Хоть песок и ест глаза.

От порезов кровь сочится,
Верим мы — по мостовой
Счастье к нам скорей примчится,
Чем дорогой столбовой.

С каждым камнем по дороге,
С каждым стуком молотка
Меньше скорби и тревоги,
Жизнь становится легка.

1922

292. ГУДКИ

Звон заглушая колокольный,
Гоня прочь вопль мистической тоски,
Зовя на труд живой и вольный,
Ревут гудки.

Из жерла труб фатой-вуалью
Дым рвется в бездну высоты,
Узора темною эмалью
Позолоченные кресты...

В церквах жрецы в истомах лени
Глаголют ложь, туманя ум,
В заводах жизнь народный гений
Под рои светлых дум
Кует для поколений.

1922

293. ЭТО МЫ

(ПРОЛЕТАРИИ)

Это МЫ — пожар всемирный
Ярким пламенем зажгли
И дворцов и тюрем своды
Потрясли!
Это МЫ — оковов звенья
Разметали дерзко в прах
И сожгли кумиров старых
На кострах!
Это МЫ — подняли нови
В царство светлое труда.
Пух пред нашей силой — камень
И руда!
Это МЫ — простор вселенной
Силой взрезали динам,
Грозной бурей пронеслись
По волнам!
Это МЫ — взметнули громы
Из созвучий молотков
И к восстанию подняли
Всех рабов!

1922

294. ГИМН ЮНЫХ КОММУНАРОВ

Ничто нам бури, непогода,
Судьбы удары роковой:
Мы дети вольного народа,
Семьи великой, трудовой.
Мы любим труд и светоч знанья,
Как солнца вешнего лучи,
Мы весен благостных сиянье,
Мы счастья нового ткачи.

Вперед, отважней и смелей,
На труд заводов и полей!
Для нас все радости земли
В сияньи алом расцвели.

Семьей согласной друг за другом
Поднимем выше стяг труда,
Враги мы праздного досуга,
С трудом не сломит нас нужда...
Вождам народным на помогу
Мы труд и силы отдадим,
Они открыли нам дорогу
В мир новый к радостям земным.

Вперед, отважней и смелей,
На труд заводов и полей!
Для нас все радости земли
В сияньи алом расцвели.

Плугов и кос ждут пашни, нивы,
В заводах братья хлеба ждут,
Трудами рук своих мы живы,
Кто любит труд, те не умрут.
Гори, пылай, душа, отрадой,
Кипи в полях, в заводах труд,
Сильнее, тяжкий молот, падай
На груди пламенные руд.

Вперед, отважней и смелей,
На труд заводов и полей!
Для нас все радости земли
В сияньи алом расцвели.

Отцы в неволе наши жили,
Их гнул проклятый капитал.
Цари по тюрьмам их гноили,
Поп нагло адом допекал...
Минули мрачные години,
Возврата нет к позорным дням,
Для нас на прошлого руинах
Воздвигнут правды светлой храм.

Вперед, отважней и смелей,
На труд заводов и полей!
Для нас все радости земли
В сияньи алом расцвели.

1922

295. РОЖЬ

Эка тишь вокруг!
Легко дышится,
Золотая рожь
Не колышется.
Хороша она
Уродилася,
К земле колосом
Наклонилася.
Зерно крупное,
Колосистая
И высокая,
Золотистая...
Это — клад большой,
Лучше золота,
Для республики
Серпа с молотом!
<1894>, <1923>

296. КРАСНЫЕ ПЕСНИ

В мощных звуках красных песен
Рокот музыки живой,
Мир чарующий чудесен,
Манит к жизни трудовой.

Эти песни-чаровницы
Слух ласкают, сердце жгут,
Легкокрылой синей птицей
К счастью светлому зовут...

Звуки алые, неситесь
Перекатною волной,
Вихрем пламенным стучитесь
С вестью грезы молодой.

Для людей станков и нивы
Зори ясные взошли,
В перезвонах, в переливах
Пышно маки расцвели.

Труд свободный счастьем дышит
В блеске трепетных зарниц,
Неземным восторгом пышут
Взор и лица вольных жниц.

С светлой думой гармонично
Средь заводов, шахт и гут,¹
Под металла звук ритмичный
Люди новый мир куют.

<1923>

297. РАБОЧЕЕ УТРО

Утро... Гудок на работу
Рать трудовую зовет,
Небо горит позолотой,
Дрогнул от рева завод.

В пасть многоокого зданья
Льется живая река.
Взоры — зарниц трепетанье,
Грудь закалена, крепка.

¹ Г у т а — помещение, где готовится сплав стекла.

Мускулы-сталь напряженны,
Спаяны все как один,
Воле рабочих покорный,
Ожил завод-исполин.

Синие блузы мелькают,
Гнется железо и сталь,
Мощный аккорд улетает
В алую даль.

В бешеном круге приводы
Лоснятся, пляшут ремни,
Зыблются мрачные своды,
Мечутся горна огни.

Пышет вулканичная домна,
В судорге нервной котлы,
Пара горячего волны
Влажат немые углы...

День начался гармонично,
Руки и мысли в ходу,
Люди, машины обычный
Гимн совершают труду.

<1923>!

298. МЫ ПИЛОТЫ

Выше к солнцу! Мы — пилоты!
Быстролетные орлы,
Наши бурные полеты
Режут воздух жуткой мглы.

Что для нас немые бездны,
Океаны, выси гор?
Нам доступен полог звездный —
Покорили мы простор.

Гром для нас — как лепет детский,
Злым врагам несем мы страх.
Для республики Советской
Мы — защита в облаках...

Будет время, будут схватки,
В блеске трепетных зарниц
Вражьих много на лопатки
Мы стальных уложим птиц.

Мы пилоты, дух наш молод,
Героизм непобедим...
Мы умрем за серп и молот,
Но врагам не отдадим.

<1923>

299. РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Был Николка,
Было колко,
Обдирали,
Обирали
Становые,
Гордовые...
Дули водку,
Били плеткой,
Под дубиной
Гнули спину,
А кричали —
В тюрьмы гнали...
Без скотины,
От мякины
Брюхо пёрло,
Скопом мёрли...
Миновали дни печали,
При Совете
Жизнь на свете:
Хлеба с кашей
Полной чашей,
А землицы —
Полстаницы!

<1923>

300. ТАЛЪЯНКА

Изумрудятся полянки,
Расцветилися луга...
Веселей играй, тальянка,
Дробь откалывай, нога!

Ходит весело мамаша,
Тяпка с плугом впереди,
Есть у нас и щи и каша,
Хлеба вволю, пруд пруди!

Сестры в аленьких платочках
Расцвели, как рдяный мак,
В берестовых лапоточках,
В косах ленты — алый флаг.

Животины — изобилье,
Стал прекрасен белый свет.
От кулацкого засилья
Нам защитою Совет...

Эй, тальяночка-гармошка,
Весели родную Русь!
Для тебя, моя Матрешка,
В коммунисты запишусь.

Чтобы, значит, за венчанье
Батьке денег не платить,
Мы с тобой, мое создание,
По-советски будем жить!

<1923>!

301. ПРАЗДНИК ТРУДА

Улыбайтесь солнцем, селы,
Расцветайте, города,
Запевайте гимн веселый
В честь свободного труда.
Изумрудьтесь, доли, нивы,
Смейтесь, реки в берегах.

Мы привольны, мы счастливы,
Вейся выше, алый стяг.

Лейся, песен перезвон,
В алом пурпуре знамен!

Мы, сыны станков, приводов,
Вольных пашен и лесов,
Возвеличим труд заводов,
Шахт, полей и рудников.
Что нам неба позолота,
На заре свирели звук?
Нет ценнее капли пота,
Краше нет мозольных рук!

Солнце — горн, сияй, гори
Ярче пурпура зарн!

Лейтесь, песни, по просторам,
Грудь от счастья пламеней,
Пусть подхватят дружным хором
Братья нас из-за морей.
И в единый гимн сольются
Трудолюбцев голоса,
Страшной бурей пронесутся,
Потрясая небеса.

То для работы трудовой
Будет радостью живой!

Выше, выше, стяг свободный,
Пойте, села, города,
Нынче праздник всенародный
В честь великого труда.
Набирайтесь сил на воле,
Взор ласкай наш, изумруд, —
Завтра нас с счастливой долей
Вновь к себе заводы ждут.

Развевайся шире, стяг, —
Мы у праздника в гостях!

1923

302. ВОЖДЬ В ГРОБУ

Томительно... Горько...
Думы печальные сердце гнетут...
Бродят вечерние тени...
Двадцать первое января...
В шесть пятьдесят минут
В Горках умер Ленин...

Вождя нету...
Сердце остановилось...
Это для пролетариев
Всего света
Лучезарное солнце закатилось.

Не было и нет
Печали печальней —
Вождь в гробу, —
Который взволновал весь мир,
Звал и вел народ
На борьбу!

Январь 1924

303. КРЕСТЬЯНКЕ

Тебе, свободная крестьянка,
Я посвящаю вольный стих.
В трудах с тобой мы спозаранку:
Ты на полях, я в мастерских.

С серпом ты в поле, с зорькой алой,
Подобна вешнему лучу,
Я — неустанно в грудь металла
Тяжелым молотом кую.

И ты и я живем недаром:
Прекрасен наш с тобою путь,
Горят у нас с тобой пожаром
Сердца и пламенная грудь.

Нам нипочем пучины, мели,
Метели вой и бурный гром,
Добьемся мы заветной цели
Упорным радостным трудом.

Плечо с плечом идем мы плотно,
Одним желанием полны:
Скорей пусть алые полотна
Блеснут кругом, как луч весны.

Крестьянка ты, а я рабочий.
Два мира — мира сильных и живых,
Союз мы дружеский упрочим
Для схваток в бурях огневых.

1924

304. ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

(1905 ГОД)

1

Декабрь... На улицах Москвы
Поднялись грозно баррикады,
Ожесточенные, как львы,
Снуют дружинников отряды.
В сердцах кипит, бушует месть,
В глазах неистовая злоба:
Всех палачей, как мусор, сместь,
Развеять, схоронить без гроба.
Давно желанный час настал,
Минуты близятся отмщенья,
К врагам идет девятый вал
За вековечные мученья.
На гребнях красных баррикад
Под грохот стали и железа,
Как в бурю шумный водопад,
Гремит и льется «Марсельеза».
Молчат заводы и гудки,
Но жизнь кипит огромной лавой;
Пусть отдыхают молотки —
Народ спешит на бой кровавый.

Страстная площадь... тишина...
 В раздумьи Пушкин с пьедестала
 Глядит, как, ужаса полна,
 Былого власть затрепетала.
 Две пушки, пьяный офицер,
 На колокольне пулеметы.
 Команда: «Строй, верней прицел,
 Громи изменщиков оплоты».
 Тупых семеновцев орда —
 В руках штыки, а сбоку плети,
 А на бульваре, как всегда,
 Старушки няни, с ними дети...
 Удары пушек, звон стекла,
 Нагаек свист, плев пулемета —
 И кровь невинных потекла...
 Смеялась храма позолота...
 Детишек плач и няней стон
 Съедали, заглушали пушки.
 Огонь и смерть со всех сторон...
 Дрожал на пьедестале Пушкин.

Алел от крови хрупкий снег,
 Утихли красочные песни.
 Три дня кружился адский смех
 По всей Москве до самой Пресни.
 Зияли ранами дома
 От бесшабашного угара.
 Без фонарей ночная тьма
 Ласкалась заревом пожара.
 В подполье вновь ушли борцы.
 Они ушли, но не смирились,
 На теле их легли рубцы,
 Иные с жизнью простились.
 Но месть сильнее залегла
 В сердцах восставшего народа.
 Вокруг сгущалась злая мгла,
 А впереди ждала свобода.

Девятьсот пятый славный год
Собою путь пробил далече,
Восстаньем он сплотил народ,
И Октябрю он был предтечей.

1925

305. ПАМЯТИ Е. Е. НЕЧАЕВА

Не от мягкой колыбели
Белокаменных палат —
От полей бесплодных, елей,
От убогих, бедных хат,
Где душил всё произвол,
Он пришел.

Он пришел к стеклу и гуте
С юной чистою душой,
Где, как зверь лихой и лютый,
Рок давил его собой.
Так под резкий звон стекла
Юность шла.

Рос он с думой заповедной,
С окрыленную мечтой,
Будет время, гром победный
Пронесется над страной...
И тогда легко вздохнет
Народ.

Был не легок путь тернистый,
Не дарила ласк судьба,
Бури, грозы, сумрак мгlistый,
С злобой вечная борьба.
Жизнь без радостей, тепла
Протекла.

Он не падал, не склонялся
Под ударом роковым,
Креп и выше поднимался
Духом к далям голубым
И под тяжестью невзгод
Шел вперед.

Смолк родник живой, кипучий,
Пробуждавший сон в глуши,
Сломлен бурей дуб могучий,
Струны порваны души.
Песнь не спета до конца —
Нет певца!

Нет певца, но песни живы,
В них Нечаев не умрет,
И в немолчных переливах
Песни радостно вперед
Трудовую в мире рать
Будут звать!

Конец 1925

306. ХЛЕБОРОБ

Хлебороб идет по пашне.
Руки тверды, бронза — грудь.
Был он жалкий раб вчерашний,
Нынче волен путь.

Жаром конь объят, не дрожью,
Говор слышится копыт:
Коль хозяин будет с рожью,
И я сыт.

Плуг сияет перед солнцем:
Новь-целину мы грызем,
Чтоб скорей блеснул червонцем
Чернозем...

Чешут бархат зубья борон,
Камни мечут огонек:
Будет хлеб, не сядет ворон
На конек!

Вторая половина 1920-х годов ?

307. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Дымятся тракторы в просторах,
Чернеет бархатом земля.
Куда ни кинь лучистых взоров —
Везде безгранные поля.

Исчезли узкие полоски,
Пропали сорные межи,
И песню новую запели
Колосья ржи.

Не видно в поле кляч ребристых,
Не слышен свист кнута.
Ликуют внук и дед.
Вколочен клин в быльё гнилое,
И нет ему возврата, нет!

Всё это признак жизни новой,
Предтеча славный из предтеч!
Ласкайте, пламенные зори,
Загар лица и бронзу плеч!

1929 или 1930

А. М. ГМЫРЁВ

Алексей Михайлович Гмырев родился 17 марта 1887 года в Смоленске. Его отец, по происхождению из крестьян, работал железнодорожным кондуктором. В возрасте девяти лет Гмырев потерял мать, место которой в семье вскоре заняла мачеха.

Окончив начальное училище, Гмырев затем около трёх лет занимался в городском шестиклассном училище, но после смерти отца в 1902 году учебу пришлось бросить «по недостаточности средств».

Вынужденный зарабатывать себе на хлеб, пятнадцатилетний Гмырев отправился в Николаев, где жил его старший брат Афанасий, работавший на судостроительном заводе. В мае 1902 года будущий поэт был принят учеником в котельный цех этого завода. Работая одиннадцать-двенадцать часов в сутки, он получал по четыре копейки за час, но при расчете оказывалось и того меньше, так как штрафы взимались за малейшую провинность.

Наступил июль 1903 года — месяц решительных выступлений пролетариата на Украине. 21 июля в Николаеве прошла массовая политическая демонстрация рабочих, в которой принял участие Гмырев. Юноша сразу же был замечен полицией и в тот же день увольняется с завода.

Спустя три года Гмырев вспоминал это время: «Я верил в жизнь и, поддаваясь ее сладким обманам, бросался к ней в лучи объятий, не замечая ее уродливой, истинной физиономии. А она, приласкав на миг, начинала осыпать меня злыми, беспощадными ударами. Эти удары заставили меня призадуматься над поисками породивших их причин. Поиски продолжались недолго, и я скоро убедился, что эти удары были не чем иным, как следствием тех социальных отношений, в которые я поставлен как отдельная единица многомиллионного класса наемных тружеников.

Я увидел, в каких поразительных сходствах находится моя личность с моими товарищами по образу жизни. Я увидел, как жизнь одинаково принимала нас в свои объятия, одинаково отталкивала и била. Так зарождались во мне трезвые, продуманные взгляды на явления жизни, так развивалось и определялось в конкретные формы мое классовое самосознание. И я, в конце концов, стал под красное знамя борющегося за свое освобождение от эксплуатации пролетариата. И с тех пор моя борьба служила для меня прочным фундаментом моего личного и общего счастья, и я горел гордым, счастливым огнем революционера-пролетария».¹

Из жандармских материалов, относящихся к революционной деятельности Гмырева в конце 1904 и в начале 1905 годов, видно, что после увольнения с завода он участвовал в работе Николаевской организации РСДРП. Очевидно, по ее заданию он уехал в Одессу для участия в предполагавшейся там демонстрации. По приезде туда Гмырев был арестован 12 декабря 1904 года, но вскоре освобожден.

После Кровавого воскресенья среди рабочих Николаева начались волнения. Городской комитет РСДРП выпустил посвященную этим событиям прокламацию «Ко всем рабочим города Николаева», в распространении которой, как видно из жандармских донесений, принимал активное участие Гмырев.²

24 января 1905 года он в числе 32 лиц был снова арестован. По выходе из тюрьмы 31 января 1905 года Гмырев с еще большей энергией продолжал вести агитацию среди рабочих завода. «Идейный революционный деятель ... энергичный распространитель в больших массах революционных изданий», — так охарактеризовала жандармерия молодого восемнадцатилетнего пропагандиста в одном из документов 1905 года.³

13 февраля 1905 года, когда на судостроительном заводе вновь вспыхнула забастовка, Гмырев был задержан жандармами. При обыске у него обнаружили много различных прокламаций,⁴ только что полученных им на складе нелегальной литературы.

¹ Рукописная тетрадь А. М. Гмырева, ЦГАОР, фонд 1167.

² Донесение николаевской жандармерии директору департамента полиции от 11 февраля 1905 г., ЦГАОР, фонд ДП.

³ Донесение николаевской жандармерии в департамент полиции от 27 июля 1905 г., ЦГАОР, фонд ДП.

⁴ Революционная деятельность Гмырева в это время уже настолько настораживала жандармерию, что о его аресте 13 февраля 1905 г. было дважды донесено Николаю II в еженедельных записках от 17 февраля и 10 марта 1905 г. (ЦГАОР, фонд 102).

Сохранившиеся архивные документы рисуют Гмырева как стойкого революционера, непримиримого врага самодержавия.¹

В херсонской тюрьме, куда Гмырев был переведен уже из Елисаветграда, он занимался самообразованием, изучал политическую экономию. Но тюремные условия начали губительно сказываться на его здоровье. По совету товарищей Гмырев подал прошение об освобождении под надзор полиции и в конце июля 1905 года был выпущен под поручительство в сто рублей.

В дни стремительного нарастания революционных событий, после героического восстания на броненосце «Потемкин» перепуганные городские власти Николаева начали изолировать наиболее деятельных членов Николаевской организации РСДРП. Имя Гмырева попало в «Списки лиц, пребывание коих в пределах... николаевского градоначальства признано... безусловно вредным»,² а николаевский градоначальник вынес постановление о его высылке.

По приговору суда, который состоялся 12 сентября 1905 года, Гмырев должен был быть освобожден, но во исполнение постановления николаевского градоначальника вновь возвращен в херсонскую тюрьму. 18 сентября 1905 года Гмырева отправили по этапу в Самару, а затем в Симбирск. По дороге в Симбирск ему удалось скрыться и вернуться в Николаев.

Безработица, на которую Гмырев был обречен вместе со многими другими участниками июльской забастовки 1903 года, недоедание, а подчас и голод неумолимо разрушали его здоровье. Долгие часы приходилось ежедневно бесплодно затрачивать на поиски хотя бы случайного заработка.

В это время у Гмырева завязываются теплые дружеские отношения с М. А. Козловой, которые вскоре переросли в глубокую любовь юноши к молодой работнице-швее, ставшей его невестой.

К этому времени относятся и первые опыты молодого революционера в поэзии. Стихи его были откликом на героическую борьбу николаевских рабочих, на грозные события Московского вооруженного восстания.

После поражения Декабрьского вооруженного восстания реакция перешла в наступление. Массовые аресты передовых рабочих начались и в Николаеве. Жандармерия доносила о том, что Гмырев «прибыл в Николаев с целью агитации за освобождение аресто-

¹ См. протокол допроса А. М. Гмырева от 14 февраля 1905 г., ЦГИА УССР (в Киеве), фонд 348.

² Донесение николаевского градоначальника в ДП от 27 сентября 1905 г., ЦГАОР, фонд ДП.

ванных в декабре и январе сего года вооруженной силой». ¹ 27 января 1906 года он вновь оказался в тюрьме.

Четыре месяца просидел Гмырев в николаевском исправительно-арестантском отделении. Требуя немедленного освобождения, восемьдесят заключенных — и в их числе Гмырев — с четвертого по седьмое апреля 1906 года провели голодовку. ² Только в конце мая Гмырев был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию. Но 30 июня 1906 года архангельская жандармерия уведомляла, что «состоящий под гласным надзором полиции в городе Холмогорах Алексей Михайлов Гмырев (дело № 761) 20 сего июня скрылся неизвестно куда». ³

В конце июня 1906 года Гмырев вернулся в Николаев. До конца августа, живя на нелегальном положении, он продолжал вести пропагандистскую работу в кружках рабочей молодежи. Однако оставаться дольше в городе становилось крайне опасно.

В последних числах августа 1906 года Гмырев был в Елисаветграде. Отсюда он писал Козловой: «Скоро нашу многострадальную Россию охватит всеобщее восстание. Трудовой народ свергнет царский ненавистный произвол и завоюет себе вольную волюшку. И я, свободный, гордый, вновь прилечу в Николаев». ⁴

В Елисаветграде Гмырев стал жертвой нелепой случайности. В сентябре 1906 года он зашел на квартиру А. И. Прочухана, товарища по Николаеву. В этот момент там проводился обыск, так как хозяин квартиры подозревался в убийстве местного помещика. Появление Гмырева привело к тому, что он был привлечен к следствию по этому делу. Обстоятельства складывались для него как нельзя хуже. Побег трех обвиняемых в убийстве лиц чрезвычайно осложнил положение поэта как подследственного. И все же Гмырев не падал духом. «Борьба есть счастье революционера, — записал поэт в своей тюремной тетради, — только у одних она в большей мере связана с различными невзгодами и лишениями, а у других — в меньшей». ⁵

Вскоре после ареста Гмырев, помещенный среди уголовных, завязал переписку с политическими заключенными, находившимися

¹ Сведения об арестованных в 1906 г. по Херсонской губернии, ЦГАОР, фонд ДП.

² О том, что Гмырев участвовал в голодовке, свидетельствует его незаконченное стихотворение «Примирение».

³ О состоящем под гласным надзором полиции Алексее Михайлове Гмыреве. Донесение жандармерии г. Холмогоры от 30 июня 1906 г. Гос. архив Архангельской области, фонд 1323.

⁴ Алексей Гмырев, За решеткой, М., 1926, с. 14.

⁵ Рукописная тетрадь А. М. Гмырева, ЦГАОР, фонд 1167.

в других тюрьмах Херсонской губернии, в частности с Е. Л. Афониним.¹ Последний заинтересовался молодым человеком и в дальнейшем принял горячее участие в его судьбе.

Как поэт Гмырев в этот период работал уже систематически. В целом ряде стихотворений он живо откликался на события тех дней. Друзья поэта на воле, получая его поэтические произведения, использовали их в своей пропагандистской работе. Особенно большим успехом пользовалось стихотворение Гмырева «К сердцу».

В 1907 году Гмырев, еще имея возможность нелегально получать социал-демократическую литературу, делает выписки из «Библиотеки социал-демократа», переписывает в тетрадь программу РСДРП, принятую на Втором ее съезде.

Почти полтора года — до тех пор пока в Елисаветграде не была выстроена новая каторжная тюрьма — Гмырев неоднократно переводился из Елисаветграда в Херсон и обратно. В любую погоду, в любом состоянии здоровья, без теплой обуви и одежды, уже больной туберкулезом, этапным порядком он переправлялся из тюрьмы в тюрьму.

Мрачная атмосфера уголовного отделения не подорвала душевных сил поэта. В письме к брату Афанасию от 5 мая 1907 года звучат такие слова: «Я изнываю без борьбы, любви и счастья ... но я креплюсь, верю...»²

Лишь 26 января 1908 года, через шестнадцать с половиной месяцев после ареста Гмырева, состоялся суд над обвиняемыми в убийстве помещика. Участие в нем Гмырева, разумеется, не было доказано. «По своему убеждению такого преступления совершить не мог», — категорически заявил на суде Гмырев.³ Однако приговором суда присяжных (состав был черносотенный) Гмырев был признан виновным и приговорен «по лишению всех прав состояния, к ссылке в каторжные работы сроком на десять лет». Учитывая возраст подсудимого (к моменту суда Гмыреву не было 21 года), срок был снижен на одну треть, то есть до шести лет и восьми месяцев.

Так царское правительство расправилось с Гмыревым — еще одним талантливым поэтом России. То, что это была расправа,

¹ В 1906 г. арестован в с. Голта Херсонской губ. за пропаганду среди крестьян и рабочих и в 1908 г. выслан в Тобольскую губ. (Справка Московского охранного отделения от 24 февраля 1911 г., ЦГАОР, фонд МОО.)

² Рукописная тетрадь А. М. Гмырева, ЦГАОР, фонд 1167.

³ «Суд». — «Новороссийский край», Елисаветград, 1908, 30 января.

подтверждают материалы, касающиеся совершенно другой группы лиц, действительно повинных в убийстве.¹

В одиночных камерах елисаветградской каторжной тюрьмы томился закованный в кандалы Гмырев с конца 1908 года по апрель 1911 года. Режим был особенно жесток: раз в месяц на одном полулистке бумаги разрешалось отправить письмо одному лицу, свидание — раз в месяц на пятнадцать минут. Обращение на «ты», грубость и издевательства тюремщиков, а в случае протеста — карцер и телесные наказания, — таковы были условия, в которых протекали последние годы жизни поэта.

В заключении Гмырев много времени посвящал поэтическому творчеству, хотя, как вспоминал Афонин, в 1909 году «начальник запретил ему писать стихи, говоря, что это «чепуха» и зря переводить бумагу он не даст».²

Через посредство Афонина несколько стихотворений поэта появилось в печати. Много радости Гмыреву доставило письмо Афонина от 9 апреля 1910 года, где он сообщал: «Поздравляю тебя с первым крещением твоей музыки. Сегодня в 5 часов утра вышла из-под типографского станка твоя «Музыка». Последовательно будут выходить и другие твои творы».³

В тюрьме Гмырев усердно занимался самообразованием, чтением художественной литературы. В этом помогал ему вернувшийся в Москву осенью 1909 года из ссылки Афонин, который посылал необходимые книги (из числа их сохранилась одна: «Происхождение жизни» Дарвина, а также новые сборники поэзии, среди них стихотворения В. Брюсова). Елисаветградские друзья также часто передавали Гмыреву книги. «Помню, среди них были томики стихов Пушкина, Лермонтова, Беранже», — вспоминает А. В. Семенова.⁴

Весной 1910 года Гмырев ожидал высылки в Сибирь на поселение, но был неожиданно возвращен в одиночку, а через год, уже смертельно больной, еще раз отправлен этапом в херсонскую каторжную тюрьму. Там, в тюремной больнице, 11 сентября 1911 года оборвалась его жизнь.

¹ «Аграрное движение в годы Первой русской революции». — Сб. «Красные вехи», Первый выпуск, Зиновьевск, 1925, с. 180.

² Е. Л. Афонин, Воспоминания об А. Гмыреве. — А. Гмырев, За решеткой, М., 1926, с. 10.

³ Творы — сочинения (укр.). — *Ред.*

⁴ Автограф воспоминаний А. В. Семеновой; о ней см. с. 437.

308. ЛАДЬЯ ЖИЗНИ

Мы летели в ладье по широкой реке,
В путь за счастьем отправились смело.
Долго ветра попутного ждали в тоске,
Мысль отвагой свободной горела.

Вдалеке наш маяк, словно солнца восход,
Чуть блестел, утопая в лазури.
Ловко правя рулем, говорил я: «Вперед!
Нам не страшны зловещие бури!»

Ты запела: «Вперед! Нам так хочется жить,
Что для жизни прощаем невзгоды.
Жизнь свою мы хотим за других положить,
Биться стойко за счастье свободы».

Песня эта неслась высоко в небеса.
В этот миг мы не знали бессилья,
И на легкой ладье напряглись паруса,
Как орлиные, мощные крылья.

.
.
С прихотливой судьбой мы затеяли спор,
Нас манили свободы картины.

Октябрь 1905

309. БЕГЛЕЦ

И блеск и солнце. Цветут снежинки
На иглах сосен, на сизом льду...
Хрустящей лентой лесной тропинки,
Разбив оковы, иду, иду.

За тихой рощей, в морозном поле
Поют отзывно колокола...
Покой и роскошь! Легко на воле!
Душа, как утро, светла, светла...

Благоговейно склонив колени,
Внимаю пенью колоколов...
Ликует небо. Зыбятся тени,
В душе молитва без слов, без слов.

Вспорхнула птица, с ветвей березы
Алмазы пали на волоса...
А в белом царстве невесты-грезы
Ее владенья — леса, леса...

На зов любовный из стен темницы
Я темной ночью бежал сюда,
Я верил зову моей царицы
И буду верить всегда, всегда.

Здесь недоступен я стал отныне
Моим тиранам, моим врагам.
И в сердце леса моей святыне
Из скорби плена воздвигну храм...

Простор и воля! Цветут пушинки,
Зыбятся тени в дневном бреду...
Густой чащобой, свернув с тропинки,
Высокий, сильный, иду, иду!

Октябрь 1905 (?)

310. ПРИЗЫВ

Нет, товарищи! Так долгие жить нельзя!
Лучше смерть, чем жизнь позорная рабов!
Выходите же на улицу, друзья,
Из своих прогнивших домиков-гробов!

Прочь бессилье! Становитесь в ряды,
И вперед, на верх горящих баррикад!
За свободу! Против мрака и нужды!
Тот изменник, кто вернется с них назад.

Кровь прольется... Ну так что же? Без крови
Ни один народ свободы не добыл, —
Царство воли, царство счастья и любви
Люди строят на развалинах могил.

Вот и мы на месте тюрем и дворцов
Наше царство вечной правды создадим
И за рабство наших дедов и отцов
Всех врагов позорной плахой наградим.

А героев, павших в битве роковой,
С честью в братскую могилу отнесем,
И курган ее мы вольною толпой
Вечной памяти цветами уберем.

Выходите же на улицу скорей,
На борьбу, на верх горящих баррикад!
Стыдно жить под гнетом мрака и цепей.
Смерть иль воля! — вот наш лозунг и набат.

1905 или 1906 (?)

311. НАБАТ

В черном мраке душевной ночи
Стонет злой набат;
Толпы грозные рабочих
В улицах кишат.

Из жилищ-гробов с проклятьем
 Вековым цепям
Они встали дружной ратью
 На беду царям.

И на место жизни ада,
 Где давил их мрак,
Вырастают баррикады,
 Рвется красный флаг.

И под знаменем восстанья,
 Воли и борьбы
Бьются с тьмой, горя сознаньем,
 Гордые рабы.

А набат мятежным словом
 Бьет их по сердцам:
Смерть врагам! Долой оковы!
 Жизнь и честь борцам!

В черном мраке душевной ночи,
 В боевом дыму
Рать свободная рабочих
 Рушит жизнь-тюрьму.

1905 или 1906 (?)

312

Не грусти, не тоскуй, умоляю тебя!
 Верь: промчатся часы непогоды!
Вновь я буду с тобой, и, друг друга любя,
 Будем жить для борьбы и свободы.

20 мая 1906

313. К МАРУСЕ

Лети, моя песня, на юг благодатный,
К далекой, тоскующей милой моей.
Аккордом чарующим, тихим и внятным,
Пропой, что уж скоро вновь буду я с ней.

Лети, моя песня тяжелой печали,
В далекий, как к счастью и радости, путь,
И пусть твои тихие, грустные звуки
Борьбой за свободу зажгут ее грудь.

Лети, моя песня, несися быстрее,
Зови ее в битву с редющей тьмой.
Скажи ей, что всюду грозней и грознее
Взвивается знамя за день золотой.

Лети, моя песня, на юг благодатный,
К далекой, сияющей нежной звезде.
Скажи, что мне люди владеть ей не дали,
Но всё ж я душой с ней всегда и везде.

Между 8 и 10 июня 1906

314

От простора и шири привольных степей,
От весны, беспредельно любимой,
Я оторван велением злых палачей
И заброшен на север постылый.

*Между 12 и 20 июня 1906
Холмогоры. Арх. губ.*

315. К М<АРУ>СЕ К<ОЗЛО>ВОЙ

Счастье мое, радость!
Как мне тяжело,
Что уходит младость.
Горе ж не ушло.
Счастья мгновенья
С бою мы берем
И опять в мученье
Снова счастья ждем.
Не дают нам люди,
Чтобы мы сошлись,
Чтоб две страстных груди
В одну грудь слились.

И зачем, родная,
Люди не поймут,
Что, нас разлучая,
Всё у нас берут.
Молодость и силу
Бросают к ногам,
Лишь одну могилу
Оставляют нам.
Тяжело, родная,
Тяжело так жить!
Сердце, замирая,
Ноет и болит.

Конец 1906

316. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

По мрачным сводам каземата
Блеснул луч солнца золотой.
Луч умирающий заката
Блеснул и скрылся за стеной.

Давно угасшая надежда
Грудь узника на миг зажгла,
На миг! И вновь сомкнулись вежды...
Так жизнь безрадостна и зла.

Конец 1906

317. ПОСВЯЩАЕТСЯ АНЕ Б — РЕВОЙ

В моей жизни, холодной, жестокой,
Словно в нежном и радостном сне,
Вы блеснули звездой далекой!
Да, далекой, но близкой ко мне.

Образ ваш никогда не утонет
В этом мире лишений и мук.
Где всё доброе, честное стонет,
Где протест — умирающий звук!

Конец 1906

318. ИЗ СТЕН ТЮРЬМЫ

Я пишу теперь тебе, моя родная,
Моя славная, далекая моя.
Смотрит ночь в окно глубокая, немая.
Всё уснуло. В мире грез витаю я.

Мне хотелось бы певучею стрелою
Полететь к тебе, прильнуть к твоей груди.
Всю зажечь тебя тяжелою борьбою,
Осветить наш путь далеко впереди.

Мне хотелось бы с печалью пред тобою
Обо всем тебе поведать, рассказать:
Что устал уж я бороться с злой судьбою,
Что устал уж я томиться и страдать.

Гаснет медленно, мучительно и больно
Пламя страстное кипучих, юных сил.
Вспоминается прошедшее неволью,
И мне кажется, что жил я и не жил.

Давит грудь мою жестокая неволя.
Я один... один... Мне некому излить
Злой тоски... От жуткой, острой, жгучей боли
Сердце стонет и зовет меня любить.

Но напрасен зов; ночь... тихо всё... ни звука.
Всю тюрьму сковал какой-то общий сон,
Да летит к тебе моя живая мука...
Не могу писать — из груди рвется стон.

Конец 1906

319. К М. А. КОЗЛОВОЙ

Грустно мне, родная! Почему — не знаю,
Но трепещет сердце, ноет и болит!
Да тревожно рвется, тихо замирая,
Из неволи мрачной. Всё вокруг молчит,

Лишь во мраке ночи жутко, монотонно
Ветер свою песню жалобно поет.
В звуках этой песни слышны боль и стоны,
А тоска мне сердце всё сильнее гнетет.

В эту ночь страдания и душевной муки
Я б хотел склониться на родную грудь
И под стоны ветра, под ненастья звуки
Горестно и нежно, всё забыв, заснуть.

И во сне счастливым, в радостном сиянье
Солнца золотого, в трепете лучей
Ждать с тобой, родная, пылко свиданья,
Любоваться блеском голубых очей.

О, явись, голубка! О, явись, святая!
Хоть на миг явися, укрепи в борьбе.
Не хочу я в битве, вечно дорогая,
Покориться горю, уступить судьбе!

А во мраке ночи слышна заунывная
Песня ветра с полночью, навевая сон.
Скоро ли раздастся солнца песнь призывная
И охватит пламенем Русь со всех сторон?

Конец 1906

320. В ТЮРЬМЕ

Грустно, грустно. Ночь осенняя глядит
В мою душную, постылую тюрьму.
Тихо, тихо сердце бедное стучит,
Счастья хочется и волюшки ему.

По сырým стенам, от света ночника,
Тени мертвые докучливо скользят.
Сердце гложет непонятная тоска,
Думы ж гордые на волюшку летят.

А. М. Гмырев

Им не страшен рок уродливой судьбы:
Их враги бессильны в цепи заковать.
Мои мысли ведь титаны — не рабы
И, свободные, на волюшку летят!

Эх, уймись, тоска-злодейка, замолчи!
Мои мысли улетели далеко,
Где борьба, где жизнь, где гинут палачи
И народ живет свободно и легко.

Хоть глядит в окно мучительная ночь,
Но несется непокорных дум река.
И с груди летит докучливая прочь —
Злая, злая непонятная тоска.

Конец 1906

321. С НОВЫМ ГОДОМ!

С Новым годом, товарищи, братья, борцы!
С Новым годом! Смотрите бодрее.
Нам свобода скует яркой славы венцы,
Алой кровью зари пламенея.

С Новым годом! Из стен ненавистой тюрьмы
Наша красная песня пусть льется.
Верьте! Тот, кто не любит удушливой тьмы,
С гордым призывом вмиг отзовется.

Отзовется и смело и гордо пойдет
С пролетарской могучею ратью.
И, свободный, как море, он грозно снесет
Зло, насилие, ложь и проклятья.

С Новым годом! Забудем же ссоры, раздор,
Этот год, год народного мщенья.
Пусть же наша семья, всем тиранам в укор,
В эту ночь поет песнь испуленья.

*30 декабря 1906
Херсонская тюрьма*

322. НЕ ЖДИ МЕНЯ

Не жди меня... Без чувства сожаленья
Я от тебя свободно ухожу.
Я за любовь твою святые убежденья
К ногам твоим, как раб, не положу.

Я не могу отдаться без изъятия
Безумной прихоти своих страстей,
Когда вокруг меня звучат проклятья,
Свистят бичи, царит позор цепей.

Меня зовут. Простимся, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня...

1906 (?)

323. АЛАЯ

Мы идем навстречу солнцу. Мы идем
И свободе песню алую поем.
Алым звоном над землей гудит она,
Пробуждая, ужасая, как война.
И сзывая гордых сердцем и душой,
Мощно льется наша песня над землей.
Мы идем навстречу солнцу, мы идем
И свободы знамя алое несем.
Кровью солнца мы окрасили наш стяг,
И горит он, побеждая вещий мрак.
Креп по павшим — стяга черное древко.
Хорошо нести нам знамя и легко.
Мы идем под алым стягом, мы идем
С алой песней, алым солнечным путем.
Труден путь наш, полный терний и смертей,
Но зато он самый алый из путей.
Длинен путь наш, непрерывный, вековой,
Но зато он самый чистый и прямой.
Нас немного, нас немного, но в пути

К нам примкнут борцов мильоны, чтоб нести
Наше бремя, наше знамя, волю, кровь.
Мы безумны, но бессмертны, как любовь.
Так долой же плач и отдых у могил!
Дальше, дальше все, кто солнце полюбил.
Мы идем навстречу солнцу, мы идем,
Мы идем и знамя алое несем.

Конец 1906 — начало 1907 (?)

324. МОИ ПЕСНИ

Для кого я пою? Мои песни тюрьмы
Ведь едва ли полезны народу.
Не рассею я ими удушливой тьмы,
Лишь тоскою своей, как дыханьем зимы,
Омрачу день грядущей свободы.

Но я всё же пою! Грустно, песня моя,
Ты, как слезы, невольная, льешься,
То любовью, то горечью тихо звеня.
Я пою для тебя, дорогая моя,
Ты одна на нее отзовешься.

Нет ни звука веселья у песни моей,
Нет конца беспредельной печали.
Отзовись же, родная, откликнись скорей!
И зажги мое сердце любовью своей,
Чтобы струны борьбы зазвучали.

2 января 1907

325

Умирая во мраке холодном,
Я не сплю
И ловлю
Звуки ночи морозной. И вновь надо мной
Кто-то реет незримо... И тихо, без слов
Мне поет о счастливом, свободном...

Мне тепло... хорошо... Сиротливо луна
Сквозь решетку в окно мое тускло глядит,
Озаряя тяжелые своды...

А ко мне
В тишине
Кто-то нежно склонился и грезю сна
Мое сердце обвеял... Но сердце не спит...
Сердце хочет не сна, а свободы!

2 января 1907

326. НА СМЕРТЬ М. К<ЛИН>А

18 января 1907 г. в херсонской тюрьме
был убит часовым через «волчок»
политический заключенный.

Пал борец, сраженный пулей,
С криком мести на устах.
Пал предвестник грозной бури,
В палачей вселяя страх.

Гордый пасынок свободы
Ненавидел тяжкий гнет.
И в тюремных мрачных сводах
Голос твой звучал: «Вперед!»

Спи, товарищ, спи спокойно,
Час расплаты настает.
Семя мести всенародной
Грозно зреет и растет.

Спи! Во тьме зловещей ночи
Образ твой горит борьбой.
Спи, товарищ, спи, рабочий!
Мы с тобой, всегда с тобой!

18 января 1907

Если, от душевной муки изнывая,
 Я в неволе песню грустно запою
 И, от юной страсти горестно сгорая,
 Изолью в той песне всю любовь мою;

Если жажда жизни и борьбы порывы
 Закипят, как море бурное, во мне
 И любви сердечной гордые призывы
 Из груди помчатся в жуткой тишине;

Если беззаботной легкою мечтою
 Горячо любимый образ промелькнет
 И, сияя счастьем, нежною рукою
 Из темницы душевной к жизни позовет, —

Я хочу в порыве гневного бессилья
 О сырые стены голову разбить
 И своею смертью доказать насилью,
 Что орел не может без свободы жить.

Между январем и 12 марта 1907

Гори, мое сердце, бестрепетно, смело,
 Не прихотью чувств, не бесплодной тоской,
 А жаждой великого общего дела
 В борьбе за свободу отчизны родной.

В тюрьме я. А там, за стенами, на воле
 Борьба... Там дрожат властелины-цари...
 Телами борцов покрывается поле...
 Гори, мое сердце, сильнее гори!

Крепки еще цепи тупого насилья!...
 Темно. Чуть забрезжился отблеск зари.
 О, если бы вольности, вольности крылья!
 Гори, мое сердце, сильнее гори!

Гори! Твое страстное, гордое пламя
Охватит немало таких же сердец.
Гори, мое сердце, как красное знамя,
Которое поднял рабочий-борец.

Между январем и апрелем 1907

329. К ДРУГУ

М. Ф — ке

Ты прав, мой дорогой! Мое к тебе посланье
Было лишь вспышкой поднявшихся страстей,
Минутной вспышкой, и вновь язвит страданье
Грудь гордую. Вновь ряд тоскливых дней,

Унылых, серых дней, без радости и света,
Без ласки дружеской, без воли и борьбы...
Лишь долетит порой звук дальнего привета
Друзей покинутых... Уродлив рок судьбы!

А как хотелось бы еще хоть на мгновенье
Из стен зачумленных на волю улететь
И, цепи разорвав гнетущего сомненья,
В борьбе иль победить, иль гордо умереть.

Нерадостная жизнь. Бесплодно догорают
Дни юности моей в оковах пустоты
И, одинокие, тоскливо исчезают
В тумане вечности. Прав, прав, родной мой, ты!

Между 8 и 11 марта 1907

330. К СОЛНЫШКУ

Выгляни, солнышко, выгляни, доброе,
Из-за косматых безрадостных туч!
Верю я, верю, с твоим появлением
Снова я стану и горд и могуч.

Лаской, приветом согрей сердце юное,
Страстной, горячей надеждой зажги.
Пусть моего не узнают страдания
Честной борьбы и свободы враги.

Выглянь, родное. Душа одинокая
Гордо страдала в глухой темноте,
Долго сносила обиды, лишения
И забывалась в свободной мечте.

Но переполнилась чаша терпения.
Сила угасла в глухой полутьме...
Выглянь, родимое, выглянь, далекое,
И веселее мне станет в тюрьме.

11 марта 1907

331. КРЕЧЕТ

Кречет раненый, сердце мое,
Ты кричишь, ты рыдаешь от боли,
О, я знаю, страданье твое
Тяжелей нашей общей неволи.

Злая девушка... Злее судьбы,
О, не рвись к ней, мой скованный кречет!
Твоих мук, твоей скорбной мольбы
Не услышит она... не залечит.

12 марта (?) 1907

332. ЗАБВЕНЬЯ НЕТ

Забвенья нет! Ни в горестной борьбе,
Ни за решеткою моей сырой темницы...

Где б ни был я, все думы о тебе,
Всё шелестят любви безумные страницы.

Забвенья нет! В весеннем блеске дня
И в грустной тишине безмолвной темной ночи.

Где б ни был я, всё смотрят на меня
Твои глубокие, пленительные очи.

Забвенья нет! Сгустилась полутьма.
Сквозь тусклое окно чернеют в небе тучи.
Ужасным мертвецом глядит тюрьма,
А сердце юное полно любви созвучий.

Забвенья нет! Как тяжело любить,
Моя прекрасная и вечно дорогая!
О, если мог бы я сонм грез разбить
Безрадостной любви... Прости, моя родная!

Между 20 марта и 21 апреля 1907

333

Ты истомилась без меня; я знаю,
Как тяжело в разлуке жить любя...
О, подожди! Я также увядаю,
Как юный цвет, в неволе без тебя.

Родная! Счастье лишь тогда прекрасно,
Когда добыто долгою борьбой.
Борись смелей и не тоскуй напрасно!
Довольно быть покорною рабой.

Ты слышишь, как гудят в могучем гневе
Восставшие всесильные рабы.
Рокочут грозные, как гром, напевы:
То песни мести, воли и борьбы!

Взгляни, взгляни! Желанный луч рассвета
Всё радостней встает из моря тьмы.
То день идет. Нам света, больше света!
Да сгинет тьма! Счастливы будем мы!

Март или апрель 1907

334. К МОРЮ

К морю грозному, далекому
Я лечу мечтой прекрасною;
К морю бурному, широкому
Я горю любовью страстною!

Моя греза одинокая
В волнах ласковых купается.
Необъятная, высокая
С морем грозным обнимается.

То поднимет пыль холодную,
Разорвавши пену белую,
То поет про жизнь народную
Песню мощную и смелую.

Гордо, гордо греза носится
По чарующей безбрежности.
И по гребням волн разносится
Песня воли, песня нежности.

Всё грознее поднимаются
Волны жаркие, мятежные,
Всё сильнее разливаются
Моей песни звуки нежные.

Моя греза легкокрылая
На морскую грудь склонилась,
Дорогая, вечно милая
Всколыхнулась, пробудилась.

Негодующая, страстная
Бурю жданную приветствует.
Беспредельная и властная
Грозно морю благовествует:

«Подымайся, море гордое,
Бесконечное, свободное!
И зажги борьбою твердою
Сердце русское, народное!

Против рабства и бесправия,
Против грязного, продажного...
Против зла самодержавия...
Зажигай сердца отважные!»

К морю грозному, далекому
Я лечу мечтой прекрасною;

К морю бурному, широкому
Я горю любовью страстною.

Против рабства и бесправия,
Против гнета и цепей,
Против зла самодержавия
Необузданных царей.

Март или апрель 1907

335

Ты забыла меня. . . Что ж! Удары судьбы —
Неизбежная участь бойца!
Не могла ты ценить ни любви, ни борьбы
Молодого поэта-певца.

В мертвых, душных стенах, в каземате глухом
Пел я нежные песни любви,
И летели мечты, рассыпая кругом
Капли юной сердечной крови.

Я любил тебя, страстно, глубоко любил,
И в неволе я гордо страдал,
Но сломили невзгоды родник юных сил,
И угас навсегда идеал.

Не виню я тебя. Не вишу потому,
Что мы разные люди с тобой.
Ты покоем зовешь беспросветную тьму —
Я же тьме объявил смертный бой.

Март или апрель 1907

336. ВЕСНА

Весна! Пришла весна! Как хорошо кругом!
А я по-прежнему сижу в глухой неволе.
Пылают небеса, гудит весенний гром.
Как хорошо теперь на воле!

И воссия во мнѣ, повсюду, вознеси.

Все трепетное погнѣхивалося
Риски царствъ, и дѣла жеманья.
Все силное развѣсивалося
Мои повсюду звукъ вознеси.

Моя идея легко пришла
На перепутье путь стѣннмала
Дорога дѣла мнѣ мала
Веконна мнѣ была, пробуждала

Герогу мнѣ, а прѣснмала
Бурю царствъ мнѣ правнѣ стѣннмала
Бурю прѣснмала и вѣснмала
Прозно мнѣ дѣла мнѣ стѣннмала:

« „ Нодн мнѣ, мнѣ, мнѣ, мнѣ.
„ безконечнѣ, свободнѣ!
„ и за мнѣ борнѣ мнѣ, мнѣ
„ Сердце руснѣ, мнѣ, мнѣ. »

.. И прѣснмала и безконечнѣ,
.. И прѣснмала мнѣ мнѣ мнѣ...
.. И прѣснмала мнѣ самодержавнѣ
.. За мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

* * *

.. Л. Геральдинъ -

И ты забвѣла мнѣ... Но-и: ударнѣ суднѣ
Невозможнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Не могла мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Молодого мнѣ мнѣ мнѣ

В мнѣ мнѣ, днѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И в мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
Но мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
И мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ

И прѣснмала и безконечнѣ!
И прѣснмала мнѣ мнѣ мнѣ!
И прѣснмала мнѣ самодержавнѣ!
И прѣснмала мнѣ мнѣ мнѣ!

Проснулся спящий лес и зашумел листвою,
Цветами и травой украсилось поле.
И хоры птиц поют в лазури голубой.
 Как хорошо теперь на воле!

Марусенька моя из синих васильков
Плетет большой венок сестренке милой, Зое,
А та бежит за ней и ловит мотыльков...
 Как хорошо теперь на воле!

Всё ожило, цветет, и даже мой народ
Сильнее и бодрей стремится к лучшей доле.
Под ласками весны несносен тяжкий гнет.
 Как хорошо теперь на воле!

Отчизна милая! Ужели никогда
Твоих родных красот я не увижу боле?
Ведь жить так хочется, весна так молода!
 Как хорошо теперь на воле!

Пылают небеса грозою и теплом...
Горит моя душа и рвется из неволи,
Рокошет и гудит весенний, гордый гром!
 Как хорошо теперь на воле!

Март или апрель 1907

337

Смотрит небо голубое
 В душный каземат.
Сердце узника больное
 И душа горят.

Страстной, ласковой волною
 Льется свет в окно.
А душа горит тоскою,
 Злой тоской давно.

Высоко, целуясь с солнцем,
 Тают облака.
Рвется в тусклое оконце
 Шум издалека,

Гордо, ласково и страстно
Дышит всё борьбой,
Только ходит безучастно
Мрачный часовой.

И глядит в окно печально
Узник молодой.
Сердце мучается тайной:
Что там, за стеной?

Март или апрель 1907

338. К М. А. К<ОЗЛО>ВОЙ

Ни тюрьма, ни борьба, ни лишения
Не волнуют так душу мою,
Как минуты тоски и сомненья
За любовь, дорогая, твою.

Знаю я: тяжело жить в разлуке,
Бесконечно томиться и ждать,
Грудь застонет от боли и муки
И заставит невольно рыдать.

Сердце хочет любви и участия,
Одиночества гнет нестерпим,
Но далеко желанное счастье —
За решеткою тот, кто любим.

И идут безотрадные годы,
Невозвратная юность идет,
Но борись, дорогая. Свободы
Скоро солнце над нами взойдет.

Вновь сердца молодые сольются
В одну страстную, гордую грудь
И любовью горячей зажгутся...
Не забудь же меня, не забудь!

Первая половина апреля 1907

339. К МАРУСЕ

Дорогая, вечно милая,
Зоренька моя.
Счастье, птичка легкокрылая,
Я люблю тебя.

Пусть холодная, жестокая
Давит жизнь меня, —
Моя славная, далекая,
Полон я огня.

Полон я огня кипучего,
Страсти и борьбы.
Не страшат меня, могучего,
Бури злой судьбы.

Ангел мой! За волю светлую,
За родной народ,
За любовь твою заветную
Сладка боль невзгод.

Сладко долгое страдание,
Сладок бред души,
Сладко воли ожидание
В сумрачной тиши.

Верю я, пройдет ненастная
Осень навсегда.
Не вернется лишь прекрасная
Юность никогда.

Не вернется... Грустно, милая!
Но ведь жизнь — борьба,
Нет тяжелее, нет постылее
Имени раба.

Будем жить. Судьба мятежная
Нас не победит.
Будем жить, голубка нежная,
Нас любовь хранит.

Первая половина апреля 1907

340. БЛАГОВЕСТ

Благовест весенний, благовест пасхальный
В воздухе лазурном весело гудит.
Только для меня он песней погребальной
И воспоминаньем прошлого звучит.

А давно когда-то я, свободный, юный,
Средь родных и близких, дорогих людей
Ночкою весенней, ночью безлунной
Ждал с приятной грустью этих светлых дней.

И они являлись. Детскому желанью
Шли навстречу счастье, радость и весна.
Чуждо было сердцу мрачное страданье;
Чужда была сердцу жизни глубина.

Но промчалось детство. Жизни злое море
Из гнезда родного вырвало меня.
В первый раз сдавило мое сердце горе,
И в пучину жизни погрузился я.

Вместо материнской теплой, нежной ласки,
Вместо поцелуев и приветных слов
Надо мной раздались вихри злобной пляски,
Бешеных, тяжелых заводских станков.

Потянулись годы. Сила молодая
Тщетно выбивалась из ярма невзгод,
Зрела в юном сердце искра огневая,
И всё ненавистней становился гнет.

И без колебанья, радостный и гордый,
Я вошел под знамя воли и труда.
Загорелось сердце силой новой, твердой,
И понятней стала для меня нужда,

Для меня и многих честных, угнетенных
Сворою бесстыдных, хищных палачей.
И в руках могучих многомиллионных
Заалело знамя волнами лучей.

И загрохотали по стране восставшей
Крики грозной мести, воли и борьбы,
Призывая к битве молчаливо спавших,
Зашумели мощно гордые рабы.

Только мне на долю пал удел печальный:
Догорает юность в душной полутьме.
Благовест весенний, благовест пасхальный,
Не звучи весельем: я в тюрьме, в тюрьме!

23 апреля 1907

341

Посвящаю Марусе

Я верю, родная, что ты не забыла
Меня, истомленного долгой борьбой.
И наша разлука в тебе не убила
Дух бодрости прежней и веры святой.

Всё так же, как прежде, ко мне лишь несется
Ручей говорливый твоих сладких грез.
Их ласковый шепот в груди моей льется,
Как утра дыханье, как жемчуг из слез.

О, как бы желал я хотя на мгновенье
На грудь к тебе голову нежно склонить
И острую горечь тоски и сомненья
В порыве любви пред тобою излить.

Верь, милая, верь, что не всё еще взяли
У нас злые люди. В потоке невзгод
Не все еще радости горе умчало,
Ночь меркнет, и близок желанный восход.

А с ним и цветы, и весенние грезы,
И радости дни, и восторги любви.
Верь, нежная, верь, что пройдут жизни грозы,
Уж небо горит в предрассветной крови.

Апрель или май 1907

342. ПРОЩАНИЕ

Девушка-невеста с женихом прощалась,
Слушала их речи тихая река,
Звездами им ночка нежно улыбалась
Да звенела где-то песня рыбака.

«Я убью тирана! Выстрел мой разбудит
Спящее сознание скованных рабов,
Веру в силу правды он у них пробудит,
Позовет их к солнцу из жилищ-гробов.

Я готов, довольно! Ждать душа устала!
Брошен вольный жребий! Время отомстить!
Не тоскуй, ведь раньше ты удел мой знала,
Жизнь свою я должен жизни посвятить!

И под дула ружей ставши без боязни,
Я мечтой свободной прилечу к тебе,
Ты не плачь над трупом после страшной казни
Слезы и страданья затаи в себе!»

Девушка молчала, только гневно очи
Загорелись гордым, смелым огоньком.
Мир гордился страстной красотой ночи,
Да шептались волны с летним ветерком.

Апрель или май 1907

343

Перестань, мое сердце, не бейся,
Дай уснуть истомленной груди!
Замолчи, моя песня, не лейся:
Безотраден твой путь впереди.

А ведь так еще хочется счастья
И любви, беспредельной любви...
Замолчи, мое сердце, в ненастье
К светлым грезам весны не зови!

Не зови! Ведь прошла безвозвратно
Моей юности гордой весна.

Я в тюрьме. И тоской непонятной
Моя жизнь беспросветно полна.

Всё отняли проклятые стены:
Радость, счастье, любовь и борьбу,
Ядом острой холодной измены
Отравили тупую судьбу.

Перестань же, не бейся напрасно,
Пусть уснет истомленная грудь.
И к весне моей юности страстной
Не зови! И тоскливо забудь!

Апрель или май 1907

344

Нет в моих песнях ни тени искусства,
Нет в них ни музыки, ни красоты —
В них я излил свои юные чувства,
В них я излил дорогие мечты.

В стенах глухой и холодной темницы
Их породили тоска и любовь,
Звуки их слушали дум вереницы
И омывала сердечная кровь.

Сытые люди, быть может, забаву
В них от хандры и безделья найдут;
Только пусть знают: не смех, а отраву
Песни мои для души принесут.

Только лишь тот их поймет и оценит,
Кто, как и я, беспредельно страдал,
Тот, кто, как я, в волю светлую верит,
Тот, кто, как я, без борьбы изнывал.

Пой, мое сердце! В объятьях неволи
Негодованием и мезтью звучи!
Близка, уж близка желанная воля!
Скоро позорно падут палачи.

Знайте, товарищи: годы страданья
Местью, борьбою я вмиг искуплю!
И на развалинах рабского зданья
Песню, свободную песню спою!

Апрель или май 1907

345. ГРЕЗЫ

Из окна моей темницы
В блеске солнечного дня
Мчатся страстной вереницей
Грезы, полные огня.

Мчатся гордые, купаясь
В синем воздухе весны,
Беззаботно улыбаясь,
Навевают воли сны.

Грудь вздымается волною,
Сердце страстное горит,
И, мне кажется, мечтою
Всё вокруг меня блестит.

На душе светло, привольно,
Нет ни боли, ни тоски;
В сердце светятся раздольно
Мощной силы огоньки.

Прочь, холодное сомненье!
Всё безрадостное, прочь!
К солнцу гордое стремленье
Не скуют тюрьма и ночь!

И несутся из темницы
В блеске солнечного дня
Вольной, страстной вереницей
Грезы, полные огня.

Апрель или май 1907

346. ПОД ЗВУКИ СКРИПКИ

Смеялась и плакала скрипка,
Я слушал и страстью горел,
Как радости миг, как улыбка,
Аккорд за аккордом звенел.

Звенел, в небесах утопая,
Хороший, как жизнь и весна.
Была в нем незримого рая
Волшебная песня слышна.

И грустно уплывшему звуку
Привет посылала земля...
Приятную, сладкую муку
В аккордах тех чувствовал я.

Хотелось, забывши невзгоды,
Бороться, страдать и любить.
Хотелось родному народу
Все струны души посвятить.

Хотелось из музыки скрипки
Могучую песню создать.
Воспев в ней, с счастливой улыбкой,
Тебя, моя родина-мать!

А звуки плыли, утопая
В лазурном эфире весны,
Прощальный привет посылая
Земле с голубой вышины.

Апрель или май 1907

347. ДНЕМ

На душе у меня как-то тихо, светло
В страстном блеске весеннего дня.
Ни тоски, ни сомнений как бы не было,
Словно не был невольником я.

Льются солнца лучи легкой струйкой в окно,
Льются в тайные недра души,
Сердце бьется надеждой, забыло оно,
Как стонало в осенней тиши,

Как искало забвенья, тревожно стуча,
От невзгод и тяжелых потерь,
Как металось в объятьях судьбы-палача...
Но зато, как спокойно теперь

Оно бьется в измученной гордой груди,
Ободренное лаской весны...
Уходи же, тоска, навсегда уходи!
Наша жизнь, наше счастье еще впереди.
Мы устали, но всё же сильны.

25 мая 1907

348. НОЧЬЮ

Тихо в темном небе звездочки мерцают,
Ясно и спокойно в вышине горя,
Облака беззвучно, грустно исчезают,
Утопает в искрах яркая заря.

Аромат акаций тонкою струею
Льется, полный ласки и беспечных грез,
И лежит над спящей в зелени землею
Трепетная почка, почь любовных грез.

Ночь, когда так страстно хочется бороться
С ненавистной ночью рабства и цепей,
Ночь, когда могучей силой сердце бьется
И когда всё любишь проще и сильней.

Под покровом чудным царственной природы
Хочется о прошлом горестном забыть,
Хочется во имя счастья и свободы
Угнетенных братьев к жизни пробудить.

Май 1907

349. УТРО

Догорает ночка... В тишине глубокой
Голубых и страстных утренних небес
Грустно меркнут звезды. Грезюю далекой,
Грезюю счастливой дышит тихий лес.

По траве высокой лентой серебристой
Блещет и сверкает чистая роса.
И горит огнями в воздухе душистом
Летняя природа, вольная краса.

В страстном поцелуе слились друг с другом,
Задрожав чуть слышно, нежные цветы.
И плывут по небу над безбрежным лугом
Облаков узорных легкие мечты.

А вершины леса тихо озарились
Золотистым морем солнечных лучей.
Высоко в лазури трели птиц полились,
Да в траве высокой зазвучал ручей.

Май 1907

350. ПРИ ВСТРЕЧЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСЫЛКИ

Мы молча глядели друг другу в глаза
Сквозь злую решетку вагона;
У ней на реснице горела слеза,
Во мне шевелилися стоны.

И в страстном страданье я крикнуть хотел:
«Терпи! О, терпи, дорогая!
Мне сладостны цепи, отраден позор
За счастье родимого края.

Пусть нагло глумятся тупые враги
Над нашей святою любовью, —
Час мести настанет, заплатят они
За всё своей черною кровью.
Терпи же, родная, терпи и борись...»

3 июля 1907

За миг святой любви, за миг святого счастья
 Я жизни годами тяжелых мук платил,
 Но на пути своем я не просил участия
 У жизни, у людей. В порывах юных сил
 Я с жизнью в бой вступил свободный, одинокий,
 Свергая на пути ряды тупых преград.
 Горела мысль моя мечтой любви высокой,
 А вокруг меня кипел и голод и разврат.
 Нужда и нищета кошмарной, злою карой
 С бесправьем во главе царили над землей,
 Но жизни злобные, тяжелые удары
 Не страшны были мне. Чарующей струей
 Лились в груди моей любви и счастья грезы.
 И рвался из груди мятежный, гордый крик:
 «Вам не сломить меня, суровой жизни грозы,
 Моей любви огонь и молод и велик!»

6 июля 1907

Счастливый миг! Я не забуду
 Твое чуть слышное «люблю»,
 С ним я бестрепетно повсюду
 Борюсь, страдаю и пою.

В борьбе за счастье и свободу
 Страны любимой и родной
 Я отдал нашему народу
 Весь жар груди моей молодой.

Я отдал всё: здоровье, силы,
 И думы страстные мои,
 И всё, что в жизни мне сулило
 Восторги счастья и любви.

Одно лишь первое свиданье
 У жизни взял я для себя,
 Оно, как звездочки блистанье,
 Горит в груди моей, любя.

Оно то сладко замирает
В усталой трепетной груди,
То вновь с любовью оживает
И гордо светит впереди.

Июль (?) 1907

353

Сомненья чужды нам. Мы молоды и сильны...
В своей борьбе нам нечего терять,
Трусов, одних трусов пугает мрак могильный.
А нас могилы не страшат.

27 или 28 сентября 1907

354. В СЕНТЯБРЕ

Осенней свежестью пахнуло
В мое тюремное окно,
И в бледных красках утонуло
Мечтаний летних волокно.

На смену им иные грезы
Во мне родились, и, звеня,
Они далекой жизни розы
На миг вернули для меня.

Увы! Визит их был недолог,
Я не сумел их удержать.
И надо мной осенний полог
До вешних дней навис опять.

В природе — грязь, дожди, туманы;
В душе царит глухой разлад,
Да с криком в солнечные страны
Отряды вольных птиц летят.

И вот, впиваясь в сердце больно,
Пришли сомненье и печаль,
И стонет грудь моя невольно,
И жаль чего-то, страстно жаль...

Сентябрь 1907

355. ПОСЛЕ СУДА

Неведение наше промчалось,
Суд кончен... И вот результат:
На всех, кроме двух малолетних,
Тяжелые цепи звенят.

Один лишь «студентик» в кавычках
Из церберских лап улизнул,
Да, видно, и тот по привычке
Опять к нам в тюрьму завернул.

Ну что ж? От душителей воли
Иного нельзя было ждать.
И каждый из нас, зная это,
Безропотно должен страдать.

Страдать и не падать душою,
Но, с верой в рабочий народ,
Готовиться к смертному бою:
Лишь бой нам свободу скует.

28 ноября 1907

356. ПОЛНОЧНАЯ

Я люблю безглагольность зеленых долин,
Зачарованных роскошью лунною;
Я люблю очертанья плакучих осин
С их листвою холодно-чугунною;

Я люблю шелестивную музыку мав,
Расцветенных вечерней лиловостью;
Я люблю вековые чащобы дубрав
С их таинственно-мудрой суровостью;

Я люблю острия снегоблещущих гор,
Неприступно и девственно вечные;
Я люблю синеву безмятежных озер
И ручьев голоса неистечные;

Я люблю бурый бархат зыбучих болот,
Зацелованных злыми туманами;
Я люблю перепрелую трухлость колод
И весь край мой, гноящийся ранами.

Ноябрь 1907

357. ПОСВЯЩЕНИЕ

Душистое ваше письмо
В потемках камеры читая,
Я вновь пред собой воскресил
Ваш образ далекий, родная.
И вновь в моем сердце, как встарь,
Зажглися отрадные грезы.
И вновь набежали в очах
Хорошие, легкие слезы.
И в сумраке кельи моей
Мне чудится ваше дыхание. . .
О друг мой, любящий мой друг,
Пусть призрачно наше свиданье!
Оно всё же сердцу милей,
Чем гнет одиночества злого.
Всё ж будит сильнее в душе
Мечты и надежды былого.
Я в думах о годах былых
И цепи свои забываю,
И пламенной волю люблю,
И чаще про вас вспоминаю.
Вот точно же так и теперь,
Хоть холоден угол мой серый,
Но в сердце цветы и весна. . .
Но думы полны мои верой.
Той верой, что скоро из стен
Я вырвусь, разбив свои цепи,
Что скоро обнимет мой взор
И море, и вольные степи,
Что скоро и вас я, мой друг,
Опять горячо расцелую
И, гордый, как вольный орел,
Забуду тоску свою злую. . .

· · · · ·
Как ночь моя келья темна,
Но в ней еще с большею силой
Горит, улыбается мне
Ваш образ далекий и милый.

23 декабря 1907

358. КАЗНЕННЫМ

В этой келье, тоскливой и душной,
Доживали последние дни
Два борца. . .

Узник, брат, преклони,
Зову горькой утраты послушный, —
Преклони с тихой грустью колени,
Когда в сумраке серых углов
Пред тобой встанут честные тени
Двух безвременно павших борцов.

30 декабря 1907

359. ОНИ ПОБЕДИЛИ!

Они победили. . . Рекою крови
Залиты четыре свободы.
Они победили. . . И вновь потекли
Позорные рабские годы. . .

Они победили. . . Гремят по стране
Расстрелы, террор и нагайки.
Они победили. . . Растут в тишине
Грабителей алчные шайки.

Они победили. . . Как улы, кишат
Борцами Сибирь, казематы.
Они победили. . . Твердыней глядят
Царя золотые палаты.

Они победили. . . Из разных сторон
Несутся голодные стоны,
Они победили. . . Для цинготных ртов
У них есть не хлеб, а патроны.

Они победили. . . И с Думой спешат
Покончить крамольные счеты.
Они победили, они не хотят
Избранников дружной работы.

Они победили, но шум их побед
Так жалок, как место разврата.
Они победили, но в сумраке лет
Их ждет роковая расплата.

1907 (?)

360. БУРЯ

Буря. . . Буря. . . Серебристый
Льется дождь живым ручьем,
Воздух свежий, воздух чистый
Зажигает кровь огнем.

Ярких молний вьются стрелы
Над просторами степей
И, отважны, мощны, смелы,
Страх наводят на людей.

Грома гордые раскаты,
Негодую, в бой зовут
И в окошки казематов
Весть победную несут

Тем, кто с знаменем свободы
Звал трудящихся к борьбе,
В ком бесправие народа
Не нашло приют себе,

Тем, кто в жизни не боялся
Ни нужды, ни злых невзгод,

Кто бестрепетно сражался
За свободу, за народ.

Здравствуй, гром, здорово, буря!
Твою силу-мощь любя,
Как блистание лазури,
Мы приветствуем тебя!

1907 (?)

361. МОИМ ВРАГАМ

Я шепчу иногда, чуть дыша,
Устремив в тишину ночи взор:
«О, как вольная жизнь хороша!
О, как гадок неволи позор!»
Но утихнет безумный порыв,
И я прежним сознанием горю,
Что мой шепот был страстен, по лжив.
И я гордо врагам говорю,
Что мне краше неволи венец,
Чем свободная жизнь без борьбы,
Что в неволе я всё же борец,
Что на воле вы всё же рабы!

1907 (?)

362. УЗНИЦА

Запустил мое оконце
Дедушка Мороз,
И горит оно на солнце
Ярче роз.
Но не греют эти розы
Тела и души,
Хоть они, как жизни грезы,
Хороши.
Точно в тесной клетке птица,
Я сижу одна,
Холодна моя темница,
Холодна.

И, дыханьем грея руки,
Кутаюсь в платок,
А душа горит от муки...
Зол мой рок.
Но я верю: лед невзгоды
Солнце победит
И меня лучом свободы
Оживит.

1907 (?)

363

Пусть жизнь безрадостна, пусть жизнь полна страданья,
Пусть злобно хмурится железная судьба. . .
Они посеют в нас лишь крик негодования.
Да здравствует любовь! Да здравствует борьба!

Я из тюрьмы глухой вам горячо жму руки
И гордо верю, что пришедший Новый год
Вам принесет любовь, мои разрушит муки
И от ярма нужды освободит народ.

.

Год новый наступил! Бледнеет сумрак ночи,
Желанный светлый день навстречу нам идет,
Долой бездействие, все к нам, под стяг рабочий, —
К свободе, истине и равенству. . . Вперед!

Конец декабря 1907 или начало января 1908

364

Над залитым кровью миром, изнемогшим от страданья,
Из мучительного мрака, гневом пламенным горя,
Пробуждая в темных людях мощь великого сознанья,
Подымается мятежно воли юная заря.

И с бесстрашною отвагой, пробужденные зарею
Гордо бросили свой вызов мраку ночи вековой!
И с тех пор, горя любовью и великою борьбою,
Этот призыв, не смолкая, раздается над землей.

И в ответ ему, как море в роковую непогоду,
С грозным ропотом на битву, шлет за валом новый
вал, —

Так растет и мощно зреет рать борцов из сил народа,
Рать поборников народа за великий идеал.

И под зарево пожаров, под мятежный крик набата
Рвет веков проклятых цепи пробудившийся народ
И кричит, освобождаясь, гневом пламенным объятый:
«Здравствуй, воля! Здравствуй, братство! Здравствуй,
равенства приход!»

Февраль 1908

365. ДРУГУ УЗНИКУ

Не грусти, мой милый! Верь, не вечно горе
Будет злой преградой на твоём пути!
Много есть и счастья в жизненном просторе!
А ведь ты так молод, друг мой! Не грусти.
Не гляди так мрачно! Знай, что жизнь не любит
Тех, кто к ней безмерно мрачен и суров. . .
О, как много жизней озлобленье губит.
О, как много мрачность создала оков!
Не тоскуй, мой славный! Если жизни волны
В дни борьбы внезапно захлестнут тебя,
Я на помощь другу, феей счастья вольной,
Прилечу неслышно и спасу, любя!
Если ж в край далекий тяжкого изгнанья
Ты заброшен будешь злобною судьбой,
Знай, мой ненаглядный, что без колебанья
Вмиг я всё оставлю и пойду с тобой.
О, мой сильный витязь! Разве могут люди
Силой произвола и слепой враждой
Разлучить две юных, в одно слитых груди
Горем и любовью, счастьем и нуждой;
Мой родной, ведь солнце светит и в изгнаньи,
Ведь и там есть поле для святой борьбы.
Как и здесь, там стонут в рабстве и страданьи,
Без любви, без счастья пасынки судьбы.
Ты пойдешь в ряды их с пламенным призывом
И святым сознанием вольного борца,

Пробуждая в людях светлые порывы,
Зажигая местью честные сердца!
Есть и там работа, лишь бы стало силы
Для посева знанья в стороне чужой,
А святого дела хватит до могилы. . .
Не грусти ж напрасно, добрый витязь мой!

Февраль 1908

366. ЗА ВОЛЮ

Под знамя восстанья, под знамя борьбы,
Во имя труда и свободы
Стекаются грозно отвсюду рабы,
Как шумные вешние воды.

В руках их могучих блещут топоры,
В очах — роковое решение:
Погибнуть в бою иль добиться поры
Родимой страны обновленья.

И, бросив свой вызов проклятью врагов,
Давивших их черным кошмаром,
Они озарили твердыню врагов
Восстанья великим пожаром.

И, гневно сжигая в мятежном огне
Позорную рабскую долю,
Попеся сзывающий крик по стране:
«За волю, за волю, за волю!»

Но крепки оплоты тупых палачей,
Солдат ослепленные рати,
И бой, разгораясь сильнее и сильнее,
Сливается с гулом проклятий.

На месте погибших народных борцов
Являются новых отряды,
И в ужасе падают стены дворцов,
И грозно растут баррикады.

И гневно, свергая в мятежном огне
Позорные цепи и долю,
Несется сзывающий клич по стране:
«За волю, за волю, за волю!»

Февраль 1908

367. СОН

Мне снилась весна в деревеньке родной,
Акации в белом наряде,
Река, утонувшая в шири степной,
Узоры теней на ограде,
Сияние церкви и низеньких хат,
Янтарно-прозрачное небо,
Кайма облаков и роскошный закат
Объятого пламенем неба...
Звенела печальная песня вдали,
Любовью мой сон опьяняя...
О, знаю, кто пел там, чьи муки росли,
В напеве печальном и нежном плыли,
Алмазные слезы роняя!

Февраль (?) 1908

368. В МОРЕ

Стонет, рокочет могучее море...
Волны косматой толпой
Шумно вздымаются, тонут в просторе,
Тонут во мгле грозовой.
Ветер гудит над безбрежной пучиной,
По небу тучи ползут...
Борются волны с отвагою львиной.
Падают, снова встают!
Белые чайки кричат над волнами...
Люб им мятежный простор!
Любо им в бурю прорезать крылами
Ветра сердитый напор!
Стонет, рокочет сердитое море...
Парус белеет вдали...

Что его гонит? Нужда или горе?
Иль клевета от земли?
Эй, берегися, храбрец одинокий,
Гнева бушующих волн!
Счастья не сыщет в пучине жестокой
Твой неподатливый челн...
Если ж не счастья, но смерти ты в буре
Вышел безумно искать,
То не страшись: тяжело средь лазури
Вольным борцам умирать.
Выше вздымай роковое ветрило,
Правь свой отважный челнок.
Много безумцев здесь смерть находило...
Слава им! Счастливы их рок.
Эх, хорошо умирать под грозой
В битве с открытым врагом!
Любо схватиться с холодной волною
В гневе борьбы молодом.
Стонет, рокочет угрюмое море...
По небу тучи бегут...
Шумно в сердитом, ликующем хоре
Волны победу поют,
Тонет челнок... Роковая стихия
Стала могилой пловцу...
Слышатся ветра стенанья глухие...
Слава безумцу борцу!
Вечная память погибшему в буре.
Слава мятежным душой!
Тесно им жить среди тихой лазури,
Счастье их — в битве с грозой.

Март 1908

369. РУСАЛОЧКА

Ее личико бледно-печальное
Хорошо, хорошо, как мальва,
Как малиновок пенье хрустальное,
Как родных васильков синева.
Ее бровки — два прутика лозные,
Частый гребень — ресниц красота.

Просинь век ее — крылья стрекозные,
Две расцветших гвоздики — уста.
Ее волосы, темные, длинные,
Тяжелы, тяжелы, как тоска,
Как о рабстве рассказы старинные,
Как подвальная песнь бедняка.
Ее груди — две хрупкие лилии,
Плечи — мрамор, лесные снега.
Руки — лебедей вольных воскрылия,
Зелень глаз — заливные луга.
Если б телу русалки прекрасному
Душу чайки да сердце орла,
То не только бы месяцу ясному,
Но и солнышку, солнышку красному
Полюбоваться она бы могла.

Март 1908

370

Милый мой, славный, хороший, далекий!
Где ты? Откликнись, родной!
Может, в тюрьме ты грустишь одинокий,
Всеми забытый, больной?
О, если б крылья дала мне природа,
Гордые крылья орла!
Я б прилетела к тебе и свободой
Грудь твою снова зажгла.

• • • • •
Крепка темница. . . Бездушны тираны. . .
Стыд и проклятия им!
Милый, проснись! Из рабочего стана
Я прилетела. . . бежим!
Ночь непроглядна. . . А здесь над тюрьмою
Тьма беспросветна, черна. . .
Милый, бежим! За высокой стеною
Ждут нас любовь и весна. . .
Милый, бежим! Тишина черной ночи
С каждым мгновеньем растет. . .
Тьма позади. . . впереди стан рабочий,
Воля и солнце. . . вперед!

• • • • •

О, как отрадно, мой милый, стремиться
Грезой свободной к тебе.
Счастлив, кто с тьмою не может мириться!
Счастлив, кто умер в борьбе!

Март (?) 1908

371. НА ГРУДИ ПРИРОДЫ

Посвящается Н. Г. Болг<арову>

Я стою над рекой
И пою ей с тоской. . .
А река, звукам песни моей тихо вторя,
Катит воды свои в необъятное море,
Серебристую гладью приветно дыша. . .
Гаснет день. . . Высоко в синем небе толпою
Журавлей вереница парит над землею.

Весна 1908

372. НА ОЗЕРЕ

Дремлет озеро лесное,
Звонко шепчут камыши.
Что-то чудится родное
В этой девственной глуши.

Далеко в тумане знойном
Тонет гладь янтарных вод,
И над ней шатром спокойным
Распростерся небосвод.

Чайки белые лениво
Реют в неге голубой,
Отражаясь прихотливо
В небесах и над водой.

За волнистой пеленою
Беспокойных камышей
Сосны стройною стеною
Выступают без теней.

А за пими, в отдаленье,
Роща елок и берез
Утопает в нежном пенье
Вольных птичек и стрекоз.

И горит вокруг всё тайной,
Мудрой тайной естества,
А в душе поет бескрайный
Хор любви и торжества.

Ноябрь 1908

373. В МЕТЕЛЬ

За окном тюрьмы рыдает
Буйная метель.
Ветер стелет, разметает
Белую постель.

Хлопья звездные бесшумно
Падают на двор.
Сердце узника безумно
Рвется на простор.

Истомилось, исстрадалось
В злой тюрьме оно,
Но сегодня вновь взыгралось,
Как давно-давно.

Вмиг ему метель напела
Песнь родных степей,
Сердце страстно захотело
Закружиться в ней

И рванулось к счастью воли,
На простор степи,
Но вдруг вскрикнуло от боли,
Вспомнив о цепи.

И бессильно застонало,
Словно коростель...
А за стенами рыдала
Дикая метель.

Зима 1908

374. ХОРОШО УМЕРЕТЬ

Хорошо умереть в беспощадной борьбе
С произволом, насильем и злом.
Умирая, смеяться в лицо злой судьбе,
А не падать во прах пред врагом.

Хорошо, умирая, в могучих руках
Зная вольности гордо держать,
Наводя своей смертью и ужас и страх
На преступную, черную рать.

Хорошо умереть, беспредельно любя
Волю светлую, страстный простор,
Умереть, моя родина-мать, за тебя,
За страданья твои и позор.

Тяжело прозябать в сводах душевной тюрьмы,
Хоть отраднo страданье борца,
Отравлять свою грудь ядом мрака и тьмы
И молчать и терпеть без конца.

Тяжело безответно мученья сносить,
Проклиная бессилье свое,
Безнадежную грезой в лазури парить...
Нет, не выдержит сердце мое

Этой душевной, холодной и злой темноты!
Я в борьбе лишь хочу умереть,
Да, в борьбе, а не в дымке неясной мечты
В каземате удушливом тлеть.

1908 (?)

375. КАЗНЬ

Три плотника ночью в тюремном дворе
Тревожно и быстро стучали.
За юным героем на самой заре
Попа и казаков прислали.

Он вышел в оковах в глухой коридор
И крикнул нам: «Братья, прощайте!
Скорей выходите на вольный простор!
Невесте привет передайте!»

И бледный, но гордый, как будто на бой,
Он смело пошел к эшафоту.
Угрюмая стража сомкнулась гурьбой,
Палач принялся за работу. . .

В сияньи лазурном весеннего дня
Мы тризну справляли в остроге;
А там, за стеной, попукая коня,
Гроб черный везли по дороге.

1908 (?)

376. ЛЕС ШУМИТ

Лес шумит, молодой, жизнерадостный лес,
Полный веры в свободу и счастье.
Гордо рвется листвою в глубь манящих небес,
И звенит, и поет песню вольных чудес,
И горит необъятною страстью.

Лес шумит. Тяжко стонет раскатистый гром. . .
Хмуρο тянутся по небу тучи.
Дико ветер гудит и в смятеньи кругом
Собирает грозу. Тьма повисла кругом. . .
Лес всему шлет свой вызов могучий.

Лес шумит. Братский строй непокорных дубов
Первый в битву стремится с грозою.
Налетел ураган. Из отважных рядов
С бурным криком свалилося трое борцов,
И борьба закипела рекою.

Лес шумит. Авангарды, сплотившись стеной,
От врагов защищают березы,
А они, шелестя изумрудной листвою,
Наклонились над павшими с острой тоской
И роняют горячие слезы.

Лес шумит. В грозном вихре великой борьбы
Смолкли долгие стоны бессилья.
Гневом, местью горят молодые дубы
Против тьмы вековой и железной судьбы,
Против рабских цепей и насилья.

Лес шумит. Долго длится борьба. Но за ней
Солнце мира осветит природу.
Поле битвы зальет морем ярких лучей,
Но на нем не найдет ни рабов, ни цепей,
А увидит лишь труд и свободу.

1908 (?)

377. УНЫНИЕ

Не поются песни, улетела муза,
Тяжело, должно быть, ей со мной в тюрьме.
Что ж? Она свободна. Вечного союза
Я не заключал с ней. . . Я один. . . Во тьме.

В темноте кошмарной моей жизни-ночи
Заползла мне в душу злобная тоска.
Жаждой дикой мести засветились очи. . .
Жизнь моя тюремная тяжела, горька.

Ведь идут бесплодно, мерно-монотонно
Молодые годы без борьбы, в цепях.
Упорхнула муза из груди холодной,
Из груди разбитой юного борца.

1908 или 1909 (?)

378. НА ЗАРЕ

Заря вечерняя, лучистая заря
Глядит в мое окно, приветливо мерцая,
И грезы яркие чарующего мая
Мне сыплет с вышины, пленительно горя.

И слышу, слышу я, как грудь моя больная
Переполняется струями янтаря.
Еще мгновение — и, с сердцем говоря,
Он зажурчит стихом, волнуясь и рыдая.

И понесет мой стих *крылатая* печаль
Туда, на знойный юг, в синеющую даль,
Где майскую зарю любимая подруга,

Встречая, как и я, чего-то страстно ждет
И так же, как и я, рыдает и поет,
Неся свою печаль ко мне с родного юга.

Май 1909

379. ОБЛАКА

Над скошенной степью, с далекого края,
В прекрасной лазури небес,
Летит облаков белоснежная стая
На крыльях волшебных чудес.

И, нежно тенистым покровом лаская
Грудь матери-жизни, земли,
Они пронеслись и, задумчиво тая,
Исчезли в широкой дали.

Июнь 1909

380. ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Сердце, сердце, не бейся, не рвись на простор.
Не кричи, не рыдай: нас никто не услышит.
На Руси мрак с насильем вошли в заговор,
И всё дикой изменой вокруг тебя дышит.

Эта летняя ночь, что над нами легла
Опахалом из тучек и звезд золотистых,
И тебя, мое сердце, мечтами зажгла
О просторе степей ароматно-росистых, —

Эти степи и ночь не для нас. Их красотой,
Их бескрайнею ширью и звездною волей,
Может быть, никогда, никогда уж с тобой
Не придется без меры упиться нам боле.

Никогда! В одиночестве, в душных стенах
Мы схороним навек наши думы и силы
И забудемся скоро в оплаканных снах,
В неизбежных объятьях могилы.

Июнь 1909

381

Год за годом без участия, без любви, борьбы и счастья,
в вечных сумерках ненастья жизнь суровая идет,
Убивая без пощады в сердце проблески отрады,
рок всё новые преграды на пути моем кладет.

Одинокий, озлобленный, злым насильем побежденный,
я сижу ожесточенный в душном склепе под замком,
Я звеню во мгле цепями. Умирают дни за днями
за железными дверями под сверкающим штыком.

Думы черные, слетаясь, с тьмой грядущего сплетаясь,
в сердце иглами впиваясь, гасят кровь и грез
пожар.

А душа тоской пылает: сердце долю проклиная
и в бессильи разрывает бытия сплошной кошмар.

Ноябрь 1909

382. К ОСЕНИ

Отцвели последние левкой,
В багрянице дальние леса. . .
На полях хрустальной чешуею
Отливается весь день роса.

Не звенят из лодок над рекою
Песни, крик и смех по вечерам. . .
Спит река, туманной пеленою
Укрываясь плотно по утрам.

Ночью звезды землю не ласкают
Золотыми хорами огней,
По аллеям парков лишь мелькают
Листья в тусклом свете фонарей.

В темноте ползут густые тучи,
Без красивых форм и без теней,
Да в глухих кварталах вихрь летучий
Дико бродит с песнею своей.

И, стуча в дома людей упорно,
Он несет им весть о днях зимы. . .
А вокруг-то холодно и черно,
Как борцу под сводами тюрьмы.

Осень 1909

383

Нет дороги! Ночь кошмарная,
За стеною светлый путь.
И борьбы за цель высокую
Не вернуть.
Нет дороги! Затерялися
Все товарищи во тьме:
Тот повешен, тот скрывается,
Тот в тюрьме.
Нет дороги! А по спинушкам
Свищут пули и бичи:

То вершат свой суд над пленными
Палачи.
Нет дороги! И стремительно
Русь шарахнулась назад
По костям борцов — строителей
Баррикад.

22 декабря 1909

384. КУЗНЕЦ

Я кузнец. Темно встаю
И ложусь не рано.
Целый день кую, пою,
Без похмелья пьяный.

С детских лет меня с горном
Сблизил жизни холод;
А подрос — моим отцом
Стал тяжелый молот.

После молота нужда
Мне клещи вручила
И уж с ними навсегда,
Видно, породнила.

В тридцать лет старик, с горбом
На спине покорной.
Я прожил всю жизнь рабом,
Как в тюрьме позорной.

Труд, лишенья и гроши,
Вечный страх о глотке...
Вот и всё. А для души?
Аль и ей дать водки?

Где же правда? Ночь — ни зги.
Не найти ответа...
Будьте прокляты, враги
Совести и света...

Декабрь 1909

385. СОКОЛ

Как-то в жгучий полдень на курган седой
Отдохнуть спустился сокол молодой.
И, заслышав гостя, в гуще спелой ржи
Притаились робко мирные стрижи.
Утопая в блеске солнечных лучей,
Поднялися с пашен полчища грачей
И, крича тревожно про беду и смерть,
Тучей обложили голубую твердь.
А свободный сокол неподвижный взор
Устремил бесстрашно в золотой простор.
Думал, что на теле много, много ран...
И внимал тем думам дремлющий курган.
Вдруг очнулся сокол, крыльями взмахнул,
С клетотом призывным в небе утонул,
Полетел искать он новых битв и ран,
А грачи спустились на седой курган.

1909

386. ПОСВЯЩАЕТСЯ ТОЙ, КТО ЛЮБИТ, КАК Я

Я люблю тебя сильно и жарко,
Всей душою и кровью моей.
Я люблю тебя пышно и ярко,
Всей фантазией пылкой моей.

Я люблю тебя честно и смело,
Как весну моей жизни, люблю
Твое знойно-упругое тело
И красивую душу твою.

Я люблю в тебе гордого друга
В дни веселья, борьбы и скорбей.
Я люблю в тебе счастья супругу
И родимую мать детей.

Я люблю в тебе мудрое званье
Человека и Вольной жены.
О, мой друг. Я хочу, чтоб в страданьи,
Как и в счастье, мы были равны.

1909

387. КОШМАР

Кто это там, за тюремной стеною,
Громко и страстно поет?
К жизни свободной порою ночью
Чей это голос зовет?

Льются горячие, гордые звуки,
Льются рекой в каземат.
Кто ты? Откликнись, мой брат! . .
Песня звучит. Сердце рвется от муки. . .
Руку мне, братскую, нежную руку
Дай мне, невидимый брат!

Кто ты? Зачем в тишине этой ночи
Будишь во мне прежний жар? . .
Что это — буря? . . Пожар? . .
Душно! Хочу я кричать что есть мочи,
Но заковал воспаленные очи
Страшный, гнетущий кошмар. . .

В мертвых, холодных и каменных сводах,
Созданный грезой больной,
Там, за тюремной стеной,
Он мне поет о загубленных годах,
О пережитых тяжелых невзгодах
Песню порою ночной.

1909 (?)

388. НОЧЬ ИДЕТ

Сгущается сумрак лиловый.
Камыш прибрежный поет.
Над заводью месяц серповый
Узоры лучистые тклет.

Ни облачка в креповом небе,
Лишь тени летучих мышей
Шныряют, как бесы в Эребе,
Над ярью речных камышей.

1909 (?)

389. «ВОСЬМОЕ»

В грезах вся ночь пролетела,
Утро настало, и вот
Чую я сердцем: родные
Ждут уж меня у ворот.

Кажутся днями мгновенья,
Жду, притаюсь у дверей. . .
Слышу, зовут. . . на свиданье. . .
Сердце забилось сильнее. . .

Слышу шаги. . . Ближе. . . ближе. . .
Щелкнул тяжелый замок,
Дверь, заскрипев, распахнулась. . .
Выбежал, точно зверек.

По двое в ряд, под конвоем,
По двору быстро иду;
Вот наконец за «стенами»
Сладко, мучительно жду. . .

Хлынули в комнату люди
С плачем и смехом любви.
Вот и ко мне подбежали.
— Здравствуйте, братья мои!
Жив я! Наверно, не ждали.

1909 или 1910

390

Эх ты, жизнь моя
Бесприветная,
Словно ноченька
Беспросветная.
Средь чужих людей,
В шумном городе
Ты проходишь вся
В пужде-голоде.
Не любви огонь
Волновал тебя,

Не сердечный друг
Миловал тебя.
Нет, в другом огне —
За работою,
Ты пришла с тоской
Да заботою.
Поздно вечером
Прибредешь домой —
Словно ад стоит
В голове больной.
Обессиленный
И озлобленный
В постель кинешься,
Как надломленный.
И так день за днем,
Год за годами
Ты идешь с нуждой
Да невзгодами.
Эх ты, жизнь моя
Несчастливая,
Сердце темное,
Терпеливое.

1909 или 1910 (?)

391

Утихни, скорбь моя о воле
Далеких, невозвратных дней.
Усни, забудь о черной доле
И белых крыльях кораблей.

Не скоро минет испытанье,
Судьбой ниспосланное мне.
Зари святое расцветанье
Еще чуть брезжит в вышине.

В мою тюрьму еще не скоро
Прольет она свой яркий свет
И лед созревшего укора
Созреет в пламенный привет.

Утихни ж, скорбь моя! С тобою
Вдвойне оковы тяжелы.
Усни! Умри! И пред судьбою
Я буду тверд, как грудь скалы.

Апрель 1910

392. ПРОСТИ

Прости! Всё, всё прости — и дерзкие угрозы,
И ревность глупую, и писем желчный слог,
И робкие мольбы, и искренние слезы,
И всё, чем только я тебя обидеть мог.
Я деспот, эгоист. . . О, это всё так ясно,
Так убедительно доказано тобой,
Что нет и слов сказать, как гадко и ужасно
Я оскорблял мечты души твоей святой!
Но если б знала ты, какие злые муки
Молчание твое посеяло во мне,
Как медленно влеклись дни горестной разлуки,
Как часто я рыдал, припав к сырой стене,
Когда на свой позор, на годы прозябанья,
На думы и любовь несчастную мою
Не откликалась ты ни чувством состраданья,
Ни словом дружеским, ни искренним «люблю»,
Но холодна как сталь, небрежно-равнодушно
Ты призывы мои встречала, и на них
Напрасно откликов я ждал в свой угол душный,
В немом отчаяньи любовных грез моих.
Напрасно силился тревожные сомненья
Я верой победить. Мне изменил покой,
И, полный мрачных дум, предчувствий и боренья,
Я тщетно звал тебя с мучительной тоской.
Ты словно умерла. Обиды и проклятья
Зашевелились вдруг в моей больной груди:
Так вот чем платишь ты за то, что без изъятья
Я отдал всё тебе во имя дней любви!
Так вот ты почему встречаешь безучастно
Угрозы и мольбы безумные мои.
Ты изменила мне; спокойно и бесстрастно
Навек забыв обеты ложные свои.
Но, может быть, мои неправы подозренья?

Быть может, ты больна? «О господи, спаси!
Спаси ее от бед, болезней, преступленья
И чашу зол людских над ней не расплещи!»
Ужасная борьба! . . . И только ты, родная,
Одна лишь ты могла ей положить предел:
И вновь я звал тебя, от горя изнывая,
И вновь молчала ты, и снова я терпел.
Вот почему порой безумно и жестоко
В дни одиночества я проклинал тебя. . .
Прости же мне, молю, и дерзкие упреки,
И ревность, и тоску. . . всё, всё прости, любя.

Август 1910

393. «НЕ ОТ МИРА СЕГО»

На тюремной койке,
Бледный и больной,
Спит и тяжело бредит
Узник молодой.

Страшная чахотка
Вот уж скоро год
Встать ему с постели
Жесткой не дает.

Истекая кровью
В полутьме сырой,
Он бредет к могиле
Верною стопой.

Некому бедняге
Муки облегчить,
Некому надеждой
Душу озарить.

Хоть бы тень участия,
Хоть бы звук родной, —
Всё б не так страдал он
Телом и душой.

Всё б не так сомненье
Грудь больную жгло,
И расстаться с жизнью
Мог бы он светло.

Но вокруг страдальца
Ни души живой,
Только ходит где-то
Скрытый часовой.

Да порой засовы
Щелкнут у дверей,
Чтоб подать больному
Миску затхлых щей.

И опять ни звука.
Лишь во тьме глухой,
Умирая, стонет
Узник молодой.

Эх ты, доля злая,
Мачеха-судьба,
Бедняков — царица,
Богачей — раба.

Для чего ты косишь
Мертвою косою
Золотые всходы
Юности святой?

Ведь страдалец этот
Не лихой злодей,
А борец за волю
Родины своей.

Для чего ж так злобно,
Во вражде слепой,
Отдаешь ты смерти
Колос молодой?

1910 (?)

Приди. Спаси меня
 От горя и тревог.
 Под ношей бытия
 Терпел я сколько мог.

Но крест свой до конца
 По торному пути
 Мне без любви венца —
 Увы! — не донести.

Апрель (?) 1911

Майская ночь над землей опускается —
 Тихая, теплая, грустная ночь;
 В мирный покой всё вокруг погружается,
 Лишь от меня мой покой летит прочь.
 Полный тоски и немного страдания,
 Я одинокий сижу у окна,
 В сердце теснятся надежды, желания,
 Но голова холодна, холодна.
 Думы угрюмые, думы тяжелые
 Злобною ратью ее облегли. . .
 Эх, поскорей бы свести невеселые
 Счеты с судьбой и грехами земли!
 Слишком устал я нести непосильное
 Бремя тоски и тяжелых цепей,
 И от меня веет тленью могильною. . .
 Смерть! Прекрати мои муки скорей! . . .
 Вырви из сердца надежды постылые,
 Тлеют они во мне — не горят. . .
 Песни? Боже, их звуки унылые
 Хуже цепей ненавистных звенят.

.
 Майская ночь над землей опускается,
 Грустно, сердечные, вянут цветы. . .
 С юностью кто-то навеки прощается,
 Кто-то хоронит о воле мечты.

1911 (?)

396. СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ

О, я волю люблю широко-широко,
Как орла, что парит в небесах на просторе,
И тебя я люблю горячо-горячо,
Как в весеннюю ночь бесконечное море.

О, я край мой люблю широко-широко,
Как степной ветерок, как мечту без границы,
И борьбу я люблю горячо-горячо,
Как грозы негодующий гром, как зарницы.

О, я юность люблю широко-широко,
Как огонь моих творческих сил, как искусство.
О, я солнце люблю горячо-горячо,
Как весну, возродившую светлое чувство.

О, я звезды люблю широко-широко,
Как миров непостижных великие тайны,
И всю жизнь я люблю горячо-горячо,
Как сплошной океан, где все звуки случайны!

1911 (?)

397

Вот и прожита жизнь. Оглянусь ли назад —
Вижу: юность стоит вдалеке,
Вся в огне боевом, на верху баррикад,
С ярким знаменем воли в руке.

Без сомнений и страха, вся месть и борьба,
Вся — святое стремленье вперед!
Гордо бьется она с черной долей раба,
С диким грохотом злых непогод.

В настоящее ль мыслью печальной взгляну,
Вижу: молодость — смысл бытия —
Бесполезно проходит и гибнет в плену,
Тяжело кандалами звеня.

Кровь из сердца сочится у ней, из груди,
Непостижная скорбь на челе...
И идет она к смерти во тьме, без пути,
С затаенным упреком земле.

Вот и прожита жизнь. Только на ноги встал
И сказал всему миру: «Люблю!» —
Налетела гроза... Надломился... Упал...
И теперь у могилы стою.

Еще несколько дней, и не станет меня...
Мрак, безмолвие, черви... За что?
Для чего я родился и жил не живя,
Кто на это ответит мне? Кто?

1911 (?)

398

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои.
Знаю я, что к могиле моей не придут
Ни друзья, ни слепые враги.

Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.

А зимой, когда вьюга заплачет над ней
И ковром снеговым опахнет,
Зазвонят мои песни по шире степей,
И, быть может, хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет.

Я умру, но со мною в тюрьме не умрет
Муза-узница, крошка моя.
И в последний мой час лишь она обовьет
Грустной песней и лаской меня.

1911

ПРИМЕЧАНИЯ

В сборник стихотворений Нечаева, Шкулева и Гмырева входят избранные произведения этих поэтов, имеющие наибольший литературный и общественно-политический интерес.

Произведения печатаются по прижизненным публикациям, дающим последнюю авторскую редакцию. При отсутствии их или в тех случаях, когда окончательный текст стихотворения представлен рукописью, источником текста служат посмертные публикации, автографы и авторитетные списки.

Порядок следования авторов в сборнике определяется началом их литературной деятельности. Стихотворения каждого из поэтов расположены хронологически с выделением раздела переводов у Нечаева.

Примечания построены следующим образом: вначале указывается первая публикация (когда имеются одновременные публикации в разных изданиях, даются две ссылки); затем перечисляются печатные источники, дающие новый вариант текста — вплоть до последнего (сведения о простых перепечатках, кроме публикаций в большевистских газетах «Звезда» и «Правда», не приводятся). Далее сообщаются данные о наличии автографов или авторитетных списков, после чего в необходимых случаях дается обоснование датировки (если стихотворение датировано не по источнику текста). Отмечены имеющие место противоречия в сведениях о дате написания.

Даты, не позднее которых могли быть написаны стихотворения, даны в угловых скобках, даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком.

Составители приносят благодарность товарищам, своими советами и материалами оказавшим помощь в работе над сборником: дочери Е. Е. Нечаева — О. Нечаевой, дочери Ф. С. Шкулева — Н. Ф. Зарытовской, А. М. Стемпковскому, М. А. Козловой, П. Г. Болгарову, С. Т. Белякову и С. В. Гавриловой.

Первый сборник Нечаева «Трудовые песни», в составе четырех стихотворений, вышел в 1909 г. В следующем сборнике, «Вечерние песни», подготовленном и изданном в 1913 г. М. И. Чайковским, было уже более восьмидесяти оригинальных и переводных стихотворений. Но сборник давал несколько однобокое представление

о творчестве рабочего поэта (см. об этом биограф. справку, с. 37). Только после Октябрьской революции, в 1922 г., появилась возможность выпустить в свет наиболее полный сборник стихотворений Нечаева «Из песен старого рабочего». Но и этот сборник был далеко не исчерпывающим: поэту было тогда 63 года, и многое из написанного ранее к тому времени забылось и затерялось. Первое посмертное собрание сочинений Нечаева «Гута», изданное в 1928 г. под редакцией Н. Ляшко, С. Обрадовича и Е. Лукашевича, по разделу поэзии, по сравнению с предшествующими изданиями, пополнилось, главным образом, переводами. В 1955 г. вышел сборник стихотворений Нечаева «Избранное». Его составители А. Л. Трегубов и Д. М. Дзюбак впервые проделали большую работу по изучению оставшихся после смерти поэта рукописей, собрали и включили в сборник стихи, затерянные в периодических изданиях, раскрыли ряд псевдонимов и т. д.

В настоящем издании работа по изучению текстов Нечаева продолжена: выявлены некоторые неизвестные ранее первые публикации, автографы, исправлены и уточнены даты написания ряда стихотворений.

Рукописное наследие Нечаева довольно велико. Оно сосредоточено в основном в трех архивохранилищах: в рукописном отделе Института мировой литературы (фонд Нечаева), в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд Государственной академии искусств), в Центральном государственном архиве литературы и искусства (фонды Нечаева, Белоусова, Заволокина). Отдельные автографы есть в других фондах упомянутых хранилищ, а также в рукописном отделе Института русской литературы. Большинство автографов — документы последнего времени: тексты старых стихотворений, переписанные автором в 1920-х гг., и произведения советских лет. Рукописей дореволюционных стихотворений сохранилось немного. Наряду с автографами сохранились правленные автором машинописные списки. Наибольший интерес представляют имеющиеся в рукописном отделе Института мировой литературы, подготовленные автором к печати, но не изданные машинописные сборники: «Писатели из народа. Е. Е. Нечаев. Стихотворения» с цензурской пометой 14 мая 1902 г. (19 стихотворений); «При огоньке. Песни дедушки», 1921 г. (39 стихотворений); «Из песен деда-гугаря. Сборник», 1925 г. (31 стихотворение; авторизованная машинопись). Эти материалы были использованы при подготовке настоящего издания.

При розыске забытых стихотворений Нечаева возникает проблема атрибуции текстов, поскольку поэт часто подписывался псевдонимами (Жоржик, Жоржичка, Некто, Дядя Нил, Я. Далекий, Дальний, Е. Ефимович), криптонимами (Ж., Н., Е. Н., Н — в), но не все его подписи раскрыты. Так, не вызывает сомнений, что Нечаеву принадлежит стихотворение «Вперед» (см. № 41), подписанное Е. Н — в в сборнике «Под красным знаменем», вып. 2, М., 1906, составленном его ближайшими друзьями и единомышленниками Ф. С. Шкулевым и М. Л. Леоновым. Весьма вероятно, что Нечаеву принадлежит и стихотворение «Памяти Шмидта», напечатанное в 1906 г. в газете «Северная Россия» с подписью Е. Н. (см. об этом биограф. справку, с. 35). Но достаточных оснований для

включения в сборник этого стихотворения пока нет. Вопрос об анонимных публикациях также ждет своего изучения.

Ряд трудностей связан с датировкой стихотворений Нечаева. В сборнике «Из песен старого рабочего» авторские даты, выставленные спустя много лет после написания стихотворений, не всегда точны. Так, сохранился автограф 1903 г. стихотворения «Другу», помеченного в этом сборнике 1904 г. «Гимн пролетарским птенцам», имеющий там дату 1920 г., впервые был напечатан в журнале «Творчество» в 1918 г., и т. п. В тех случаях, когда проверить даты печатных текстов не удалось ввиду отсутствия материалов, стихотворения датируются по сборнику «Из песен старого рабочего». Есть случаи разных, исключающих одна другую, авторских дат, как в стихотворении «Гутарь-художник». Вопреки обычной в посмертных изданиях дате 1890 г., в настоящем издании принята дата 1923 г. (обосновано в примеч., см. № 101—103).

Сборники стихотворений Шкулева, изданные до Октябрьской революции, — «Думы пахаря» (1894), «Не всем счастье» (1902), «Кто виноват?» (1902), «Смелые песни» (1911) — охватили незначительную по количеству и не лучшую часть творческого наследия поэта. Помимо перечисленных сборников, в автобиографии «Из моего прошлого» (Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд Шкулева) и в другой автобиографии (там же, фонд Белоусова) Шкулев называет еще сборник «Песни труда» (изд. И. Д. Сытина, М., 1914). Однако обнаружить его до сих пор не удалось. Возможно, что в 1914 г. он был уничтожен цензурой военного времени. Наиболее полный и содержательный из прижизненных сборников Шкулева «Гимн труду» вышел в 1922 г. В этот сборник, как сообщил Шкулев в письме к Н. Н. Фатову (Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд Шкулева), вошла только первая часть задуманного, но несостоявшегося собрания его стихотворений в трех книгах. Вслед за тем вышли три небольших сборника типа брошюр: «Кузнецы. Трудовые песни» (1923), «Ф. Шкулев — поэт кузницы» (1927), «Кузнецы» (1929). Все они изданы небрежно: встречаются искажения в тексте, пропуски строк и строф, нарушен состав циклов, изменены заглавия и т. п. Не исключено, что автор принимал пассивное участие в подготовке этих книг. Поэтому в настоящем издании, в том случае, когда стихотворение входило в «Гимн труду», оно печатается по этому сборнику. Первый значительный посмертный сборник «Мы кузнецы...» появился в 1962 г. В него включены не входившие ранее в сборники стихи; к сожалению, подготовка текста, сделанная А. Л. Трегубовым, оставляет желать лучшего: составитель допускает произвольные «поправки» и сокращения в тексте, пользуется непроверенными датами.

Для настоящего сборника было выявлено много забытых в периодических изданиях стихотворений Шкулева, установлены первые публикации и даты, проведена сверка текстов с автографами. Начало этой работе было положено инициатором создания музея Шкулева при 211-й московской школе А. М. Стемковским, любезно предоставившим ряд материалов для настоящего сборника.

Рукописи стихотворений Шкулева сосредоточены преимуще-

ственно в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в фонде Шкулева, но встречаются и в других фондах (Белоусова, Заволокина, Деева-Хомяковского). Основную часть рукописей Шкулева составляют разрозненные автографы советского времени. Из дореволюционных рукописей сохранилась небольшая записная книжка 1902 г. со стихами и тетрадь, которую поэт вел в 1912—1913 гг., находясь в Таганской тюрьме; в нее занесено более 150 стихотворений. Помимо автографов сохранились авторизованные списки стихотворений Шкулева. В тетради И. А. Белоусова (фонд Белоусова) вклеено 27 машинописных списков стихотворений Шкулева, все они подписаны автором. В фонде Шкулева есть машинописный экземпляр сборника «В борьбе», составленного поэтом в 1929 г. и в 1930 г. переданного им Государственному издательству (об этом свидетельствует сохранившийся издательский договор). К сожалению, тексты этого сборника находятся в беспорядочном состоянии и, видимо, туда попали какие-то другие списки, так что пользоваться ими следует с осторожностью. Наибольшим количеством списков стихотворений Шкулева располагает отдел рукописей Пушкинского Дома. В хранящейся там коллекции А. И. Яцимирского имеется автобиография поэта с приложенными к ней текстами стихотворений 1890-х гг. Списки составлены при участии Шкулева, о чем свидетельствуют его письма к А. И. Яцимирскому от 31 мая и 22 июня 1901 г. Еще одно собрание машинописных копий с авторскими пометами находится в распоряжении дочери поэта Н. Ф. Зарытовской. Все перечисленные материалы были использованы при подготовке настоящего издания.

Вопрос о принадлежности Шкулеву ряда анонимных и псевдонимных публикаций требует дополнительных изысканий. Список из 65 псевдонимов в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова можно пополнить новыми, раскрытыми А. М. Стемковским: Ашиф, Бутырский, Люблинский и др. В журнале «Шрапнель», участие в котором Шкулева несомненно (об этом см. биограф. справку, с. 177), выявлено пока одно его стихотворение: «Есть и нет». Возможно, Шкулеву принадлежит анонимное стихотворение «На баррикады» («Вперед, товарищи, вперед...») и пародия «Москва», подписанная: «Дружинник»; но исчерпывающих данных для окончательного решения вопроса пока нет.

Датировка стихотворений Шкулева также вызывает затруднения. В сборнике «Гимн труду» почти все стихотворения имеют авторские даты, но выставлены они были, видимо, по памяти, и в отдельных случаях их приходится поправлять по другим источникам. Так, стихотворение «Новая пашня», помеченное в «Гимне труду» 1910 г., было напечатано уже в 1907 г. Найдено автограф 1902 г. стихотворения «Пильщик», имеющего в сборнике дату 1907, и т. п. Дополнительным источником датировки чаще всего служат списки Зарытовской, хотя и в них, даже среди дат, выставленных рукой автора, встречаются ошибочные, как например в стихотворении «В тюрьме» (см. примеч. к нему, № 225). При отсутствии дополнительных данных основным источником датирования стихотворений в настоящем издании остается сборник «Гимн труду».

Стихотворения А. М. Гмырева представлены в настоящем сборнике почти исчерпывающе. При жизни рано умершего поэта-революционера, видимо, лишь отдельные его стихотворения появились в печати. Разыскать эти публикации не удалось, хотя из письма Е. Л. Афонина от 9 апреля 1910 г. следует, что они были (см. биограф. справку, с. 328). Произведения Гмырева собирались и хранились его друзьями: Е. Л. Афониним, И. Г. Болгаровым, М. А. Козловой, А. В. Семеновой и другими (фамилии которых не установлены). Мысль об издании стихотворений Гмырева не раз возникала у них. Однако, как видно из письма Афонина к поэту от 25 августа 1910 г., осуществить этот замысел помешало отсутствие средств (ЛФКА).

После смерти Гмырева друзья сделали все возможное, чтобы собрать оставшиеся рукописи. Так, Болгаров 6 декабря 1911 г. сообщал из Елисаветграда Козловой о том, что он забрал в конторе елисаветградской каторжной тюрьмы оставшиеся там стихотворения Гмырева и отправил их в Москву Семеновой (ЛФКА). Из других сохранившихся писем и свидетельств известно, что часть рукописей Гмырева, в том числе рукописи его прозаических произведений, находились в херсонской каторжной тюрьме, где они, очевидно, и были утрачены.

В ряде периодических изданий, преимущественно в легальных большевистских газетах и журналах, появилось несколько стихотворений поэта.¹

К 1914—1915 гг. основная часть рукописей Гмырева сосредоточилась в руках у Афонина. Однако опубликовать в условиях царской цензуры сборник стихотворений Гмырева не удалось. После приезда в 1915 г. Козловой в Москву весь архив был передан Афониним ей и погиб уже в годы Великой Отечественной войны.

¹ Есть основание полагать, что среди стихотворений, опубликованных в «Звезде», «Невской звезде» и «Правде» в 1910—1914 гг. за подписью «А. Дикий», некоторые принадлежат перу Гмырева. «А. Дикий» — псевдоним брата поэта, Афанасия. Известно, что И. Г. Болгаров, посылавший А. Дикому стихотворения А. М. Гмырева для публикации, по свидетельству его младших братьев Петра и Павла Болгаровых, возмущался тем, что они печатались под псевдонимом «А. Дикий». Е. Л. Афонин в некрологе Гмыреву («Правда», 1912, 13 сентября) отметил, что стихотворения покойного поэта, присланные с каторги, «были напечатаны в газете «Звезда», было также помещено стихотворение в „Правде“». Таким образом, уже в 1912 г. Афонин знал, что стихотворения Гмырева публиковались в «Звезде». Однако ни одного стихотворения за подписью «Алексей Гмырев» там нет. Вполне вероятно, что старший брат Алексея Гмырева отдельные его стихотворения опубликовал, подписав их своим псевдонимом. Однако доказать, какие именно стихотворения принадлежат Алексею Гмыреву, пока не представляется возможным. Надо все же отметить, что наиболее вероятно авторство Алексея Гмырева в отношении стихотворений «Порыв» («Звезда», 1910, 23 декабря) и «В тюрьме» («Правда труда», 1913, 28 сентября).

В первые же месяцы после Октябрьской революции Афонин вновь поставил вопрос об издании поэтического наследия Гмырева. С этой целью в 1918 г. его стихотворения и письма были перепечатаны (с автографов) на пишущей машинке, в трех экземплярах стихотворения и в двух — письма. Первый экземпляр был передан в издательство ВЦСПС для издания сборника, второй в 1920 г. Козлова передала в партийный архив г. Николаева, третий (только стихотворения) остался в личном распоряжении А. А. Сухановой, перепечатавшей весь этот материал. Им пользовался В. М. Фриче в своей работе над статьями о жизни и творчестве Гмырева.

Только 37 стихотворений из числа переданных в издательство ВЦСПС вошли в состав сборника «За решеткой», изданного в 1926 г. Большая часть материалов осталась в издательстве и до сих пор не найдена. Стихотворения в машинописной копии, принадлежавшей Козловой и хранившиеся в Государственном архиве Николаевской области, ныне также не обнаружены. У Сухановой, располагавшей третьим экземпляром стихотворений, к настоящему времени уцелело только несколько листов.

В последнее время среди материалов, изъятых во время обысков у Афонина и хранящихся в ЦГАОР, была обнаружена С. Т. Беляковым рукописная тетрадь, куда внесены стихотворения Лермонтова, Бунина, Скитальца и др., а также значительное число стихотворений, подписанных: «Ленька», «Л. Г — ёв», «Л. Г — в», «Л. Гмырёв», а также псевдонимом «Л. Печальный». Нам удалось установить, что большая часть записей сделана рукою Гмырева, которого друзья называли Леней. Кроме того, среди материалов, отобранных при обыске у Е. Л. Афонина, обнаружены тексты еще 5 стихотворений, принадлежащих перу Гмырева (2 автографа и 3 списка). Стихи Гмырева в тетради расположены в основном в хронологическом порядке. Многие из них датированы, и это дает возможность установить дату написания остальных стихотворений по их расположению. Таким образом, основными источниками настоящего издания являются: рукописная тетрадь, хранящаяся в ЦГАОР, отдельные находки в архивах и переписке, немногие публикации, которые были сделаны при содействии друзей поэта по автографам в дореволюционных периодических изданиях, сборник «За решеткой» и тексты стихотворений, включенных В. М. Фриче в свои статьи о творчестве Гмырева, поскольку они восходят к машинописным копиям с автографов поэта.

Так как большинство стихотворений в тетради ЦГАОР подписано: «Л. Гмырев» или «А. Гмырев», в примечаниях оговариваются лишь те случаи, когда поэт прибегал к псевдонимам или криптонимам; оговаривается также отсутствие подписи.

27 стихотворений в настоящем издании публикуются впервые, тексты 9 стихотворений — в другой редакции.

Подготовка текстов Нечаева и Шкулева, а также составление примечаний к ним выполнены Р. А. Шацевой; тексты Гмырева подготовлены О. Е. Афоной, которой принадлежит и комментарий к этому разделу.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

Авт. — авторизованный.

БЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

«В борьбе» — Незданный сборник Ф. С. Шкулева «В борьбе. Стихи», М., 1929. Машинопись (ЦГАЛИ).

«Вечерние известия» — «Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов», 1918, № 46, 11 сентября. Статья В. М. Фриче «„Тюремные песни“ (памяти погибшего товарища)».

ВП — Е. Е. Нечаев, Вечерние песни. Стихотворения. Предисловие «От издателя» М. Чайковского, М., изд. М. Чайковского, 1913.

ГМС — А. М. Гмырев, Гори, мое сердце. Стихи, письма, документы. Вступительная статья Т. Уралова, Киев, «Молодь», 1957.

ГИБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ГТ — Ф. С. Шкулев, Гимн труду. С портретом и вступительной статьей В. Фриче, М., изд. «Книгопечатник», 1922.

«Гута» — Е. Е. Нечаев, Гута. Полное собрание сочинений в одном томе. Под редакцией Н. Ляшко, С. Обрадовича и Е. Лукашевича. С критико-биографическим очерком И. Кубикова и портретом автора, М. — Л., ЗИФ, 1928.

ДП — Ф. С. Шкулев, Думы пахаря. Стихотворения, М., изд. А. В. Федорова, 1895 (ценз. разр. 1894).

ЗР — А. М. Гмырев, За решеткой. С предисловием В. Фриче, М., изд-во ВЦСПС, 1926.

«Из песен» — Е. Е. Нечаев, Из песен старого рабочего. С портретом автора и вступительной статьей Вал. Полянского, М., ГИЗ, 1922.

ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

КВ — Ф. С. Шкулев, «„Кто виноват?“ и другие рассказы и песни». Книжка вторая, М., 1903 (ценз. разр. 1902).

КМ — А. М. Гмырев, Колос молодой. Стихи. Составление и вступительная статья А. Ф. Силенко, М., Детгиз, 1958.

ЛФКА — Личные фонды автографов, машинописных копий стихотворений, писем А. М. Гмырева и материалов о нем из числа сохранившихся у М. А. Козловой и О. Е. Афоной.

Маш. — машинописный.

НВС — Ф. С. Шкулев, «„Не всем счастье“ и другие рассказы и стихотворения», М., 1902.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

ПК — журнал «Пролетарская культура», 1920, № 15—16, с. 58—70. Статья В. М. Фриче «Алексей Гмырев (поэт-рабочий)».

ПКЗ — Под красным знаменем. Сборник свободных песен, вып. 1 и 2, М., книгоиздательство «Искра», 1905 и 1906.

ПС — Е. Е. Нечаев, Песни стеклянщика, М., изд. писателей «Кузница», 1922.

РМ — газета «Рабочая Москва».

Сб. 1902 г. — Незданный сборник стихотворений Е. Е. Нечаева. Стихотворения, М., 1902 (рукопись — в ИМЛИ).

- Сб. 1921 г. — Неизданный сборник стихотворений Е. Е. Нечаева. При огоньке. Песни дедушки, 1921 (рукопись — в ИМЛИ).
- Сб. 1923 г. — Ф. С. Шкулев, Кузнецы. Трудовые песни. Предисловие Г. Деева-Хомяковского. Библиотека для рабочих и крестьян. «Изда-читальня», № 5, М.—Пг., ГИЗ, 1923.
- Сб. 1925 г. — Неизданный сборник стихотворений Е. Е. Нечаева. Из песен деда-гитаря, 1925 (машинопись — в ИМЛИ).
- Сб. 1927 г. — Ф. Шкулев — поэт кузницы. Предисловие Г. Деева-Хомяковского. Новинки крестьянского творчества. Серия первая, выпуск 16, без года и места [М., 1927].
- Сб. 1929 г. — Ф. С. Шкулев, Кузнецы, М. — Л., ГИЗ, без года [1929].
- Сб. 1955 г. — Е. Е. Нечаев, Избранное. Вступительная статья и примечания А. Л. Трегубова. Подготовка текста А. Л. Трегубова и Д. М. Дзюбака, М., ГИХЛ, 1955.
- Сб. 1962 г. — Ф. С. Шкулев, Мы кузнецы... Избранные стихотворения. Предисловие, составление и подготовка текста А. Л. Трегубова, М., изд. «Московский рабочий», 1962.
- «Сев. утро» — газета «Северное утро» (Архангельск).
- Сп. Зарытовской — Машинописный список стихотворений Ф. С. Шкулева из собрания дочери поэта Н. Ф. Зарытовской.
- СП — Ф. С. Шкулев, Смелые песни. С портретом и биографией автора. Изд. Н. Н. Травинной, серия «Стихотворения писателей из народа», М., без года [1911].
- СТ — А. М. Гмырев, Стихи. Составление, предисловие и комментарии И. Т. Трофимова, Смоленск, 1961.
- Тетр. — Рукописная тетрадь со стихотворениями А. М. Гмырева и другими записями поэта (ЦГАОР, фонд вещественных доказательств).
- ТП — Е. Е. Нечаев, Трудовые песни. С автобиографией. Серия «Стихотворения писателей из народа», М., изд. Н. Н. Травинной, без года [1909].
- Тюремная тетрадь — Тетрадь со стихотворениями-автографами Ф. С. Шкулева, которую поэт вел в Таганской тюрьме в 1912—1913 гг. (ЦГАЛИ).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР в Москве.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

Е. Е. НЕЧАЕВ

1. «Кузница», 1920, № 1 (май), с. 7, под загл. «Из песен о заводе; прошлое», пять строф. Печ. по «Из песен», с. 14. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд «Кузницы»). Автограф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина), загл. «Ночная работа». В письме к П. Я. Заволокину от апреля 1919 г. Нечаев, упоминая о своем стихотворении, поясняет выражение «хлопцы-гномы»: «Это малолетние работники, которые брались от 6 лет на работу, а у заводских брали их принудительно, и они работали со взрослыми наравне от 14 до 20 часов в сутки, не

зная праздников» (ЦГАЛИ, фонд Заволокина). *Чуни* — пеньковые, веревочные лапти. *Гута* — рабочий корпус, где производится варка и выработка стекла.

2. «Из песен», с. 30. Тот же случай убийства мальчика мастером во время работы описан Нечаевым в рассказе «Бублик».

3. «Трудовой путь», Кострома, 1919, № 11—12, с. 10, под загл. «На работе». Печ. по «Из песен», с. 12. *Косарик* — нож.

4. «Трудовой путь», Кострома, 1919, № 11—12, с. 10 и «Чернозем. Литературный сборник», вып. 2, М., 1919, с. 11, под загл. «Из рабочих песен. Из прошлого». Печ. по «Из песен», с. 17. *Чуни* — см. примеч. 1.

5. «Из песен», с. 19.

6. «Из песен», с. 22.

7. ТП, с. 10, без последней строфы, видимо выпущенной по цензурным условиям. Печ. по «Из песен», с. 25.

8. «Памяти Н. В. Гоголя. Народно-литературный сборник», М., 1909, с. 15; «Сев. утро», 1912, 23 февраля, с подзаголовком «Картинка из жизни»; ВП. Печ. по «Из песен», с. 57.

9. ПС, с. 12. Вошло в «Из песен». Автограф пяти строф — ИМЛИ.

10. ПС, с. 14, под загл. «В гуте». Печ. по «Из песен», с. 10. Автограф под загл. «Из рабочих песен. Из прошлого», девять строф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина). *Говорят, сложил он где-то* и т. д. По рассказу брата поэта Я. Е. Нечаева, однажды их отец «Ефим Петрович стал требовать от хозяина повышения заработка подросткам. Дело дошло до полиции. Под конвоем двух полицейских «буян» был отправлен в Корчеву. Здесь следы его неожиданно потерялись. . . Что случилось с Ефимом Петровичем? Ходили слухи, что подкупленные заводладельцем полицейские или утопили его в Волге, или убили в лесу» («Писатели в Тверской губернии», Калинин, 1941, с. 81).

11. «Из песен», с. 35. В советские годы Нечаев переделал последнюю строфу («Рабочий», 1922, 19 мая):

Теперь за нищенскую плату
Хребтину крепкую не гнем.
Мы так же нищи — но богаты
Свободой, верой и огнем.
Настало радужное время,
И, сам себе и бог и царь,
Отбросил с плеч могучих бремя
Хозяин в гуте — сам гутарь!

Кочедык — инструмент для плетения лаптей, вроде кривого шила.

12. «Московский листок», 1899, прибавление к № 198, 18 июля, без загл.; ВП, под загл. «Покос». Печ. по «Из песен», с. 163, с уточнением третьей строки по автографу ИМЛИ (сб. 1921 г.).

13. «Юная Россия», 1909, № 1, с. 140, под загл. «Лето». Печ. по ВП, с. 7. Вошло в «Из песен». Автограф — ИМЛИ (сб. 1921 г.).

14. «Московский листок», 1893, прибавление к № 212, 1 августа; «Путеводный огонек», 1911, № 14, под загл. «Старый бор»; ВП, под загл. «Бор». Печ. по «Из песен», с. 168. Два автографа — ИМЛИ (сб. 1902 г. и 1921 г.).

15. «Развлечение», 1899, № 20, с. 5, под загл. «Песня», шестнадцать строк, подпись: Жоржик; «Детское чтение», 1905, № 6, под загл. «Сила песни»; ВП. Печ. по «Из песен», с. 93.

16. «Мирское дело», 1919, № 21—24, с. 68. Печ. по «Из песен», с. 147. Два автографа под загл. «Колыбельная песня хрустальщицы» (сб. 1902 г.) и «Колыбельная песня хрустальщика» (сб. 1921 г.) — ИМЛИ. Перепев «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова.

17. «Московский листок», 1893, № 180/25, 30 июня, без загл., с первой строкой: «С золотистой каймою...»; «Юная Россия», 1911, № 8, под загл. «Летом». Печ. по автографу ИМЛИ (сб. 1921 г.). В сб. 1955 г. текст напечатан по автографу ИМЛИ (сб. 1921 г.) с произвольной заменой ст. 20 по другому автографу. Другие автографы: два — ИМЛИ; БЛ; авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Нечаева).

18. «Детский друг (старший возраст)», 1907, № 1, с. 17, под загл. «Рабочая доля», без третьей и восьмой строф и посвящения; ТП, под загл. «Больной»; «Сев. утро», 1912, 8 июня. Печ. по «Из песен», с. 70. Вошло в ВП. Стихотворение посвящено брату поэта Якову Ефимовичу Нечаеву (1865—1947), также рабочему-стеклянщику.

19. ТП, с. 14; «Сев. утро», 1911, 25 августа. Печ. по ВП, с. 83. Вошло в «Из песен». Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). *Стан* — здесь: полицейский участок.

20. «Долина», 1910, № 2, с. 4, подпись: Дядя Нил. Печ. по «Из песен», с. 96..

21. «Московский листок», 1893, прибавление к № 170, 20 июня, без загл. и посвящения, с первой строкой: «Лейся, песня моя, средь безмолвных ночей...»; ВП, под загл. «Песня». Печ. по «Из песен», с. 94. Два автографа — ИМЛИ (сб. 1902 г. и 1921 г.). Стихотворение посвящено жене поэта Федосье Владимировне *Нечаевой* (1863—1953).

22. «Друг детей», 1906, № 11, с. 385, под загл. «На воле». Печ. по «Из песен», с. 170 (тот же текст — «Всемирная иллюстрация», 1922, № 3, с. 13). Два автографа — ЦГАЛИ (фонд Нечаева) и

ИМЛИ (сб. 1921 г.), озагл. «Лето», с датой: 1905. Вариант окончания в журнале «Друг детей»:

И только мне печаль, невзгода
На миг покоя не дают:
Когда ж дни лучшие придут
И цепи рабства упадут
К ногам свободного народа?

23. «Ясный сокол», 1908, № 4, с. 5; ВП. Печ. по «Из песен», с. 100. Автограф — ПД (коллекция Яцимирского); рукопись, судя по письму Нечаева к А. И. Яцимирскому (там же), относится к 1902 г.

24. ВП, с. 51. Вошло в «Из песен».

25. «Детское чтение», 1897, № 5, с. 176.

26. «Московский листок», 1897, прибавление к № 227, 5 октября, вне цикла. Печ. по ВП, с. 29, где напечатано в цикле из двух стихотворений (цикл под тем же загл.).

27. «Детское чтение», 1903, № 7, с. 942 и «К заветной цели. Литературный сборник», М., 1904, с. 56 (ценз. разр. 26 августа 1903); ВП. Печ. по «Из песен», с. 116.

28. «Ясный сокол», 1908, № 1, с. 2; ВП. Печ. по «Из песен», с. 118. Стихотворение было процитировано Горьким в статье «О писателях-самоучках» (см. вступ. статью, с. 11). Положено на музыку М. И. Кусс.

29. «Сибирский наблюдатель», Томск, 1904, № 11—12, с. 147, с посвящением А. А. П — ву; «Детское чтение», 1905, № 5. Печ. по ВП, с. 41. Вошло в «Из песен». Было посвящено, по-видимому, журналисту А. А. Петрову (псевдоним Бич-Булат) (1874—1944). Петров многие годы поддерживал близкие отношения с Нечаевым.

30. «Народное благо», 1902, № 15—16, с. 12, последние восемь строк со слов: «Вот и он изнемог под тяжелым крестом...» Печ. по сб. 1955 г., с. 111. Автограф — ИМЛИ (сб. 1902 г.). Глеб Иванович *Успенский* умер в 1902 г.; в последние годы жизни страдал тяжелым психическим расстройством.

31. «Литературный сборник памяти Н. А. Некрасова», М., 1903 (ценз. разр. 8 ноября 1902), с. 3. Печ. по ВП, с. 119. Автограф — ПД (коллекция Яцимирского) с подзаголовком: 1877 — дек. 27 — 1902. Написано к 25-летию со дня смерти Некрасова. *Спасибо сердечное* и т. д. — перефразировка популярных строк из стихотворения Некрасова «Сеятели».

32. «Детское чтение», 1903, № 10, с. 1319. Печ. по ВП, с. 120. *Плещев* Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт-петрашевец, его стихотворение «Вперед! без страха и сомненья...» стало известной революционной песней; Плещев писал стихи и для детей.

33. «Мирское дело», 1919, № 21—24, с. 31. Печ. по «Из песен», с. 145.
34. «К заветной цели. Литературный сборник», М., 1904, (ценз. разр. 1903), с. 71, под загл. «Другу-поэту». Печ. по «Из песен», с. 135, где дата — 1904 — неверна. Автографы — ЦГАЛИ (фонд Белоусова) и ИМЛИ на листе из тетради Г. П. Попова-Завражного, под загл. «Многообещающему доброму другу по стремлению» и с датой: 25 января 1903. По-видимому, первоначально стихотворение было адресовано Г. П. Попову (1867—1921), писателю, другу Нечаева, одному из основателей «Суриковского литературно-музыкального кружка».
35. «Детское чтение», 1904, № 12, с. 1541, с посвящением Н. И. Познякову. Печ. по ВП, с. 115. Позняков Н. И. (1856—1910) — писатель, педагог, секретарь постоянной академической комиссии по оказанию помощи нуждающимся литераторам.
36. «Балагур», 1914, № 4, под загл. «Песня правды», подпись: Дядя Нил. Печ. по «Из песен», с. 133.
37. «Из песен», с. 131.
38. «Молодая воля», 1907, 18 июня. Датируется по газетным вырезкам в БЛ и ЦГАЛИ (фонд Нечаева) с датой, помеченной рукой автора.
39. «Кузница», 1920, № 2 (июнь), с. 7, без загл. и посвящения. Печ. по «Из песен», с. 2. Вошло в ПС. *Гутари* — рабочие-стекляшники. *Лытнев* Николай Дмитриевич — мастер стекольного дела, друг Нечаева; под фамилией Лыткин он выведен в рассказе Нечаева «Мученики гуты» как передовой рабочий, организатор выступлений стеклянщиков против хозяев и одновременно страстный любитель пения.
40. «Беднота», 1921, 4 мая; «Рассвет. Литературный сборник», кн. 5, Ковров, 1921; ПС, с сокращениями. Печ. по «Из песен», с. 3.
41. ПКЗ, вып. 2, с. 17, подпись: Е. Н — в. Об авторстве Нечаева см. с. 394.
42. «Журнал для всех», 1906, № 2, с. 66, под загл. «Голос из народа». Печ. по ВП, с. 90. Автограф без двух последних строк — в БЛ. Было помещено в революционном сборнике «В борьбе» (вып. 3, СПб., 1906), посвященном декабрьским событиям 1905 г. в Москве и арестованном правительством (дело — в ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати). Стихотворение пользовалось популярностью среди рабочих и распространялось в списках; см. рукописную тетрадь революционных стихотворений и песен в ПД (коллекция фольклорных материалов № 1).
43. «Журнал для всех», 1906, № 5, с. 259, под загл. «Из песен рабочего». Печ. по ВП, с. 109. Вошло в «Из песен».
44. «Северная Россия», 1906, 8 июня. Датируется по маш. списку ЦГАЛИ (фонд Нечаева).

45. «Мирское дело», 1919, № 21—24, с. 38, без последних восьми строк. Печ. по «Из песен», с. 4. Вошло в ПС.

46. «Правда божия», 1906, 12 января, шесть строф. Печ. по ВП, с. 19. Вошло в ТП, ПС и «Из песен». Авт. маш. список с датой и подписью рукой Нечаева — ЦГАЛИ (фонд Нечаева). Выпущенная пятая строфа по газете:

Я доверялся свято ей,
Благословлял ее явление,
Обиды яд и треволненья
Души измученной моей,
И горечь слез, что проливал,
Казалось, всё я забывал.

47. «Простое слово», 1907, 8 февраля. Вошло в ВП и «Из песен».

48. «Новая воля», 1907, 2 декабря, под загл. «Думы», подпись: Е. Ефимович. Печ. по ВП, с. 98. Датированный автограф — БЛ.

49. «Летопись», 1907, 27 января, под загл. «Песнь о свободе». Печ. по ВП, с. 94.

50. «Простое слово», 1907, 11 февраля. *Долго во тьме нас держали* — перефразированный стих из революционной песни Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу»: «Долго в цепях нас держали...».

51. «Простая жизнь», 1907, 15 апреля, под загл. «Раздумье. Из песен рабочего». Печ. по ВП, с. 96.

52. «Новая воля», 1907, 6 декабря. *Златовратский* Николай Николаевич (1845—1911) — писатель-народник.

53. «Новая воля», 1907, 13 декабря, с подзаголовком «С румынского», подпись: Е. Ефимович; ВП, с подзаголовком «С болгарского». Печ. по «Из песен», с. 98, не датировано. Подзаголовки в дореволюционных изданиях помещались, по-видимому, по цензурным соображениям. *Обагряющих руки в крови* — строка из поэмы Н. А. Некрасова «Рыцарь на час».

54. «Юная Россия», 1907, № 4, с. 486, с искажениями. Печ. по сб. 1955 г., с. 128, где текст опубликован по вырезке из журнала с авторской правкой. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). *Белоусов* Иван Алексеевич (1863—1930) — поэт-переводчик, один из ближайших друзей и наставников Нечаева.

55. «Вестник Владимиросоюза», Ковров, 1919, № 6, с. 7, без посвящения. Печ. по «Из песен», с. 129. *Лебедев-Полянский* Павел Иванович (1881—1948) — старый член коммунистической партии, литературный критик, руководитель Пролеткульта, один из первых исследователей творчества Нечаева.

56. «Ясный сокол», 1908, № 5, с. 3, без загл. Печ. по сб. 1955 г., с. 146. Автограф — ИМЛИ (сб. 1921 г.).

57. «Доля бедняка», 1909, 19 июля, под загл. «Из песен рабочего. Сирота». В донесении московской цензуры по поводу этого стихотворения и напечатанного там же стихотворения Шкулева «Не падайте духом» (см. № 223) говорилось, что они «посвящены изображению тяжелой жизни рабочего, в которой оба стихотворения винят классы состоятельные...» За публикацию этих стихотворений номер газеты был арестован (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати).

58. «Юная Россия», 1910, № 1, с. 84. Печ. по ВП, с. 118. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Написано к столетию со дня рождения Кольцова (1809—1842).

59. «Балагур», 1910, № 8, с. 6, подпись: Некто.

60. «Балагур», 1910, № 14, с. 6 (др. ред.), без посвящения, подпись: Дядя Нил. Печ. по сб. 1955 г., с. 155. Автограф, с посвящением Н. А., и черновой — ИМЛИ. Первая и последняя строфы по журналу «Балагур»:

Далекий расчета,
Стремленья наживы,
С горячею верой
И мыслью иривой...

...Развеялись песни
О счастливой доле...
Певец же томился
В далекой неволе...

Стихотворение, по-видимому, посвящено писателю рабочему Николаю Артемьевичу Лазареву (Темному) (1863—1910).

61. «Балагур», 1910, № 15, с. 3, подпись: Дядя Нил.

62. «Балагур», 1910, № 14, с. 4, подпись: Некто.

63. «Иокра», М., 1910, № 8, с. 6.

64. Сб. «Старый дуб», М., 1910, с. 14. Авт. маш. список — БЛ, с примеч. рукой Нечаева: «Верстах в 16—17 от Москвы по Александровской железной дороге, в стороне, до сих пор сохранился во всей красоте, в несколько обхватов ветвистый вековой дуб. И мы, друзья, народные поэты, ежегодно, в один из летних праздников, совершали к нему паломничество для обсуждения насущных вопросов вдалеке от соглядатаев царского режима. И невольно, любуясь им, горячее воображение и пылкая мысль уносили далеко-далеко в прошлое, открывая картины одна другой интереснее из седой старины, которую этот исполин видел». *Калиф* — здесь в смысле известного выражения «калиф на час», т. е. человек, наделенный властью на короткое время.

65. «Остряк», 1910, № 65, с. 6, подпись: Некто. *Аника* — традиционный герой русской народной поэзии Аника-воин.

66. «Остряк», 1910, № 68, с. 8, подпись: Дядя Нил.
67. «Остряк», 1910, № 70, с. 2.
68. «Остряк», 1910, № 75, с. 2, подпись: Некто.
69. «Остряк», 1910, № 80, с. 8, под загл. «С малорусского», подпись: Н.
70. «Долина», 1910, № 3, с. 7, подпись: Некто. *Четвертка булки* — булка весом в четверть фунта. *Аника-воин* — см. примеч. 65. *Синдикат солеторговцев* и т. д. Пользуясь правом монопольной продажи продуктов первой необходимости, синдикаты устанавливали на них разные цены для внутреннего и внешнего рынка; от такой политики цен страдали прежде всего трудовые слои населения.
71. «Юная Россия», 1910, № 4, с. 462, с посвящением М. Л. Л—ву. Автограф с посвящением М. Л. Леонову — ИМЛИ. *Леонов Максим Леонович* (1872—1929) — поэт, один из основателей Московского товарищеского кружка писателей из народа. Стихотворение написано в связи с освобождением Леонова из Таганской тюрьмы в 1910 г. (см. примеч. 225).
72. «Путеводный огонек», 1911, № 11, с. 342, под загл. «Думы» и с посвящением И. П. Б—вой. Печ. по ВП, с. 128. *Белоусова Ирина Павловна* — жена поэта И. А. Белоусова (см. примеч. № 54).
73. «Остряк», 1912, № 75, с. 2, под загл. «Мой друг». Печ. по ВП, с. 57. Вошло в «Из песен», не датировано. Автографы под загл. «Друг» — БЛ и «Мой друг» — ИМЛИ.
74. «Трудовой путь», Кострома, 1919, № 11—12, с. 25, в цикле из двух стихотворений под загл. «Кровавые годы». Печ. по «Из песен», с. 185. Это и следующие два стихотворения (№№ 75—76) следует рассматривать как части большого незавершенного цикла, посвященного войне 1914—1918 гг. Об этом свидетельствует ряд других стихотворений Нечаева, которые он также публиковал под общим заглавием «Кровавые годы» или «Из кровавых лет».
75. «Вестник Владимиро-союз», Ковров, 1919, № 15—16, с. 18, под загл. «Из кровавых лет». Печ. по «Из песен», с. 187.
76. «Современные рабоче-крестьянские поэты», Иваново-Вознесенск, 1925, с. 5, под загл. «Из кровавых лет». Автограф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина).
77. «Из песен», с. 53. Автограф под загл. «В дни революции» — ИМЛИ. *Просытайся, встань, народ* — измененная строка из русской «Марсельезы» на слова П. Л. Лаврова: «Вставай, поднимайся, рабочий народ...».
78. «Творчество», 1918, № 7, с. 12 (др. ред.), под загл. «Привет пролетарским птенцам». Печ. по «Из песен», с. 48.

79. «Чернозем. Литературный сборник», М., 1918, с. 17, без четвертой и пятой строф. Печ. по «Из песен», с. 123.

80. «Чернозем. Литературный сборник», М., 1918, с. 17, без второй и пятой строф. Печ. по автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева). Автографы — БЛ и ИМЛИ, последний с подзаголовком «В день 30-летия литературной деятельности» и датой: 1920. В письме к П. Я. Заволокину в мае 1919 г. Нечаев отметил: «Вы знаете, я его <Шкулева> так люблю, как не любил, пожалуй, ни одного из своих кровных братьев. (Страшное мне нанесено горе тем, что молодые суриковцы 8 строк из этого стихотворения, не спрося даже меня, выкинули. Обидно.) Шкулев мне другом более 20 лет, и никогда, ни словом, ни делом, мы с ним не расходились. Этот человек большой души и твердый, как окала» (ЦГАЛИ, фонд Заволокина). *Раздробленной рукой*. См. биограф. справку о Шкулеве, с. 175.

81. «Рабочий водного транспорта», 1920, № 12—13, с. 32. Вошло в «Из песен». *Кросны* — ткань из разноцветных суровых ниток, ткется в деревнях на простых станах, идет на рубахи и сарафаны. *Заставка* — щит, удерживающий воду, идущую в колеса водяной мельницы.

82. «Пламя», 1919, № 52, с. 12. Автограф — ИМЛИ (сб. 1921 г.).

83. «Пламя», 1919, № 67, с. 9. Автографы — ЦГАЛИ (фонд Заволокина) и ИМЛИ (без загл. и заключительной строфы). Авт. маш. список без загл. — ИМЛИ.

84. «Вестник Владимиросоюза», Ковров, 1919, № 7, с. 11. *Кобза* — украинский народный щипковый музыкальный инструмент.

85. «Беднота», 1920, 18 марта, с дополнительной 11-й строфой. Печ. по «Из песен», с. 42. Заключительная строфа в газете «Беднота»:

Он зовет на труд упорный
Хрусталя и кузнеца
Для работы плодотворной
С лаской друга и отца.

86. «Рабочий водного транспорта», 1920, № 8—9, с. 28, под загл. «Песня». Печ. по «Из песен», с. 44. *Изгой* — человек, отвергнутый общественной средой или порвавший с ней, отщепенец.

87. Сб. 1955 г., с. 188. Авт. маш. список — БЛ. Автограф без конца и загл. — ИМЛИ.

88. Печ. по сб. 1955 г., с. 236. Автограф в переписке с Заволокиным 1919 г. на одном листе с опубликованным в 1919 г. стихотворением «Свобода» («Обиды яд и горечь муки...») — ЦГАЛИ (фонд Заволокина); черновой автограф — БЛ.

89. «Кузница», 1920, № 4 (август), с. 10. *Веретье* — грубая ткань, употребляемая на подстилки, мешки и т. п.

90. «Рабочий водного транспорта», 1920, № 14—15, с. 29.

91. «Известия Владимирского губернского союза потребительских обществ», Владимир, 1920, № 7—8, с. 19. Ежегодно в годовщину со дня смерти Ивана Захаровича *Сурикова* (1841—1880) на его могиле в Москве собирались поэты-суриковцы и читали стихи, посвященные памяти поэта.

92. «Из песен», с. 150. Автограф, под загл. «Песни о весне», — ИМЛИ (сб. 1921 г.). Первые пять строф вошли в 10-ю главу поэмы «Сургаль — всё».

93. «Из песен», с. 51.

94. «Кузница», 1921, № 8, с. 6, под загл. «На работе» и с датой: 1921; ПС, без загл. Печ. по «Из песен», с. 46, где дата: 1920. Автограф — ЦГАЛИ (фонд «Кузницы») с датой: 1921 и припиской: «Принято в № 8 „Кузницы“», где дата означает, видимо, год публикации. *От залого до залого* — т. е. от одной закладки состава в печь для варки стекла до другой.

95. «Бурлак-коммунист», 1920, 28 августа. Два автографа — ИМЛИ: один под загл. «К полякам», другой — без загл. Автограф под загл. «К братьям полякам» — БЛ. Написано в связи с наступлением Красной Армии на белополяков летом 1920 г.

96. «Бурлак-коммунист», 1920, 8 сентября, восемь строф. Печ. по авт. маш. списку ИМЛИ (сб. 1925 г.). Автограф — БЛ. Строфа 8 по тексту газеты:

Ведь он — рабочий — громбым зовом
Детей неволи собрал всех разом
Расплавить цепи в огне багровом
И править миром заставил разом.

Певень — петух.

97. Сб. 1955 г., с. 201. Автограф — ИМЛИ, с датой: 8 октября 1920 г., поставленной чужой рукой.

98. «Кузница», 1921, № 7, с. 11. Автограф — ИМЛИ (сб. 1921 г.).

99. «Из песен», с. 1. Автограф — ИМЛИ, на внутренней стороне обложки сборника «Песни стеклянщика», без загл., с поощением: «Дорогому задушевному поэту в образе Николая Николаевича Ляшко на добрую память от благодарного старика, поэта гуты. Е. Нечаев. 5 февраля 1922 г.» Две последние строфы по автографу:

Пою о том, что сердце скажет,
Что муза робкая шепнет;
Ведь не роса полоску влажит,
А оратая жаркий пот.

И кто, идя дорогой тесной,
Как я под лямкою невзгод,
Душою чуткой, внемля песне,
Меня оценит и поймет.

Написано в период близости Нечаева с писателем Ляшко (1884—1953), который совместно с ним работал в объединении пролетарских писателей «Кузница». Ляшко посвятил творчеству Нечаева ряд статей, а впоследствии был составителем и редактором первого посмертного собрания сочинений Нечаева.

100. «Литературный еженедельник», Пг., 1923, № 23, с. 12. Автографы — ИМЛИ, БЛ и ЦГАЛИ (фонд Нечаева).

101—103. Печ. по авт. маш. списку ИМЛИ (сб. 1925 г.). Во всех изданиях стихотворения печатались вне цикла.

1. «Из песен», с. 39, под загл. «Гута», не датировано. Годы: 1869—1917, обозначенные в источнике публикации, относятся, очевидно, к содержанию стихотворения. Автограф, озаглавл. «Гута», с подзаголовком «Из далекого прошлого» — БЛ. *Изгой* — см. примеч. 86. *Уходила ты деда, смеясь*. Здесь и далее поэт имеет в виду эпизоды из жизни своей семьи.

2. «Из песен», с. 37, под загл. «У гуты». Автограф под тем же загл. — в БЛ.

3. РМ, 1923, 11 августа, под загл. «На работе», с подзаголовком «Памяти Мазилина» (с разночтением в тексте: Иван вместо Ефим); «Гута», под загл. «Творчество. Памяти отца» и с искажениями в тексте; сб. 1955 г., под загл. «На работе. Памяти Ефима Нечаева», где текст напечатан по вырезке из неизвестной газеты, правленной и датированной 1890 г. автором и хранящейся в БЛ. Незаконченный автограф (с разночтением: Иван вместо Ефим) — ИМЛИ. Авт. маш. список, озагл. «На работе. Памяти Ефима Нечаева», с датой: 1890—БЛ. В списке ИМЛИ (сб. 1925 г.) авторская дата: 1923. Печатные и рукописные источники имеют два почти тождественных варианта текста: один связан с именем отца поэта Ефима Нечаева, другой — московского рабочего Ивана Мазилина (ум. 1916). В 1924 г. Нечаев напечатал совершенно новое стихотворение о Мазилине «Дядя Иван» (№ 104), а стихотворение, герой которого переименовывался, окончательно посвятил памяти отца и поместил его в цикл «Гута до и после революции». Цикл был сформирован поэтом в маш. сборнике 1925 г. (ИМЛИ). Датировается по этому сборнику, являющемуся одним из наиболее авторитетных источников. Дата «1890», судя по всему, неверна: тема труда как искусства и созидательной силы характерна лишь для послеоктябрьской поэзии Нечаева, которой прежде не был свойствен и эпический стиль. Кроме того, описание процесса работы хрустальщиков в рассказе 1920-х гг. «Дядя Иван Мазилин» почти текстуально совпадает с картиной, нарисованной в

«Гutare-художнике»: «Стоило ему сбросить с плеч безрукавный пиджак и рваную шлычку, войти в кресла, взяться за инструмент, — он преобразался: лицо его молодедело, морщинки оглаживались, сухие его губы складывались в праздничную улыбку, глаза загорались. Он начинал творить» (Гутари. Избранные произведения, М., 1947, с. 154). *Гутарь* — см. прим. 39. *Нечаев* Ефим Петрович (ум. ок. 1880) — отец поэта. В автобиографии Нечаев писал о нем: «Мой отец, простой рабочий, по ремеслу хрустальщик, слыл за выдающегося мастера-работника, но характера был буйного, протестующего, за что хозяева его недолюбливали, а терпели только за искусство» (ИМЛИ). Своего отца Нечаев вывел под именем Ефима Чекалина в повести «Мученики гуты» и написал о нем рассказ «Глаза». *Трубка* — железная трубка с деревянным мундштуком для выдувания стекла. *Шлычка* — головной убор; здесь в смысле плохая, помятая шапка. *Кресло* — рабочее место стеклодува. *Куха* — глиняная крышка с отверстием, заслонка для прикрытия окон печи. *Шустан* — место у окна печи, служащее для помещения кух, подогрева трубок и др. *Хомутик* — глиняная дуга, прикрепляющаяся к окнам печи для уменьшения отверстия во время работы. *Фуляска* — приспособление стеклодувного производства типа железной скобы на острой ножке, служащее, в частности, для чистки и правки трубок. «*Баккара*» — один из лучших сортов хрусталя, названный по имени французского города, центра хрустального производства. *Долок* — обрубок дерева с выдолбленной поверхностью для помещения и первоначальной отделки вынутого из печи изделия. *Квачик* — квач, помазок для смачивания долока.

104. «Красная нива», 1924, № 49, с. 1183. Печ. по авт. маш. списку ИМЛИ (сб. 1925 г.), где дата — 1925 — ошибочна. Автографы — ИМЛИ (черновой), ЦГАЛИ (фонд Нечаева); в БЛ автограф с датой: 1918 и авт. маш. список с примечаниями автора. Замысел стихотворения и время его написания определяются в связи со стихотворением «Гутарь-художник» (см. предыдущее примеч.). О Мазилине Нечаев написал также рассказ «Дядя Иван Мазилин». *Тетя-роду́* — прозвище заведующего гутой Милле. *Шквара* — пережженное стекло.

105. Сб. 1955 г., с. 221. Автограф — БЛ. Датируется предположительно, по содержанию, соответствующему более позднему периоду творчества Нечаева. *Понёва* — женская шерстяная цветная юбка.

106. Сб. 1955 г., с. 239. Печ. по автографу ИМЛИ. Там же еще два автографа, озагл. «Осень» и «Поздним летом»; авт. маш. список — БЛ. Датируется предположительно по содержанию.

ПЕРЕВОДЫ

Нечаев стал заниматься переводами в начале 1900-х гг. Помощь в этом ему оказывал поэт И. А. Белоусов, он же снабжал Нечаева подстрочниками: Нечаев не знал языков, с которых переводил.

С польского

Мария Конопницкая

Нечаев одним из первых начал переводить стихи М. И. Конопницкой (1842—1910), в творчестве которой получили выражение думы и чаяния польского трудового народа, преимущественно крестьянства. Переводы Нечаева вошли в издания: М. Конопницкая, «Избранные стихотворения в переводах русских поэтов» (М., 1918) и М. Конопницкая, «Стихи и песни» (М., 1924).

107. «Южные записки», Одесса, 1905, № 2, с. 47. Вошло в ВП. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод стихотворения «*Życie — jak woda. . .*».

108. «Журнал для всех», 1905, № 9, с. 523. Вошло в ВП. Перевод стихотворения «*A kto siebie będzie złotem. . .*».

109. «Ясный сокол», 1908, № 2, с. 4. Перевод стихотворения «*A żebuś ty, jasne słońko. . .*».

110. «Жизнь для всех», 1911, № 7, с. 854. Вошло в ВП. Перевод стихотворения «*A czemuż wy, chłodne gosu. . .*».

111. Печ. по вырезке из неизвестного издания (напечатано по старой орфографии) БЛ. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод стихотворения «*O czemuż de by nasze starodawne. . .*».

С украинского

Тарас Шевченко

112. «Ясный сокол», 1908, № 3, с. 6. Вошло в ВП. Перевод стихотворения «*Маленькій Мар'яні*».

113. Сб. 1955 г., с. 281. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Датируется по письму к Белоусову от 27 апреля 1917 г. (там же). Перевод первого стихотворения из цикла «*Молитва*».

Андрей Бобенко

Бобенко Андрей Михайлович (ум. 1920) — украинский поэт-самоучка, плавал кочегаром на судах Одесского порта, автор единственного сборника «*Перевесло*» (Одесса, 1913).

114. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ (фонд Белоусова), где имеется приписка: «*Послано Степаненко 30 декабря 1906*». Возможно, предназначалось для сборника «*Почин*», вышедшего под ред. Н. Н. Степаненко. Перевод стихотворения «*Марні сльози*».

С белорусского

Якуб Колас

Якуб Колас — псевдоним народного поэта Белоруссии Константина Михайловича Мицкевича (1882—1956). В 1919 г., находясь в г. Быхове, Нечаев переводил белорусских поэтов. Сведения об этом содержатся в переписке с П. Я. Заволокиным (ЦГАЛИ, фонд Заволокина).

115. Сб. 1955 г., с. 346. Автограф — ИМЛИ; автограф под загл. «Весной в поле» — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Датируется предположительно. Перевод стихотворения «На полі вясною...».

116. Сб. 1955 г., с. 349. Автограф — ИМЛИ; другие автографы — БЛ (черновой) и ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Датируется предположительно. Перевод стихотворения «Мужык».

Янка Купала

Янка Купала — псевдоним народного поэта Белоруссии Ивана Доминиковича Луцевича (1882—1942). В 1919 г. Нечаев переводил стихотворения из сборника Янки Купалы «Жалейка». О своей работе он сообщал в письмах к П. Я. Заволокину и И. А. Белоусову (ЦГАЛИ).

117. Янка Купала, Избранные произведения в переводах русских поэтов, М., 1919, с. 65. Автографы — ЦГАЛИ (фонд Белоусова) и ИМЛИ. Перевод стихотворения «Я мужык беларус...».

118. Янка Купала, Избранные произведения в переводах русских поэтов, М., 1919, с. 93. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина). Перевод стихотворения «Нябошчик».

119. «Гута», с. 490. Печ. по сб. 1955 г., с. 340. Автографы — ЦГАЛИ (фонд Заволокина) и БЛ. Датируется предположительно. Перевод стихотворения «Хоць ты, сэрцэ, лопни, трэсни!..».

120. «Гута», с. 469. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина). Датируется предположительно. Перевод стихотворения «Я бачыў».

С латышского

Ян Райнис

Ян Райнис — псевдоним народного латышского поэта Яна Плиекшана (1865—1929). Нечаев увлекался переводами стихотворений Райниса в 1919 г.: «Я сейчас перевожу с латышского, из Райниса несколько стихотворений, — писал он в апреле 1919 г. П. Я. Заволокину. — И у меня, как говорят, выходят недурно они» (ЦГАЛИ, фонд Заволокина). В письмах к И. А. Белоусову того

же времени Нечаев неоднократно просил прислать ему тексты Райниса для переводов.

121. «Объединение», 1919, № 3—4, с. 5 и «Отклики», Сызрань, 1919, № 7, с. 8, под заглавием «Отец и сын». Автографы — ЦГАЛИ (фонд Белоусова) и БЛ. Перевод стихотворения «Եղևի՛՛յա Ջափե՛՛կա րիւտի՛՛րա՛ի». В начале 1920-х гг. русский текст стихотворения пользовался популярностью и неоднократно перепечатывался в периодических изданиях и сборниках.

122. «Вестник Владимиросоюза». Ковров, 1919, № 15—16, с. 34. Два автографа — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод стихотворения «Darbs un prieks».

123. «Пламя», 1919, № 47, с. 836. Печ. по кн. П. Дауге «И. Райнис — певец борьбы, солнца и любви», Пг., 1920, с. 185. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод стихотворения «Ջափա՛յս քա՛մս».

124. Сб. 1955 г., с. 375. Два автографа — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Датируется на основании приписки на автографе с адресом в г. Быхове, где Нечаев был в 1919 г. Перевод отрывка из стихотворения «Uz mājām braucējiem».

125. Сб. 1955 г., с. 369. Два автографа — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод отрывка из стихотворения «Uz mājām braucējiem».

126. П. Дауге, И. Райнис — певец борьбы, солнца и любви, Пг., 1920, с. 169. Перевод стихотворения «Nerārtrauctā ciņa».

127. П. Дауге, И. Райнис — певец борьбы, солнца и любви, Пг., 1920, с. 186. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Перевод стихотворения «Dienas ausma».

С армянского

В письме Нечаева к А. И. Яцимирскому от 3 ноября 1902 г. есть упоминание о переводах с армянского: «Я назад тому около 2-х месяцев отдал три перевода с армянского в „Русское слово“» (ПД, коллекция Яцимирского). В сборник «Современные армянские поэты» (М., 1903) вошли переводы Нечаева из А. Цатуряна и И. Иоанисяна.

Александр Цатурян

Александр Цатурян (1865—1917) — армянский поэт, для творчества которого были характерны гражданские мотивы; основная тема поэзии Цатуряна — тяжелая жизнь армянского трудового народа.

128. «Современные армянские поэты», М., 1903, с. 60. Вошло в ВП без упоминания автора оригинала. Автограф под загл. «Труженикам земли» — ПД (коллекция Яцимирского).

Ф. С. ШКУЛЕВ

129. ДП, с. 12; «Сборник стихотворений «Нужды», посвященный памяти поэта-самоучки И. Д. Родионова», М., 1896, десять строф, подпись: Ф. Степанов. Печ. по НВС, с. 22. Список — ПД (коллекция Яцимирского).

130. «Развлечение», 1896, № 32, с. 10, две строфы; «Удаль», 1907, № 2, подпись: Ф. Шмель; «Народный рожок», 1910, № 3, третья строфа, под загл. «Размышление купца», подпись: Ш. Печ. по журналу «Остряк», 1909, № 3, с. 7, подпись: Шкуль. *Гласный* — здесь: член городской думы. *По программе я считаюсь черным*, т. е. сторонником реакционной, черносотенной программы.

131. «Родная речь», 1897, № 11, с. 26. Список — ПД (коллекция Яцимирского).

132. «Простая жизнь», 1907, 16 марта. Вошло в ГТ. В детстве Шкулеву приходилось помогать матери-прачке, стиравшей белье на пекарей. «Мать за этой работой, вся мокрая от напряжения, несмотря на холод, часто пела своим когда-то хорошим мягким голосом» (Автобиография. «Из моего прошлого». — «Неделя», 1963, № 20, с. 10).

133. КВ, с.56. Печ. по ГТ, с. 70. Автограф с датой: 20 мая 1902 г. (по-видимому, дата переписки) — ЦГАЛИ (фонд Шкулева). *Привод* — механизм для передачи вращательного движения. *Основа* — продольные нити, сквозь которые пропускается челнок с поперечной нитью.

134. НВС, с. 28, под загл. «Я плотник». Печ. по ГТ, с. 80. Автограф с датой: 1902 (по-видимому, дата переписки) — ЦГАЛИ (фонд Шкулева).

135. «К заветной цели. Литературный сборник», М., 1904, с. 34 (с другим текстом 3-й строфы, где упоминание о стачке отсутствует) и дополнительной последней строфой. Печ. по ГТ, с. 71.

136. НВС, с. 16, без посвящения. Два автографа ЦГАЛИ с посвящением Л. Н. Толстому, датированные: 1900 (фонд Шкулева) и 17 февраля 1902 (фонд Яцимирского). Посвящение Л. Н. Толстому, в 1901 г. отлученному от церкви, в 1902 г. не могло быть напечатано.

137. «Юная Россия», 1913, № 10, с. 1164. Датируется по маш. списку Зарытовской, озагл. «Осень».

138. «Народное благо», 1901, № 35, с. 655. Печ. по ГТ, с. 66. Маш. список Зарытовской с посвящением поэту П. А. Травину, одному из основателей Суриковского кружка, редактору-издателю ряда сборников и периодических изданий писателей из народа.

139. НВС, с. 62.

140. КВ, с. 31.

141. КВ, с. 113.

142. КВ, с. 47. *Игнатов Ф. И.* — рабочий-революционер, погибший в 1905 г. (по данным А. М. Стемпиковского).

143. «Рассвет. Сборник русских писателей и писательниц», кн. 2, СПб., 1902, с. 152, под загл. «Песнь рабочих», четыре строфы (др. ред.); НВС, под загл. «Из песен о труде», без третьей и с другим вариантом последней строфы; «Невская звезда», 1912, 10 мая, без загл. Печ. по ГТ, с. 68, где дата — 1903 — неверна. Заключительная строфа в сборнике «Рассвет»:

Мы верим и знаем, что время придет,
Заря и над нами займется,
И слава о нас по вселенной пойдет,
И труд наш благим назовется.

144. КВ, с. 54. Автограф с датой — 1902 — ЦГАЛИ (фонд Шкулева).

145. «Народная мысль», 1911, № 2, с. 107, в составе восьми строф. Печ. по ГТ, с. 78, где дата — 1907 — неверна. Автограф четырех строф с датой — 1902 — ЦГАЛИ (фонд Шкулева).

146. «Малое — великим. 1852—1902. Сборник стихотворений, посвященных великим писателям земли русской: Гоголю, Жуковскому и Загоскину», М., 1902, с. 5. Написано к 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя (1809—1852).

147. «Волховский листок», 1903, 13 августа, под загл. «За работой». Печ. по сб. «В поисках света», М., 1904, с. 10. *Основа* — см. примеч. 133.

148. Печ. по маш. списку Зарытовской.

149. Ада Негри, Стихотворения в переводе Ф. С. Шкулева, М., 1904, с. 9. Вошло в ГТ. Вольный перевод стихотворения Ады Негри «Largo!» *Ада Негри* (1870—1945) — итальянская поэтесса, в юности фабричная работница. Шкулев был одним из первых переводчиков ее стихов на русский язык. «Темой для своих стихотворений, — писал в предисловии к сборнику стихотворений Ады Негри Шкулев, — она более всего берет фабричную трудовую жизнь, беспросветные рудники, болотные рисовые поля с плохим урожаем и всю трудовую армию своей страны, обездоленную и угнетенную тяжелой нуждой» (с. 6). Перевод Шкулева был одним из наиболее популярных его стихотворений и неоднократно перепечатывался.

150. ГТ, с. 88. Автограф — ЦГАЛИ (тюремная тетрадь).

151. «Сердце. Газета-копейка», 1913, 3 ноября, подпись: Дядя Фиша. Датируется по маш. списку Зарытовской, где текст в др. ред.

152. «Молодые порывы», Ростов-на-Дону, 1908, № 4, с. 1. Датируется по маш. списку Зарытовской.

153. «Молодая воля», 1907, 23 июля, под загл. «Он идет». Печ. по ГТ, с. 60. Авт. маш. список под загл. «Он идет» — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

154. «Простое слово», 1907, 7 марта; СП. Печ. по ГТ, с. 59. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

155. «Доля бедняка», 1909, 19 июля. Датируется по маш. списку Зарытовской. Стихотворение привлекло внимание царской цензуры и наряду со стихотворением «Не падайте духом» (№ 223) послужило поводом для репрессий против «Доли бедняка» (см. примеч. 57).

156. «Юная Россия», 1912, № 3, с. 304. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской, озагл. «Зимнее».

157. «Летопись», 1907, 25 января. Печ. по ГТ, с. 86. Вошло в сб. 1923 г. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). *Нас много, нас много! Мы дети труда* — перифраз строк из революционной песни неизвестного автора «Призыв» («Нас много, нас много. Вставайте же, братья...»), текст которой в начале 1900-х гг. появился в нелегальных социал-демократических изданиях.

158. «Простая жизнь», 1907, 1 апреля. Печ. по ГТ, с. 93. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

159. «Новая воля», 1907, 28 октября. Печ. по ГТ, с. 91. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). В «Деле о возбуждении уголовного преследования по изданию в г. Москве газеты „Новая воля“» имеется экземпляр газеты, в которой четыре строки стихотворения «Верь!» со слов «Без оков позорных...» подчеркнуты цензором. Распоряжением московского генерал-губернатора газета «Новая воля» на № 18 была приостановлена (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати).

160. «Новая воля», 1907, 11 ноября. Датируется по маш. списку Зарытовской, озагл. «Гряди!».

161. «Луч. Литературный сборник», М., 1906, с. 34. Датируется по маш. списку Зарытовской, озагл. «Верный друг». Образ *коняга*, по-видимому, навеян одноименной сказкой М. Е. Салтыкова-Щедрина.

162. «Луч. Литературный сборник», М., 1906, с. 10. Датируется по маш. списку Зарытовской. *Вейнберг* Петр Исаевич (1831—1908) — поэт, переводчик, с которым Шкулев состоял в переписке.

163. «Молодые порывы», Ростов-на-Дону, 1909, № 7—8, с. 1. Датируется по маш. списку Зарытовской.

164. «Простое слово», 1907, 15 февраля. Датируется по маш. сборнику «В борьбе» (ЦГАЛИ). Авт. маш. список — там же (фонд Белоусова).

165. «Русский рабочий», 1905, № 3, с. 1, под загл. «Песнь труду»; «Почин. Литературный сборник», вып. 1, Харьков, 1907. Печ. по СП, с. 11. Вошло во все последующие сборники Шкулева. Автографы: один, с датой — 15 августа 1909 г. — ЦГАЛИ (фонд Шкулева); другой, подаренный И. В. Репину, с датой — 15 июля 1912 г. — БЛ (фонд «Никитских субботников»). Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). «Гимн труду» появился в «Русском рабочем» 25 октября 1905 г., в дни, непосредственно следовавшие за Октябрьской все-российской стачкой, накануне Московского вооруженного восстания. Одно из наиболее популярных стихотворений Шкулева. В 1915 г., к 25-летию литературной деятельности поэта, была выпущена открытка с текстом двух первых строф «Гимна труду» и портретом автора. А. М. Горький привел отрывок из стихотворения в статье «О писателях-самоучках» (Собр. соч. в 30 тт., т. 24, М., 1953, с. 120).

166. «Сибирский наблюдатель», Томск, 1905. № 4—5, с. 117.

167. «Сеятель», 1907, 1 октября. Вошло в СП и ГТ, где дата: 1904. Автограф с датой — 15 июля 1912 г. — БЛ (фонд «Никитских субботников»). Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Датируется по авт. маш. списку Зарытовской. «Желанную песню» и «Лейся, песня моя!..» (см. № 172) поэт считал своими программными стихотворениями (см. письмо Н. Н. Фатову, ок. 1926—1927 гг. — ЦГАЛИ, фонд Шкулева).

168. «Крымский курьер», 1905, 5 мая, второе в цикле из трех стихотворений, посвященных памяти И. З. Сурикова в связи с 25-летием со дня его смерти. Печ. по «Путеводному огоньку», 1905, № 9, с. 279. Суриков (см. примеч. 91) до конца жизни вынужден был заниматься торговлей углем и старым железом.

169. «Летопись», 1907, 23 января, под загл. «Из песен рабочего». Печ. по ГТ, с. 85.

170. «Летопись», 1907, 26 января, восемь строф. Печ. по ГТ, с. 92. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Две заключительные строфы по «Летописи»:

Мы одно хотим — свободы,
Жаждем жизни трудовой;
Но тяжелые невзгоды
Угнетают нас собой.
И мы гибнем, умирая,
А кругом, у наших ног,
Роскошь, золото сияет...
Где же правда? Где же бог?

171. «Юная Россия», 1909, № 3, с. 432. Вошло в СП, ГТ, сб. 1923 г. «Дубинушка» — народная песня, известная в обработке В. И. Богданова и А. А. Ольхина.

172. «Газета — копейка», М., 1909, 15 мая. Печ. по ГТ, с. 55. С сокращениями вошло в сб. 1923 г. и 1929 г. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). См. примеч. 167.

173. Сб. 1962 г., с. 82, не полностью. Печ. по датированному автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева).

174. РМ, 1922, 20 мая. Печ. по ГТ, с. 39. Два автографа под загл. «Оя», относящиеся к 1919 г., — ЦГАЛИ (фонды Заволокина и Обрадовича).

175. Печ. по маш. списку Зарытовской. *Бог, царя храни* — видоизмененное начало царского гимна: «Боже, царя храни...»

176. ПКЗ, вып. 1, с. 15.

177. ПКЗ, вып. 1, с. 5.

178. ПКЗ, вып. 1, с. 10. «*Патронов не жалеть!*». Петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, облеченный в дни Октябрьской все-русской стачки диктаторскими полномочиями, отдал приказ, в котором говорилось: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть!» Стихотворение бытовало в качестве революционной песни (см. примеч. 181).

179. ПКЗ, вып. 1, с. 2. Печ. по ГТ, с. 28. Написанное в дни Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., стихотворение стало революционной песней. В 1922 г. группа металлистов Симоновского района Москвы направила приветствие Ф. С. Шкулеву, в котором рабочие вспоминали: «Мы в 1905—6 гг., стоя на баррикадах, распевали его „Красное знамя“» (РМ, 1922, 17 октября).

180. ПКЗ, вып. 2, с. 18, подпись: Ф. Бутырский. Это и следующие два стихотворения, опубликованные в ПКЗ, вып. 2, датируются 1905 г., так как уже 11 января 1906 г. Московский комитет по делам печати сообщил в Главное управление о наложении ареста на оба выпуска этого издания (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати). Стихотворение стало революционной песней (см.: «Песни русских рабочих», «Б-ка поэта» (Б. с.), М. — Л., 1962, с. 24).

181. ПКЗ, вып. 2, с. 10. Подражание стихотворению А. К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...» Стихи Шкулева стали революционной песней. В 1935 г. она была записана в Туле от исполнителя-рабочего, в памяти которого смешались два текста: № 181 и 178 (см.: «Советский фольклор», № 7, М. — Л., 1941, с. 143).

182. ПКЗ, вып. 2, с. 21. *Быть может, придется Нам многим погибнуть в бою* — перефразировка строк из революционной песни М. Л. Михайлова «Смело, друзья, не теряйте...»

183. «Правда божия», 1906, 13 апреля. Вошло в СП. Датируется по содержанию.

184. «Правда божия», 1906, 1 мая. Вошло в ГТ.

185. «Правда божия», 1906, 13 мая. В связи с публикацией стихотворения газета подверглась судебному преследованию (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати). *Вставай, поднимайся, Рабочий народ* — слова из «Марсельезы» П. Л. Лаврова (см. примеч. 304).

186. «Правда божия», 1906, 17 мая. Вошло в ГТ, не датировано. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.

187. «Простое слово», 1907, 6 марта. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.

188. «Соха-кормилица», 1907, 17 января. Вошло в ГТ.

189. «Сев. утро», 1915, 18 февраля. Печ. по ГТ, с. 42. Вошло в сб. 1927 г. Автограф — ЦГАЛИ (тюремная тетрадь).

190. «Поляк», 1908, 12 октября. Печ. по ГТ, с. 94. Вошло в СП и сб. 1927 г. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

191—193. РМ, 1922, № 201, 8 октября (весь цикл); ГТ. Печ. по сб. «Рабочая весна», № 2, М., 1923, с. 3. Список цикла — в маш. сб. «В борьбе» (ЦГАЛИ).

1. «Наше дело», 1906, 11 ноября, под загл. «Мы кузнецы», четыре строфы (вместо 2-й строфы — две строфы с другим текстом и заключительной 3-й строфой настоящего издания); «Невская звезда», 1912, 27 мая, три первые строфы, без загл. Две последние строфы были опубликованы в заметке А. Царицына «Добавление к песне „Мы кузнецы“» («Вечерние известия», 1923, 19 марта), с пояснением, что это строки, «еще не появившиеся в печати и не помещенные в царское время по цензурным условиям». Полностью — «Рабочая весна», № 2. В последующих сборниках Шкулева воспроизводился разный текст: или по «Невской звезде» и ГТ или по «Рабочей весне». Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). 2—3-я строфы по «Нашему делу»:

Мы светлый путь куюм народу, —
Полезный труд для всех куюм...
И за желанную свободу
Мы все страдаем и умрем.

Мы кузнецы. Отчизне милой
Мы голько лучшего хотим,
И мы недаром тратим силы,
Недаром молотом стучим.

Стихотворение послужило одним из оснований для наложения ареста на номер «Невской звезды». Цензор А. Катенин в рапорте от 28 мая 1912 г. докладывал: «Стихотворение написано в сильных вы-

ражениях, проникнутых революционным настроением и направленными к тому, чтобы возбудить народ к бунту...» («Большевистская печать в тисках царской цензуры. Сборник документов», Л., 1939, с. 50). «Мы кузнецы, и дух наш молод...» — самое популярное стихотворение Шкулева; переведенное на многие языки народов СССР и иностранные языки, оно после Октябрьской революции стало международной революционной песней. Анализ текста песни в различных музыкальных изданиях, песенниках, переводах (например, украинском и белорусском) показывает, что в основу его положены четыре строфы редакции 1906 г. с повторением в качестве заключения первой строфы. Исправления, внесенные автором в 1912 г. и в 1923 г., в песню не вошли. Некоторые несовпадения песни с авторским текстом вызваны, с одной стороны, ритмом мелодии, с другой — народным переосмыслением содержания. По данным Г. Д. Деева-Хомяковского (приписка на списке песни, хранящемся в его фонде в ЦГАЛИ), песню впервые стали петь в 1907 г. в Москве рабочие мастерских Александровской железной дороги и ученики Шелапутинского ремесленного училища. А. М. Стемпковский, ссылаясь на рассказ Шкулева, утверждает, что мелодию сочинил Скворцов, руководитель самодеятельного оркестра, выступавшего в московских чайных. Еще до Октябрьской революции песня пользовалась популярностью в революционной среде (см. заметку М. Л. Сулимовой в «Комсомольской правде», 1957, 12 октября). Всенародную известность песня приобрела в годы гражданской войны. Об исполнении ее бойцами Чапаевской дивизии писал Д. Фурманов в романе «Чапаев». Мелодия песни опубликована в «Музыкальном сборнике для Красной армии и флота» (М., 1922, с. 19). Музыкальные обработки песни принадлежат Л. Шульгину, К. Корчмареву, А. Александрову, Б. Шехтеру, М. Нахимовскому, И. Армсгеймеру, М. Горбунову, В. Сазонову, Н. Фомину и др.

2. «Журнал — копейка», 1910, № 9, с. 5, под загл. «Кузнецы». Положено на музыку А. Любимовым.

3. «Правда боится», 1906, 22 апреля, под загл. «Кузнец»; РМ, без третьей строфы.

194. «Летопись», 1907, 6 февраля; «Народный рожок». 1910, № 2, подпись: Филипп Богатырь. Печ. по журналу «Бой-рожок», 1912, № 16, с. 4, подпись: Кузнец Вакула.

195. «Молодая воля», 1907, 9 июля. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

196. «Молодая воля», 1907, 30 июля; «Народный рожок», 1910, № 6, под загл. «В деревне», без последней строфы, снятой, видимо, по цензурным соображениям, подпись: Левша. Печ. по «Молодой воле».

197. «Молодая воля», 1907, 12 августа.

198. «Новая пашня», 1907, 27 августа. Вошло в ГТ, где дата — 1910 — неверна. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

199. «Новая воля», 1907, 1 ноября.

200. «Удаль», 1907, № 4, с. 7, подпись: Ф. Ш. *Думушка* — III Государственная дума. *Расширение полос*. Вопрос о земле, об увеличении крестьянских наделов был одним из основных вопросов, разрешения которого ждало от Думы русское крестьянство.

201. «Удаль», 1907, № 5, с. 2, подпись: Ф. Шмель. *Веси* — деревни.

202. «Новая воля», 1907, 25 ноября. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.

203. «Юная Россия», 1913, № 8, с. 922. Печ. по ГТ, с. 41. Вошло в сб. 1929 г.

204. Печ. по ГТ, с. 79.

205. «Простая жизнь», 1907, 16 марта. Вошло в ГТ, не датировано. Датируется по маш. сборнику «В борьбе» (ЦГАЛИ), где дата поставлена автором. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

206—208. ГТ, с. 48 (весь цикл).

1. «Волховский листок», 1905, 8 сентября, под загл. «Из моего прошлого»; «Правда божия», 1906, 16 января, под тем же загл. В составе цикла из двух стихотворений вошло в СП. *Под осень сделавшись калекой* — см. биограф. справку о Шкулеве, с. 175.

2. «Доля бедняка», 1909, 9 августа, под загл. «Из моего прошлого». В составе цикла из двух стихотворений, под тем же загл. вошло в СП. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). *Основы* — см. примеч. 133.

3. «Доля бедняка», 1912, 19 мая, под загл. «Явь и мечты». Авт. маш. список, под тем же загл. — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

209. СП, с. 8. Датируется по маш. списку — ЦГАЛИ (фонд Шкулева). См. примеч. 132.

210. «Крестьянская правда», 1908, 28 января, подпись: Филипп Бычков. *Вы теперь уйдете на отрезы*. В связи с проводимой царским правительством после революции 1905 г. столыпинской реформой крестьяне получили право выкупа земельных наделов и выхода из общины на так называемые отрезы или отруба. Воспользоваться этим правом могли только кулаки.

211. «Гроза», 1908, № 6, с. 4, подпись: Филин. Перепев стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сосна», являющегося переводом одноименного стихотворения Г. Гейне. В царской России редакторы неугодных правительству изданий часто подвергались репрессиям вплоть до тюремного заключения. Это испытали и писатели из народа, занимавшиеся издательской деятельностью: М. Леонов, М. Праскунин, В. Милаев и др., в их числе в 1912—1913 гг. Шкулев (см. биограф. справку, с. 179).

212—213. «Ясный сокол», 1908, № 1, с. 4 (весь цикл). Первое стихотворение вне цикла — «Фигаро», 1910, № 43, с. 8, под загл. «Другу», подпись: Ф. Шмель.

214. «Молодые порывы», Ростов-на-Дону, 1908, № 2, с. 6.

215. «Ясный сокол», 1908, № 3, с. 3. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Стихотворение является, по-видимому, откликом на письмо М. Горького П. А. Травину, помещенное в № 1 «Ясного сокола». «Не жалуйтесь на тяжести жизни, — писал Горький, — жалуются бессильные, а люди, уважающие себя, должны — требовать признания за ними человеческого права на свободный труд и свободную жизнь. Требовать, а не просить, не жаловаться, не стонать, ибо — это дело нищих...» (М. Горький, Собр. соч. в 30 тт., т. 29, М., 1954, с. 73).

216. «Сев. утро», 1911, 2 ноября; «Бой-рожок», 1912, № 19, без первых двух стрóf, под загл. «За работой», подпись: Ш. Печ. по ГТ, с. 76. *Наколюшка* — разновидность сапожного шила, употребляется для прокалывания каблука.

217. «Сев. утро», 1913, 15 июня. Вошло в ГТ. Автограф — ЦГАЛИ (тюремная тетрадь). *Шланбой* — искаженное слово шлагбаум.

218. «Сев. утро», 1913, 14 июля. Вошло в ГТ.

219. «Сев. утро», 1913, 29 сентября. Вошло в ГТ. Автограф — ЦГАЛИ (тюремная тетрадь).

220. «Сев. утро», 1914, 18 июня, без загл. Печ. по авт. маш. списку Зарытовской.

221. «Сев. утро», 1915, 26 мая, под загл. «Влекли». Печ. по авт. маш. списку Зарытовской. Два автографа — ЦГАЛИ (фонд Шкулева): под загл. «Влекут» (в тюремной тетради) и под загл. «Влекли».

222. «Журнал — копейка», 1910, № 5, с. 6. Датируется по маш. списку Зарытовской.

223. «Доля бедняка», 1909, 19 июля. Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). Стихотворение привлекло внимание царской цензуры: последние шесть строк были отмечены цензором как наиболее «опасные» и послужили одним из поводов ареста номера газеты «Доля бедняка» от 19 июля (см. примеч. 57).

224. Сб. «Горький смех», приложение к № 4 газеты «Доля бедняка», М., 1909, с. 2, подпись: Ф. Шкуль.

225. «Доля бедняка», 1909, 23 августа, с посвящением М. Л. Леонову. В маш. списке Зарытовской авторская дата — 1912 — и помета: «Таганская тюрьма» — неверны. Стихотворение, написанное в связи с тюремным заключением М. Л. Леонова, автор ошибочно связал с подобным событием в своей жизни (см. биограф. справку о Шкулеве, с. 179). *Леонов* Максим Леонович (1872—1929) — поэт,

один из организаторов «Московского товарищеского кружка писателей из народа», друг Шкулева; за издание революционной литературы (см. с. 177) был осужден и в 1908—1910 гг. отбывал наказание в Таганской тюрьме.

226. «Доля бедняка», 1909, 13 сентября. Цензор в своем отношении прокурору Московской судебной палаты от 17 июня 1910 г., обвиняя журнал «Народный рожок» в том, что он проникнут «духом классово-вражды», привел в качестве одного из примеров перепечатанное здесь стихотворение Шкулева «Поп и крестьянин» (1910. № 2), назвав его «выходкой против духовенства». На №№ 1 и 2 журнала «Народный рожок» был наложен арест (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати).

227. «Остряк», 1909, № 3, с. 7, подпись: Шкуль. «Дубинушка» — см. примеч. 171.

228. «Остряк», 1909, № 4, с. 6, подпись: Ф. Шмель. Печ. по «Звезде», 1912, 9 февраля. В журнале «Северное жало», Архангельск, 1916, № 29, текст с сокращениями и небольшими изменениями, выванными, очевидно, условиями цензуры военного времени.

229. «Остряк», 1909, № 5, с. 6, подписано: «перехватил Дядя Фиша». «Казенка» — кабак, в дореволюционной России торговля водкой была царской монополией. *Община* — земельная крестьянская организация в царской России, члены которой владели землей сообща без права собственности на обрабатываемые участки. Община была удобной формой в руках царизма для сбора налогов по принципу круговой поруки. Руководство общиной захватывали, как правило, местные богатеи, кулаки. *Старшина* волостной — избиравшееся крестьянским волостным сходом должностное лицо, в обязанности которого входило наблюдение за выполнением крестьянских повинностей, охраной порядка и т. д. *Отруб* или отрез — см. примеч. 210. *Бают, выйdet скоро* и т. д. Иронический намек на бесплодные дебаты в III Государственной думе по земельному вопросу.

230. «Доля бедняка», 1909, 27 сентября. *Монахов* Иван — рабочий-ткач, друг Шкулева. *Основа, челнок* — см. примеч. 133.

231. «Юная Россия», 1909, № 10, с. 1203. *Кольцов* А. В. — см. примеч. 58.

232. «Трудовая копейка», 1909, 26 октября, подпись: Дядя Фиша. *Раёк* — ящик с увеличительными стеклами для рассматривания картин, показ которых (обычно на ярмарках) сопровождался рифмованным пояснением, получившим также наименование райка. Как самостоятельный стихотворный жанр, раек (или раешник) — забавный, преимущественно сатирический монолог на злободневную тему, написанный рифмованным, нестойким стихом. Раек широко использовался Шкулевым. Его «райки», чаще всего под псевдонимами: Дядя Фиша, Дед Зубоскал, Фиша-папушок и др., из номера в номер печатались в народно-сатирических изданиях «Гроза», «Удаль», «Остряк» и др.

233. «Сев. утро», 1915, 17 апреля. Датируется по маш. списку Зарытовской. Автограф — ЦГАЛИ (тюремная тетрадь).

234. Печ. по ГТ, с. 56.

235. «Юная Россия», 1910, № 1, с. 60. Автограф — ПД (фонд Некрасовского музея).

236. «Фигаро», 1910, № 5, с. 4, подпись: Ф. Шмель. *Салонница* — здесь: мещанка, сплетница. *Просвирия* — женщина, занимающаяся выпечкой специальных хлебцев — просвир, употребляемых в православном богослужении.

237. «Народный рожок», 1910, № 3, с. 5, подпись: Змей-Горыныч.

238. «Народный рожок», 1910, № 3, с. 4, подпись: Левша. *Левша* — один из многочисленных псевдонимов Шкулева, из-за увечья правой руки писавшего левой. *Черная сотня* — так назывались отряды погромщиков монархического «Союза русского народа», созданные царским правительством в 1905 г. для борьбы с революционным движением. *Черняки* — черносотенцы. *Леваки* — имеются в виду так называемые «левые» группировки и партии. *Милюков П. Н.* (1859—1943) — лидер кадетской партии, депутат III и IV Государственной думы. *Интенданты, что так крали*. Имеются в виду злоупотребления, вскрытые в это время в интендантском управлении и получившие широкую огласку. *Зубры* — здесь: люди, упорно придерживающиеся отсталых, закоснелых взглядов.

239. «Сев. утро», 1915, 10 апреля. Датируется по маш. списку Зарытовской. *Поветь* — помещение под навесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря.

240—241. Печ. по авт. маш. списку Зарытовской.

242. «Юная Россия», 1914, № 2, с. 202, без последней строфы и посвящения; «Сев. утро», 1915, 20 марта. Печ. по ГТ, с. 69. Автограф с датой — ноябрь 1913 — ЦГАЛИ (фонд Шкулева). Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова). *Кошкин Семен Павлович* (1874—1925) — член КПСС с 1903 г., в прошлом наборщик, после революции — партийный и советский работник.

243. «Доля бедняка», 1911, 17 сентября. Написано в связи с неурожаем 1911 г. *Рамена* — плечи. *Кошница* — корзинка.

244. «Доля бедняка», 1911, 22 октября. Написано к пятидесятилетию со дня смерти И. С. *Никитина* (1824—1861).

245. «Остряк», 1912, № 22, с. 7, подпись: Лев-шук. *Казенка* — см. примеч. 229. «Зубры» — см. примеч. 238.

246. «Бой-рожок», 1912, № 17, с. 2, подпись: Лев-шук.

247. «Доля бедняка», 1912, 11 февраля. Написано к двадцатипятилетию со дня смерти С. Я. *Надсона* (1862—1887).

248. «Звезда», 1912, 10 апреля. Печ. по ГТ, с. 58. В этом стихотворении царская цензура нашла «обращенный к народу явный призыв к борьбе против существующего строя». Определением Петербургской судебной палаты номер газеты был арестован и весь тираж было постановлено уничтожить (ЦГИАЛ, фонд Главного управления по делам печати). Положено на музыку Д. Е. Соловьевым.

249. «Невская звезда», 1912, 31 мая, без загл. Печ. по ГТ, с. 46. Автограф — ПД (фонд Некрасовского музея). Авт. маш. список — ЦГАЛИ (фонд Белоусова).

250. «Сев. утро», 1913, 5 мая, под загл. «В тюрьме». Печ. по автографу ЦГАЛИ (тюремная тетрадь). В маш. списке Зарытовской — загл. «Звяк». В этом и следующих стихотворениях отразились тюремные впечатления Шкулева во время его заключения в Таганской тюрьме в 1912—1913 гг. (см. биограф. справку, с. 179). *Коты* — здесь: тюремная обувь.

251. «Сев. утро», 1913, 19 марта, под загл. «Из песен о тюрьме». Печ. по автографу ЦГАЛИ (тюремная тетрадь), датируется по расположению в тетради.

252. Сб. 1962 г., с. 118, с искажением в тексте. Печ. по маш. списку Зарытовской.

253. «Бой-рожок», 1913, № 2, с. 2, подпись: Шмель.

254. «Бой-рожок», 1913, № 2, с. 2, подпись: Злой Сатир. *Титовский дом* — дом с торговыми и складскими помещениями московских купцов Титовых на Арбате (впоследствии дом Моссельпрома). На строительстве дома в 1913 г. произошел обвал. *Вова* — под этой кличкой в народных сатирических изданиях обычно фигурировал главарь черносотенных организаций, крайне правый депутат II, III и IV Государственной думы В. М. Пуришкевич (1870—1920), бывший неизменной мишенью сатирической критики.

255. Печ. по датированному автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева).

256. «Млечный Путь», 1914, № 1, с. 14. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Шкулева). *Корец* — ковш.

257. Сб. 1962 г., с. 149. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Шкулева), на одном листе со стихотворением «Гаданье». Датируется предположительно.

258. Печ. по автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева), датированном 10 июля 1915 г. Написано, по-видимому, в связи с возвращением М. Горького в конце 1913 г. из Италии в Россию.

259. «Сев. утро», 1917, 14 марта. Напечатано в связи с падением царизма. Бытовало как народная песня и до сих пор включается в сборники песен как анонимное (см. «Песни русских рабочих», М.—Л., 1962, с. 187). *Мария Дармштадтская* — вдовствующая импера-

трица, мать Николая II, до замужества принцесса Дармштадтская. *Иван Кронштадтский* — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, известный мракобес, прославшийся «чудотворцем». *Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — авантюрист, под видом «святого старца» вошел в доверие к царской семье и пользовался большим влиянием при дворе Николая II. *Развратница Сашка* — жена Николая II, царица Александра Федоровна. *Министры продажные*. Многие царские министры были замешаны в спекулятивных махинациях на военных поставках. *Царская свистуха* — водка; торговля ею была царской монополией. *Дворцовые спириты* — намек на увлечение спиритизмом в кругах высшей аристократии. *Ходынка* — катастрофа, происшедшая 18 мая 1896 г. на Ходынском поле в Москве в дни коронации Николая II. Из-за преступной халатности властей, не принявших мер безопасности, произошла давка, во время которой погибло много народа. *Карпаты*. Имеются в виду неудачные военные действия русской армии в Галиции в Первую мировую войну. *Лет триста с лишком славится*. В 1913 г. отмечалось трехсотлетие царствующей династии, дома Романовых.

260. «Известия Ногатинского волостного земства», 1917, 26 июня.

261. «Чернозем. Литературный сборник», М., 1918, с. 35. Печ. по ГТ, с. 9.

262. РМ, 1922, 28 мая. Вошло в ГТ.

263. ГТ, с. 15. Вошло в сб. 1927 г. Положено на музыку А. Парсиновым.

264. «Чернозем. Литературный сборник», М., 1918, с. 35. Вошло в ГТ. *Разин*. В легендах и песнях о Разине часто упоминается утес над Волгой, который будто бы являлся излюбленным местом уединения атамана. *Десница* — правая рука.

265. «Коммунар», 1918, 16 октября. Печ. по ГТ, с. 13. Вошло в сб. 1923 г. и 1929 г.

266. «Всходы», 1918, № 7, с. 18. *Вежды* — веки. *Вaal* — древнее семитское божество, покровитель власти, символ всепоглощающей жажды богатства.

267. «Всходы», 1919, № 1, с. 1.

268. «Всходы», 1919, № 2—6, с. 5. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Заволокина).

269. Сб. 1962 г., с. 172, не полностью. Печ. по датированному автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева) с исправлением описок в двух последних строках.

270. «Отклики», Сызрань, 1919, № 7, с. 12. Вошло в ГТ.

271. Сб. 1923 г., с. 20. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
272. РМ, 1923, 31 января, без стихов 9—12. Печ. по сб. 1923 г. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
273. ГТ, с. 19. Печ. с исправлением ошибки в 9-м стихе.
274. Сб. 1923 г., с. 13. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
275. «Всемирная иллюстрация», 1922, № 2, с. 14. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
276. Сб. 1923 г., с. 23. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
277. РМ, 1922, 27 мая. Печ. по ГТ, с. 33.
278. Печ. по сб. 1962 г., с. 214. *Мрежи* — рыбачьи сети.
279. РМ, 1922, 2 августа. Датируется по маш. списку Зарытовской.
280. Сб. 1923 г., с. 10. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по маш. списку Зарытовской.
281. Сб. 1923, с. 14. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской.
282. «Печатник — голодающим крестьянам Поволжья. Однодневная газета Московской городской комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья при Союзе рабочих полиграфического производства», 1921, 3 октября. Печ. по ГТ, с. 89.
283. Печ. по автографу ЦГАЛИ (фонд Шкулева). Датируется предположительно по содержанию. *Мессия* — божественный посланник, по христианской легенде, призванный установить «царство божие» на земле. *Вильсон* Вудро (1856—1924) — президент США (1913—1921), вдохновитель блокады и вооруженной интервенции против Советской России.
284. «Всемирная иллюстрация», 1922, № 2, с. 14. Маш. список Зарытовской под загл. «В деревне весной».
285. РМ, 1922, 3 октября, под загл. «Среди природы». Печ. по сб. 1923 г., с. 25. Вошло в сб. 1929 г. Автограф под загл. «Среди природы» — ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского).
286. РМ, 1922, 22 октября.
287. РМ, 1922, 22 декабря. Автограф под загл. «Пролетарские поэты» — ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского).

288. РМ, 1922, 27 августа. Датируется по маш. списку Зарытовской. «Рабочая весна» — кружок пролетарских писателей, организованный в начале 1920-х годов при редакции газеты РМ. Шкулев был избран почетным членом «Рабочей весны».

289. Сб. 1923 г., с. 11. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по авт. маш. списку Зарытовской. Положено на музыку М. Карасевым.

290. РМ, 1922, 10 августа. Вошло в сб. 1923 г. и 1929 г. Датируется по авт. маш. сборнику «В борьбе» (ЦГАЛИ). Автограф — ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского). Уток — в ткацком деле — поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными, составляющими основу.

291. РМ, 1922, 11 октября, под загл. «Мостовщики». Печ. по сб. 1923 г., с. 22. Вошло в сб. 1929 г. Датируется по маш. сборнику «В борьбе» (ЦГАЛИ).

292. РМ, 1922, 21 июля. Вошло в ГТ.

293. РМ, 1922, 22 октября. Датируется по маш. сборнику «В борьбе» (ЦГАЛИ). Автограф под загл. «Пролетарии» — ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского).

294. Печ. по ГТ, с. 26.

295. ДП, с. 14, без загл.; «Юная Россия», 1910, № 6, с. 678, под загл. «Рожь». Печ. по сб. 1923 г., с. 19. Вошло в сб. 1929 г. Список под загл. «В поле» — ПД (коллекция Яцимирского). Положено на музыку М. Карасевым.

296. РМ, 1923, 11 февраля. Вошло в сб. 1923 г. и 1929 г. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского).

297. РМ, 1923, 18 марта. Вошло в сб. 1923 г. и 1929 г.

298. РМ, 1923, 19 сентября.

299. Сб. 1923 г., с. 25, под загл. «Частушка». Печ. по газ. «Московская деревня», 1925, 31 мая. Николка — царь Николай II. Становой пристав — полицейский чиновник.

300. Сб. 1923 г., с. 22.

301. «Пять лет борьбы. Однодневная юбилейная газета Ленинской ячейки РКП(б). Станция Царицыно-Дачное Московско-Курской железной дороги», 1923, 1 мая.

302. Печ. по сб. 1962 г., с. 237. По сообщению А. М. Стемпковского, стихотворение было прочитано автором на траурном заседании памяти В. И. Лещина в поселке Ленино-Дачное.

303. Печ. по маш. списку Зарытовской; имеется др. список, принадлежащий ей же.

304. «Московская деревня», 1925, 18 декабря. Датируется по маш. списку Зарытовской. Написано к 20-летию Московского вооруженного восстания 1905 г. «Марсельеза» — революционная песня; сложена в 1792 г., во время буржуазной революции во Франции, стала любимой песней французского пролетариата, в конце XIX в. в переводе и переработке П. Л. Лаврова получила широкое распространение среди русских революционеров. *Страстная площадь* — ныне площадь Пушкина в Москве. *На колокольне пулеметы*. Речь идет о колокольне Страстного монастыря, находившегося в те годы на Страстной площади. *Пушкин с пьедестала* — имеется в виду памятник Пушкину в Москве. *Семеновцев орда* — Семеновский гвардейский полк, прибывший из Петербурга для подавления Московского восстания.

305. Печ. по маш. списку Зарытовской.

306. Печ. по автографу ЦГАЛИ (фонд Деева-Хомяковского). Там же сохранились отдельные листы верстки неизвестного сборника стихотворений разных авторов с текстом этого стихотворения.

307. Сб. 1962 г., с. 241. Автограф — ЦГАЛИ (фонд Шкулева). Датируется предположительно по содержанию.

А. М. ГМЫРЕВ

308. КМ, с. 65. Утраченный текст был восстановлен Козловой по памяти и передан в ЦГАЛИ. Датировано по воспоминаниям Козловой (СТ, с. 152—153) и ее письму к О. Е. Афонинной от 7 января 1959 г., где говорится: «„Ладья жизни“ было первое стихотворение, которое я услышала от Алексея и которое было написано им в моей комнате, в моем присутствии. Тогда я впервые узнала, что он «рифмует» (как тогда говорили). Это стихотворение я очень хорошо запомнила» (ЛФКА).

309. «Живое слово», 1913, № 13, с. 6. Датируется предположительно на основании биографических данных (бегство Гмырева из первой ссылки). Авторство Гмырева подтверждается письмом Афонина к Козловой от 12 апреля 1913 г. (ЛФКА).

310. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ЗР, с. 26, где датировано 1909 г. Первая строка восходит к фразе «Так жить рабочему дольше нельзя», имеющейся в тексте одной из листовок Николаевского комитета РСДРП (из числа отобранных у Гмырева 13 февраля 1905 г. в момент его ареста). Боевой, призывный характер стихотворения явно соответствует периоду нарастания революции 1905 г. Содержание его также близко к тексту отобранных у Гмырева листовок. Это дает основание датировать «Призыв» 1905 или 1906 г. Под загл. «На баррикады» включено в рукопись неопубликованного сборника «Песни борьбы», составленного Г. Д. Деевым-Хомяковским (ЦГАЛИ, фонд Деева-Хомяковского).

311. ПК, с. 67, без 4-й строфы. Печ. по ЗР, с. 26. Датируется по содержанию, как близкое по своему звучанию стихотворению «Призыв» (№ 310).

312. ГМС, с. 115. Автограф — в тетр. Под загл. «К Марусе» входило в письмо к Козловой от 20 мая 1906 г. (ГМС, с. 126).

313. ГМС, с. 106. Датируется по письмам к Козловой от 9 и 11 июня 1906 г. По ее свидетельству, написано в Архангельске (ГМС, с. 129 и 131).

314. Печ. впервые по автографу в тетр., без подписи, с пометой: «Холмогоры. Арх<ангельская> губ<ерния>». Датируется временем пребывания Гмырева в Холмогорах.

315. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Л. Г — ев. Датируется по расположению в тетр.

316. ГМС, с. 114, первая строфа, без загл. Печ. по автографу в тетр.

317. Печ. впервые по автографу в тетр. Датировано по расположению в тетр. *Аня Б—рева* — знакомая Гмырева, в 1907 г. поддерживала с ним переписку; ее фамилию установить не удалось.

318. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Л. Печальный. Датируется на основании биографических данных.

319. Печ. впервые по автографу в тетр. Датировано по расположению в ней.

320. Печ. впервые по автографу в тетр. Датировано по расположению в ней.

321. Печ. впервые по автографу в тетр., без подписи. С переводом в конце 1906 г. в херсонскую губернскую тюрьму Гмырев на некоторое время попал в окружение товарищей по борьбе.

322. «Вестник приказчика», 1913, № 7, с. 8, с подзаголовком «Стихотворение умершего на каторге поэта-рабочего». Датируется предположительно на основании биографических данных. Положено на музыку М. Кусс (цикл «Пять романсов»). Г. Д. Деев-Хомяковский, со слов Афонина, указывает в примечаниях к рукописному «Сборнику революционных песен», что Гмыреву «принадлежит и романс «Не жди», долгое время исполнявшийся на концертах» (ЦГАЛИ, фонд Деева-Хомяковского).

323. ЗР, с. 47. Датируется предположительно, по связи со стихотворением № 321.

324. ГМС, с. 140, без загл. Автограф — в тетр.

325. ЗР, с. 35. Мотив смерти объясняется болезнью Гмырева. В письме от 8 марта 1907 г. друг поэта Мина писал ему: «Ты меня утешил, нечего сказать! После всего, что может сказать брат брату, ты сообщил мне, между прочим: „Чухотка вошла в первую стадию своего развития!“» Отрывок из этого письма переписан Гмыревым в тетр.; Мина (он же М. Ф—ка или Фока) — близкий товарищ Гмырева по заключению. Весной 1907 г. он был уже на свободе (о нем есть упоминания в письмах друзей поэта по Николаеву).

326. ПК, с. 62, не полностью, без загл. и эпиграфа. Печ. по ЗР, с. 30. Автограф — в тетр., подпись: Л. Г—в. В ЗР дата ошибочна. Клин Меер-Рувим был убит 17 января 1907 г. помощником начальника херсонской губернской тюрьмы Настичем во время волнений среди политических заключенных, возникших в знак протеста против тюремного режима (Донесение нач. херсонского губернского жандармского управления в ДП от 3 февраля 1907 г., ЦГАОР, фонд ДП). Клин был арестован по делу «О Херсонской объединенной организации РСДРП» (ЦГАОР, фонд ДП). Стихотворение было широко известно среди друзей Гмырева и использовалось ими в агитационной работе. Мина (см. примеч. 325) писал ему 14 апреля 1907 г.: «Исполняя твой завет, учу „К сердцу“ <т. е. „Гори, мое сердце, беспрепятственно, смело...“> и „На смерть К.“. Однажды читал твои произведения „голодранцам“». Письмо переписано Гмыревым в тетр.

327. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ГМС, с. 119. Автограф — в тетр. Датируется по расположению в тетр. и письму к Козловой от 12 марта 1907 г., к которому было приложено это стихотворение (ГМС, с. 134).

328. ПК, с. 68, строфы 1 и 4; полностью, под загл. «К сердцу» — ЗР, с. 34. Печ. по автографу в тетр., подпись: Л. Г—в. Датируется по расположению в тетр. и записи Мины (см. примеч. 325). Было широко известно товарищам Гмырева на воле и в тюрьме, использовалось ими в пропагандистской работе. В письме к Гмыреву от 22 июня 1907 г. Анята Б—рева (см. о ней примеч. 317) сообщала: «Фока прочел мне ваше стихотворение «К сердцу». Оно мне безумно нравится» (тетр.). Положено на музыку М. Кусс (цикл «Пять романсов»).

329. Печ. впервые по автографу в тетр. Датируется по расположению в тетр. и письму М. Ф—ки к Гмыреву. М. Ф—ка — см. о нем примеч. 325. Стихотворение, по-видимому, — ответ Гмырева на письмо Мины от 8 марта 1907 г., отрывок из которого переписан Гмыревым в тетр.: «Милый Леня! Опять я молчу... Но чем объяснить такое явление? Просто болезнью, друг мой, ничем иным. Твое письмо есть одна из прекраснейших вспышек горячего, но недолгого огня, после чего, я знаю, наступит «быстрое хождение» с угла в угол. Вот, брат, тот же недуг и меня мучит, и мучит он многих и многих... Имею для тебя карточку. Снялся с «голодранцем». Он читал твоё произведение и очень, очень сподобав <сочувственно отнесся>» (тетр.).

330. Печ. впервые по автографу в тетр.

331. КМ, с. 72. Утраченный текст восстановлен Козловой по памяти и передан в ЦГАЛИ. По свидетельству Козловой, стихотворение было приложено Гмыревым к адресованному ей письму от 12 марта 1907 г.

332. КМ, с. 70. Автограф — в тетр. Датируется по письму к Козловой, написанному между 20 марта и 21 апреля 1907 г., в тексте которого приведена первая строфа стихотворения, и по расположению в тетр. В данном письме Гмырев признавался: «Мои сердечные любовные мечты бьются о стенки твоей души и рассыпаются у твоих ног, пламенные, как моя любовь, и горячие, чистые, как слезы. Рассыпаются потому, что душа твоя для меня слишком недоступна. Высокая, сильная душа, идеалом которой служит скорее тихое, серенькое, спокойное счастье. Но все же я люблю тебя! Люблю еще больше, чем прежде. Отчего это, я не знаю. Что бы я ни стал делать, образ твой всегда со мной» (тетр.).

333. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Ленька. Датировано по расположению в тетр.

334. ГМС, с. 116, четыре первые строфы. Печ. по автографу в тетр., подпись: Л. Печальный. Датируется по расположению в тетр.

335. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Л. Печальный. Датируется по расположению в тетр.

336. «Вечерние известия», отрывок; ПК, с. 61, сокращенный текст. Печ. по автографу в тетр. с восстановлением строфы 3 по тексту ПК, опущенной в тетр., по-видимому, в целях коноспирации. Полный текст стихотворения, вынесенный кем-то из тюрьмы нелегально, хранился у Афонина среди других бумаг Гмырева, которыми пользовался В. М. Фриче для своих статей о поэте. Настроения, переданные в стихотворении, очень близки к тем, которые выражены в письме Гмырева от 25 марта 1907 г. к П. С. Щербакову — другу по работе и борьбе в Николаеве: «Вот и весна! Ласково и приветливо глядит солнышко в маленькое оконце моей душной тюрьмы, и светлые лучи засверкали по серым и угрюмым стенам, выцветшему полу и такой же, как стены, серой жесткой постели. А за окном весна. Высоко в синеве лазурного неба медленно плывут и грустно тают беленькие, как первый снежок, облака ... Как хорошо теперь там, на воле!» (тетр.). Маш. список трех строф, восстановленных Козловой по памяти и озаглавленных «Как хорошо на воле!», — ЦГАЛИ (фонд Гмырева).

337. Печ. впервые по автографу в тетр. Датируется по расположению в ней.

338. ГМС, с. 108, без загл. Автограф — в тетр. Под загл. «Посвящая тебе» включено Гмыревым в текст письма к Козловой от 15 апреля 1907 г. (ГМС, с. 147). В более подробном тексте того

же письма, занесенном Гмыревым в тетр., он писал: «Отчего ты так долго не отвечаешь на мои письма?.. Впрочем, ты мне вообще перестала писать. А я пишу. Пишу, потому что не могу молчать, когда сердце так полно любви и страдания. Письма хоть несколько, но все же облегчают мои муки. Молчанье же губительным образом отзывается на моем не только душевном, но и физическом состоянии...»

339. ГМС, с. 118, не полностью. Печ. по автографу в тетр. Датируется по расположению в ней.

340. ПК, с. 58 и 67—68, не полностью. Печ. по автографу в тетр. В ПК после шестой строфы следуют две строки, отсутствующие в тетр.:

Вдруг из вскового мрака черной ночи
Раздались призывы к свету и борьбе.

Перед последней строфой в ПК четверостишие:

Всех объединили общие невзгоды,
Всех сроднил позорный ненавистный гнет.
И во имя права попранной свободы
Поднялся, как море, труженик-народ.

341. Печ. впервые по автографу в тетр. Обращено к Козловой. Датируется по расположению в тетр.

342. Печ. впервые по автографу в тетр. Датируется по расположению в ней.

343. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Л. Печальный. Датируется по расположению в тетр. В этот период Гмырев тяжело переносил разлуку с товарищами по борьбе. Своими настроениями он делился с Козловой в марте—апреле 1907 г.: «Что теперь делается в Николаеве, я ничего не знаю... Переписка с друзьями за последнее время проходит очень вяло, хотя надеюсь на скорое ее оживление. Живое, дружеское слово в настоящее время служит для меня самой главной и необходимой потребностью...» (тетр.).

344. «Вечерние известия», отрывок. Полностью — ЗР, с. 25, под заглавием «Мои песни». Печ. по автографу в тетр., датируется по расположению в ней. На одной странице с текстом стихотворения в тетр. рукою Гмырева запись, перекликающаяся с содержанием его: «Редко навещает меня моя грустная, одинокая муза. Но зато в свиданиях со мной она заставляет меня забыть настоящее и нежно шепчет мне на ушко картинку моего счастливого недавнего прошлого. Но настоящее в большинстве случаев не дает в достаточной мере остановиться на прошлом, в результате чего получают песни горьких тюремных переживаний. Слагаются мною некоторые мои песни как-то помимо моей воли. И разум, и чувство редко приближают к себе прошлое, а лишь бесконечно полны обидой и негодованием на злое кошмарное настоящее. Эх, на волю бы теперь, на

волю! Ленка» (тетр.). Положено на музыку М. Кусс (цикл «Пять романсов») под заглавием «Мои песни».

345. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по автографу в тетр. Датируется по расположению в тетр. Положено на музыку М. Кусс (цикл «Пять романсов»).

346. Печ. впервые по автографу в тетр. Датируется по расположению автографа в ней. У Сухановой (см. о ней на с. 398) сохранился вариант стихотворения, в котором между 5-й и 6-й строфой имеются еще две строфы:

И силой свободного пенья
В пылу беспредельной любви
Разбить роковые сомненья
И черные думы мои.

И всё, что давило без меры
Жар юных стремлений моих,
Любовь и горячую веру
В борьбу и людей дорогих.

Маш. список первых двух строф, озаглав. «Элегия» (текст восстановлен по памяти Козловой), — ЦГАЛИ. В примечаниях к ним она сообщает: «В одном из своих писем из тюрьмы Гмырев писал, как однажды один из товарищей по камере взял простой кусок дерева, натянул на него вместо струн катушечные нитки и, сделав такой же примитивный смычок, заиграл. „Я стоял как зачарованный у открытого окна, смотрел в ночную даль и слушал. Слушал с дрожью во всем теле. Вот где было искусство!“» (ЦГАЛИ, фонд А. М. Гмырева).

347. Печ. впервые по автографу в тетр.

348. Печ. впервые по автографу в тетр., без подписи, датируется по расположению в пей. Созвучные настроения — в письме к неизвестной Марии Н—ской от 7 мая 1907 г. «Пишу эту записочку, а в открытые окна сквозь решетки глядят теплая безмолвная ночь, звезды, небо. Неподвижный воздух полон аромата расцветших акаций. Все спит. Не спит лишь мое одинокое сердце да всепобеждающая мысль страстной, бесконечной нитью летит в глубину ночи, полная надежд на светлое, счастливое будущее...» (тетр.). Мария Н—ская (она же Неточка) — друг одного из товарищей Гмырева по херсонской тюрьме, Григория Л., фамилию которого установить не удалось. Гмырев переписывался с ней в 1907 г.

349. Печ. впервые по автографу в тетр., подпись: Л. Печальный. Датируется по расположению в тетр.

350. ПК, с. 60. Текст стихотворения, адресованного Козловой, включен в письмо Гмырева к неизвестному другу Ане от 3 июля 1907 г. (ГМС, с. 154). 22 июня 1907 г. Гмырев писал Козловой: «В пятницу <29 июня 1907 г.> возможно, что я буду проходить

этапом через Николаев... выйди для встречи меня к утреннему поезду» (ГМС, с. 152). Положено на музыку Д. Д. Шостаковичем — цикл «Хоровые поэмы» (№ 4).

351. ГМС, с. 159. Входило в письмо к Козловой от 6 июля 1907 г. (ГМС, с. 156).

352. ПК, с. 69. Печ. по маш. списку с автографа, сохранившемуся у Сухановой (о ней см. с. 398), дающему более полный текст. Датируется по связи с письмом к Козловой от 6 июля 1907 г.; о своих встречах с нею осенью 1905 г. Гмырев писал как о «счастливых мгновеньях» своей жизни: «Мало, очень немного их было в жизни, но зато они так хороши и прекрасны, что я готов страдать за них долгие, долгие годы» (ГМС, с. 159).

353. ЗР, с. 49. Включено в текст письма Гмырева от 27 или 28 сентября 1907 г. к старшему брату поэта Афанасию (ЗР, с. 49).

354. ЗР, с. 43. Датировано на основании биографических данных. В *бледных красках утонуло Мечтаний летних волокно*. С побегом 24 июля 1907 г. А. И. Прочухана — одного из главных обвиняемых по делу об убийстве помещика (см. биограф. справку, с. 326) — судьба Гмырева чрезвычайно осложнилась, и он стал сомневаться в возможности вырваться на волю.

355. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ЗР, с. 32. Отклик Гмырева на судебный процесс группы учащейся молодежи Елисаветграда (осень 1907), обвиненной в убийстве двух черносотенцев. На основе этого стихотворения, как сообщил Афонин Г. Д. Дееву-Хомяковскому, в елисаветградской тюрьме была создана песня «Суд», с которой политические заключенные уходили на каторгу:

Мы с верой в рабочий народ
Готовились к смертному бою.
Лишь с боем мы взяли б свободу...
Суровые судьи глядят,
Суд кончен, и вот результат:
На всех, кроме двух малолетних,
Тяжелые цепи гремят...
Но с верой в рабочий народ
Готовьтеся к смертному бою,
Лишь с боем возьмем мы свободу.

(«Сборник революционных песен» — ЦГАЛИ, фонд Деева-Хомяковского).

356. ЗР, с. 37. *Мава* — лесная русалка.

357. Печ. впервые по автографу на отдельном листе (ЦГАОР). Включено в письмо от 23 декабря 1907 г. к неизвестному адресату (вероятно, А. В. Семеновой). *Кельей* называлась у тюремщиков одиночная камера в каторжных тюрьмах.

358. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ЗР, с. 29. Имена казенных установить не удалось. Положено на музыку Д. Д. Шостаковичем — цикл «Хоровые поэмы» (№ 5).

359. ЗР, с. 28. Датируется предположительно по содержанию. *Они победили*. Имеется в виду временная победа реакции в период 1907—1910 гг. *Рекою крови Залиты четыре свободы*. Речь идет о свободах совести, слова, собраний и союзов, обещанных манифестом 17 октября 1905 г. и нарушенных буквально в тот же день контрреволюционными выступлениями, сопровождавшимися кровавыми еврейскими погромами более чем в ста городах России (в том числе и в Николаеве). *С Думой спешат Покончить крамольные счеты*. Подразумевается государственный переворот третьего июня 1907 г., когда II Государственная дума была разогнана, утвержден новый избирательный закон, еще более ограничивший представительство крестьян и рабочих, а депутаты социал-демократы арестованы. Положено на музыку Д. Д. Шостаковичем — цикл «Хоровые поэмы» (№ 8).

360. ЗР, с. 27. Датируется предположительно по содержанию.

361. ЗР, с. 47. Датируется предположительно по связи с письмом к брату Афанасию от 27 или 28 сентября 1907 г. (ЗР, с. 49).

362. «Правда», 1912, 10 октября. Последнее стихотворение из числа опубликованных в «Правде» за подписью «Алексей Гмырев». Датируется предположительно по содержанию.

363. «Вечерние известия», последняя строфа; «Ржаной венок», М., 1924, с. 82, две первые строфы, с примечанием Афонина о том, что стихотворение было адресовано Семеновой в канун 1908 г. По сообщению А. В. Семеновой (Мищенко), дальней родственницы Афонина, автограф стихотворения (позже утраченный) имел более полный текст. С осени 1907 г. Семенова ходила к Гмыреву на свидания в период его пребывания в елисаветградских тюрьмах и вела переписку с ним вплоть до смерти поэта. Еще при жизни Гмырева она помогала Афонину в сборе и подготовке к печати его произведений.

364. ЗР, с. 31, с искажением. Печ. по списку в тетр., сделанному неизвестным лицом и им же подписанному «Леня Г.». Уже осужденный на каторгу, Гмырев писал Козловой 23 февраля 1908 г.: «Положение вещей в нашей российской действительности не может быть вечно одинаковым. За 6 лет во всем нашем прогнившем укладе обязательно должны произойти резкие перемены, и, конечно, не к худшему, а к лучшему. В этом я глубоко убежден» (ЗР, с. 54).

365. Печ. впервые по списку (без подписи) в тетр., сделанному неизвестным лицом. Датируется по расположению в тетр.

366. ПК, с. 67, без загл. и 2-й строфы; ЗР, с. 28, четыре строфы. Печ. по ПК с восстановлением 2-й строфы по ЗР.

367. ЗР, с. 42. Датируется на основании письма к Козловой от 23 февраля 1908 г. (ГМС, с. 164). «Сон» написан в форме акростиха.

368. ЗР, с. 36. Печ. по датированному списку в тетр. (подпись «Л. Гмырев» рукой Афонина).

369. ПК, с. 69, не полностью. Печ. по ЗР, с. 39.

370. Печ. впервые по списку в тетр., без подписи. Датируется по расположению в тетр.

371. Печ. впервые по списку в тетр., без подписи. Датируется по расположению в тетр. *Болгаров* Иван Григорьевич (1888?—1921) — друг Гмырева. Посещал поэта в тюрьмах Елисаветграда в 1907—1911 гг.

372. ЗР, с. 40.

373. ЗР, с. 45. Одно из первых стихотворений, написанных зимой 1908 г. в новой елисаветградской каторжной тюрьме, где Гмырев был на положении уголовного.

374. ЗР, с. 46. Датировано по связи со стихотворением № 368.

375. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ЗР, с. 30. Отклик на резко участвовавшие в 1908 г. смертные казни.

376. ПК, с. 68, без 3-й и 4-й строф. Печ. по сб. «Ржаной венок», М., 1924, с. 113, где опубликовано с ошибочной подписью «С» и с подзаголовком «Другу по тюремной жизни Е. Л. Афонину». Датируется предположительно по содержанию.

377. ПК, с. 62, не полностью. Печ. по более полному тексту СТ, с. 94, где приведены строки, восстановленные Козловой по памяти.

378. ЗР, с. 39. Сонет обращен к Козловой. *Туда, на знойный юг.* Имеется в виду Николаев, где жила Козлова.

379. «Вечерние известия».

380. ЗР, с. 43.

381. ЗР, с. 42.

382. ЗР, с. 44. По свидетельству Козловой, было приложено к письму Гмырева, адресованному ей 22 декабря 1909 г.

383. ЗР, с. 44.

384. Печ. впервые по списку, сделанному Семеновой с датированного автографа (ЦГАОР).

385. «Правда», 1912, 28 апреля, подпись: Алексей Гмырев; «Невская звезда», 1912, 3 мая; «Правда», 1912, 30 мая, без 3—4-й строк.

В ЗР, с. 35, опубликован вариант с датированного автографа стихотворения, присланного Гмыревым Козловой. Печ. по первой публикации, поскольку текст ее отличается наибольшей исправностью.

386. «Вечерние известия»; ПК, с. 69, последняя строфа. Печ. по «Вечерним известиям». Обращено, по-видимому, к Козловой.

387. ЗР, с. 32.

388. ЗР, с. 38. *Эреб* (греч. миф.) — вечный мрак, преисподняя.

389. «Вечерние известия»; ПК с. 62, не полностью. Полностью — сб. «Ржаной венюк», М., 1924, с. 112, где за подписью «С» опубликован текст с большими дефектами и ошибочным подзаголовком «Из тюремной жизни тов. Афоина». Печ. по сб. «Ржаной венюк» с исправлением ошибок и погрешностей по «Вечерним известиям» и ПК. «*Восьмое*». По восьмым числам каждого месяца в новой елисаветградской каторжной тюрьме, где Гмырев находился с конца 1908 г. по апрель 1911 г., давались 15-минутные свидания с родными. В этот период Гмырева навещали лишь елисаветградские друзья и один раз, 8 августа 1910 г., приезжала из Николаева Козлова. Об этом свидетельствуют многие письма; 17 февраля 1910 г. Болгаров сообщал Козловой: «Разнообразие в его жизнь вносит только свидание, которое он имеет один раз в месяц, восьмого числа. Свидание проходит так быстро! Продолжительность 15—20 минут» (ЛФКА).

390. ПК, с. 66.

391. Печ. впервые по копии, переписанной Семеновою с датированного автографа (ЦГАОР). Трагические мотивы стихотворения отражают тяжелое состояние Гмырева в связи с тем, что с весны 1910 г. он должен был быть отправлен на поселение, но внезапно вновь был возвращен в одиночное заключение.

392. Печ. впервые по автографу (без подписи) на отдельном листке (ЦГАОР). Датируется по письму Гмырева к Козловой от 25 августа 1910 г.: «Мы повидались. Ничего не успела ты рассказать мне, но твои слезы больше всяких речей убедили меня, что моя ты, вся моя нераздельно и мыслями и телом, и мне ли не любить тебя за это? Милая, прости мне все, все, прости и уверуй в любовь мою так, как я теперь верую. Не надо сомнений и обидных размовок» (ГМС, с. 171).

393. ЗР, с. 33.

394. Сб. «Ржаной венюк», М., 1924, с. 84. В апреле 1911 г. Гмырев писал Козловой, к которой, очевидно, обращено стихотворение: «Ты собираешься приехать ко мне. Светлая, дорогая, любимая, — торопись» (ГМС, с. 182).

395. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по копии с автографа, переписанного, по-видимому, И. К. Коробовым, поэтом-сури-

ковцем, помогавшим Афонину в 1913—1915 гг. в публикации поэтического наследия Гмырева. Стихотворение отражает угнетенное состояние поэта, чувствовавшего приближение смерти. С апреля 1911 г. Гмырев находился в херсонской каторжной тюрьме. «Всех близких с приходом сюда потерял. Одинок ужасно», — писал он Козловой 11 апреля 1911 г. — «...Здоровье мое окончательно расшаталось. Лежу здесь в полубольнице и мучительно жду рокового врачебного освидетельствования», а 29 апреля 1911 г. горько иронизировал по адресу тюремщиков: «Затерявшись в упорядоченных безднах бумагозаконностей, считают пятилетнюю разлуку жёниха с невестой вполне естественным явлением и отнюдь не впадают в зазрение совести, продляя разлуку до десяти лет... Закон!» (ГМС, с. 184 и 185).

396. «Вестник приказчика», 1913, № 6, с. 5, с подзаголовком «Посмертное стихотворение рабочего». 3 февраля 1913 г. Афонин писал Козловой: «Я вам послал журнал, в котором перепечатано стихотворение Лени» (ЛФКА).

397. «Вечерние известия», не полностью. Печ. по ЗР, с. 46. Датируется по содержанию.

398. «Правда», 1912, 13 сентября, подпись: Алексей Гмырев. Перепечатано без изменений в «Невской звезде», 1912, 16 сентября. Перед текстом стихотворения в «Правде» помещен небольшой некролог «Памяти А. Гмырева», написанный Афониним и заканчивающийся словами: «Сегодня мы помещаем посмертное стихотворение, присланное его друзьями». В письме к Козловой, от сентября 1912 г., сообщая ей историю публикации этого стихотворения, Афонин писал: «Я послал в питерскую газету «Правда» маленькую заметку и стихотворение «Я умру». И то и другое напечатали 13 сентября. Число 12-е <дату смерти Гмырева> напечатали по ошибке». На сохранившейся вырезке из газеты «Правда» — приписка рукою Афонина: «Переделано». На обратной стороне вырезки рукою Козловой помечено: «Первую строку следует читать: «Я умру, но со мною в тюрьме не умрут пролетарские песни мои» (ЛФКА). Тексту стихотворения, опубликованному в «Невской звезде» три дня спустя, также предпослана небольшая биографическая справка «Памяти поэта А. Гмырева». Есть некоторые основания предполагать, что автором ее был брат поэта Афанасий, выступавший в печати под псевдонимом «А. Дикий». Положено на музыку М. Кусс (цикл «Пять романсов»).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 48 и 49.* Е. Е. Нечаев. Фотография 1921 г. (ЦГАЛИ).
2. *Стр. 77.* Автограф ранней редакции стихотворения Е. Е. Нечаева «Памяти Н. А. Некрасова» (ПД, коллекция А. И. Яцимирского).
3. *Между стр. 192 и 193.* Открытка 1915 г. с фотографией Ф. С. Шкулева и текстом его стихотворения «Гимн труду».
4. *Между стр. 224 и 225.* П. А. Травин, Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шкулев весной 1925 г. около дома Шкулева в Печатниках (фотография из собрания А. М. Стемпковского).
5. *Стр. 273.* Автограф ранней редакции стихотворения Ф. С. Шкулева «Яснеет даль. Ярчею блики...» (ПД, фонд Некрасовского музея).
6. *Между стр. 336 и 337.* А. М. Гмырев. Фотография 1910 г.
7. *Стр. 347.* Страница тетради А. М. Гмырева, отобранной у Е. Л. Афонина при обыске (ЦГАОР). Автографы стихотворений «К морю» (фрагмент) и «Ты забыла меня. Что ж! Удары судьбы...».

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков русской пролетарской поэзии. <i>Вступительная статья</i> <i>А. М. Бихтера</i>	5
--	---

Е. Е. НЕЧАЕВ

<i>Биографическая справка Р. А. Шацевой</i>	33
1. На работе («Всё дружнее идет работа...»)	39
2. Перед шабашом	40
3. Неудача	41
4. На работу («Ширь и дали муть ночная...»)	43
5. Осень («Дождливое, хмурое небо...»)	44
6. Кумушки	46
7. Безработный	47
8. Гусяр	49
9. Думы («Каждый день одно и то же...»)	54
10. Душно	55
11. Песня хрусталей	56
12. Покос	58
13. Дождь («Нестерпимо в полдень знойный...»)	58
14. Бор	59
15. Сила песни	60
16. Колыбельная песня хрустальщиков	61
17. Вечер	62
18. Больной	63
19. Свирель	66
20. Не грусти. <i>Песня</i>	68
21. Песня («Лейся, песня моя, среди безмолвных полей...»)	69
22. Природа	70
23. «Хоть ты уже не та, что в годы молодые...»	71
24. Маяк	71
25. Май	72
26. Из осенних мотивов («Вот и осенний пришел холодак...»)	72
27. «Как в игривом блеске утра золотого...»	73

28. Язычица	74
29. Море	75
30. Памяти Г. И. Успенского	76
31. Памяти Н. А. Некрасова	76
32. Памяти А. Н. Плещеева	78
33. Певец («Я по призванию певец...»)	79
34. Другу	80
35. Привет	81
36. Правда	81
37. В отчаянии	82
38. Суровый край	83
39. Гутарям	84
40. Мой храм	85
41. Вперед («О, будь ты проклят нами, дикий...»)	86
42. Голос души	87
43. «Мне хотелось бы песню свободную спеть...»	89
44. Кто он?	89
45. Песня старика поэта	91
46. Моя песня («Под звон железа и стекла...»)	92
47. В тюрьме	93
48. В бессонницу	94
49. О свободе («Всем сердцем чту тебя, свобода...»)	95
50. Простое слово	96
51. Старик	97
52. К родине («Родина милая, край дорогой...»)	98
53. Песня невольника	98
54. Пой, певец	99
55. Родина («Пусть много зла я видел в жизни...»)	100
56. Завет	102
57. Сирота	102
58. Памяти А. В. Кольцова	103
59. Тип	103
60. Певец («С великою верой...»)	104
61. Дорога	105
62. Вправо	106
63. Певцу («Оставь, певец, цветы в покое...»)	107
64. У старого дуба	108
65. Сказка	109
66. Рецепт	112
67. Патриот	113
68. Шалости	114
69. «Говорят, есть край далекий...»	115
70. Синдикат	116
71. Встреча	117
72. Ночь	118
73. Кто мой друг?	119
74. «Гаснет заря за горою...»	120
75. «Меркнут широкие дали...»	121
76. «Смотрит широкая нива...»	122
77. В деревне («Милый внук, да правда ль это...»)	123
78. Гимн пролетарским птенцам	124
79. Гроза	126

80. Поэту-рабочему	127
81. В деревне («Через минуту-другую и дома...»)	128
82. Свобода («После грозного ненастья...»)	129
83. В наши дни	130
84. У могилы Шевченко (<i>Ко дню рождения 25 февраля 1814—1919 г.</i>)	131
85. Гудок	131
86. Песня рабочего	133
87. Привет 7 ноября 1919 года	134
88. Вперед («Мы войско мести роковой...»)	135
89. Хата	136
90. Дед	137
91. У могилы И. З. Сурикова <i>24 апреля 1880 г.</i>	138
92. Весна	139
93. Внуку	140
94. Утро	141
95. Брату поляку	142
96. Люблю я	143
97. В. И. Ленину	144
98. Сумерки	145
99. О себе	145
100. Тройка	146
101—103. Гута до и после революции	
1. Гута первая («Мне тебя не забыть никогда...»)	146
2. Гута вторая («Зубчатых теней ложится полог...»)	148
3. Гутарь-художник	149
104. Дядя Иван	150
105. Дождь («Солнце глядится нежгуче...»)	152
106. Осенью («Хорошо с головой в серебре...»)	153

ПЕРЕВОДЫ

С польского

Мария Конопницкая

107. «Жизнь — вода. Кто малой чаркой...»	154
108. «Кто тебя, деревня, станет...»	155
109. «Если б видело ты, солнце...»	156
110. На свирели	156
111. «Почему же дубы не от молнии пали...»	157

С украинского

Тарас Шевченко

112. Маленькой Марiane	157
113. <Из цикла «Молитвы»>	158

Андрей Бобенко

114. Слезы матери	159
-----------------------------	-----

С белорусского

Якуб Колас

115. В поле	160
116. Мужик	161

Янка Купала

117. «Я — мужик-белорус...»	163
118. Надгробное	164
119. «Пан, хоть лопни ты, хоть тресни...»	166
120. Лютое горе	167

С латышского

Ян Райнис

121. Памяти юноши. <i>Элегия</i>	168
122. «Если победил ты, то веселым будь...»	168
123. Новое здание	169
124. Возвращение домой	169
125. «Ты к свету подымай чело...»	169
126. Неустанная борьба	170
127. Заря	171

С армянского

Александр Цатурян

128. Труженики земли	171
--------------------------------	-----

Ф. С. ШКУЛЕВ

<i>Биографическая справка Р. А. Шацевой</i>	175
---	-----

129. Думы («О, зачем вы, мои думы...»)	181
130. Думы и размышления («Размышляет доктор, сидя в кабинете...»)	182
131. Колосья	183
132. Прачка	183
133. Ткач («Стучи, стучи, машина...»)	184
134. Плотник	185
135. Песня газовиков	185
136. Старый дуб	186

137. Царица-осень («Осень смелыми шагами...»)	187
138. Не тужи	188
139. Пахарь	189
140. «Это ты, моя родина милая?..»	190
141. «Кто хочет в жизни научиться...»	190
142. «Тебе не страшны жар и холод...»	191
143. В заводе («Громадные стены, как листья, дрожат...»)	192
144. Каменщик	193
145. Пильщик	193
146. «Не умер Гоголь. Он живет...»	194
147. Я за работой	195
148. Ранней весной («Бурее лес, объят дремотой...»)	196
149. Из-под шумных сводов. <i>Из Ады Негри</i>	196
150. На жнивье	197
151. Город	198
152. Огни правды	199
153. Пробуждайся, народ!	199
154. Я не просить пришел...	200
155. Не время спать!	201
156. Зимой в деревне	202
157. Нас много...	202
158. Белый раб	203
159. Верь! («Время пронесется...»)	204
160. Я верю («Я верю глубоко в грядущую свободу...»)	205
161. Коняга	205
162. Весной на мельнице («Ломая зимний лед, весна идет, идет...»)	206
163. Слово	207
164. Новый дом	208
165. Гимн труду	208
166. Орел	210
167. Желанная песня	210
168. Памяти И. З. Сурикова	211
169. Довольно	212
170. Безработные	212
171. Великан	213
172. Лейся, песня моя!	214
173. Вставайте, силы молодые!	215
174. Рабочий	216
175. 9 января 1905 года	216
176. «Я — раскаленное железо!..»	217
177. «Порвались ржавые цепи...»	217
178. «Патронов не жалеть!»	218
179. Красное знамя	218
180. На баррикадах	219
181. В дни революции	220
182. «Как волны бурливые моря...»	220
183. Дорогой цветок	221
184. Первое мая	222
185. Не верю! («Тяжелые тучи...»)	222
186. Бобыль	224
187. Не тот герой	225

188. Песнь, рожденная в неволе	225
189. На мельнице («Люди — точно изваянье...»)	226
190. Куем	227
191—193. Кузнецы	
1. «Мы кузнецы, и дух наш молод...»	228
2. «Поднимайте дружно молот, кузнецы...»	228
3. «— Для чего, — меня спросили...»	229
194. Деревенский кулак	230
195. Воля	231
196. Всё по-старому (<i>В деревне</i>)	231
197. Свобода	232
198. Новая пашня	232
199. Письмо из деревни	233
200. К Думушке	234
201. Мой стих крылатый	234
202. Из песен о тюрьме («С тайной думой, с тяжким вздохом...»)	235
203. Молотьба	235
204. Телеграфист	236
205. На заводе («Весна... На заводе...»)	237
206—208. Из моего прошлого	
1. «Под шум приводов и машин...»	238
2. «Я не знавал отрадной доли...»	239
3. «Средь непогодушки, рока жестокого...»	241
209. Моей матери	242
210. Барин и мужик. <i>Шутка</i>	243
211. Как будто из Гейне	244
212—213. Другу	
1. «Под бури стон и ветра вой...»	245
2. «Думы заветные, мысль благородную...»	245
214. «Люблю я осени картины...»	246
215. Не проси	246
216. Сапожник	247
217. Путевой сторож	248
218. Ремонтный рабочий	248
219. В столярной мастерской	249
220. Утро	250
221. «Влекли меня к себе безоблачные дали...»	250
222. Не грусти	251
223. Не падайте духом	251
224. Горький смех	252
225. В тюрьме («За тюремную решеткою...»)	253
226. Поп и крестьянин	254
227. Мастерской	255
228. Не пойму	256
229. Письмо из провинции	257
230. И. Е. Монахову. 1884—1909	257
231. Русский соловей	258
232. Раёк	259
233. Кто?	260
234. Гусяр	260
235. Зима («Я — Зима, породы князей...»)	262

236. У обедни	263
237. Житье мужика	264
238. Поэт и редактор	264
239. Оттепель	266
240—241. В пути	
1. «Музыкально кони топали...»	266
2. «Бодрая, нежная...»	267
242. Наборщики	267
243. Опять	268
244. Памяти И. С. Никитина	269
245. Тихо	270
246. «Смелей вступай в борьбу с судьбою...»	270
247. Пророков нет	271
248. Гуди, набат!	272
249. Светлеет мир	272
250. Звяк	274
251. Воробей	274
252. Не вечно	275
253. Где?	276
254. Титовский дом	276
255. Моя муза	277
256. Гаданье	278
257. Тройка	278
258. Тоска по родине	279
259. Чем Русь славилась	280
260. К народу	281
261. Революция	282
262. Борцы	283
263. Октябрь	283
264. Думы Разина	284
265. Гимн коммунаров	286
266. Памяти борцов, павших в октябрьские дни 1917 г.	287
267. Новый год	288
268. Кузнец («Весь в поту, от пыли черен...»)	289
269. Песня-марш Рабоче-крестьянской Красной Армии	290
270. Я коммунист	291
271. Здравствуй, Русь!	292
272. С песней	292
273. Русь	293
274. Маки алые	294
275. Мир	295
276. Буду я полосыньку...	296
277. Завод («Могуч, всемогущ, величав...»)	296
278. Весеннее	297
279. Грядущее для рати трудовой	297
280. Свободная гражданка	298
281. Пылай, душа	299
282. Засуха	299
283. Идите с нами!	300
284. В деревне («Ребра хат позеленели...»)	301
285. Пахаря труд	301
286. Осеннее («Дымятся хмурые овны...»)	302

287. Мы — пролетарские поэты	303
288. Кружку «Рабочая весна»	303
289. Настя	304
290. Песня ткача («Ткем мы прочные полотна...»)	305
291. Песня мостовщиков	306
292. Гудки	306
293. Это мы (Пролетарии)	307
294. Гимн юных коммунаров	308
295. Рожь	309
296. Красные песни	309
297. Рабочее утро	310
298. Мы пилоты	311
299. Раньше и теперь	312
300. Тальянка	313
301. Праздник труда	313
302. Вождь в гробу	315
303. Крестьянке	315
304. Декабрьское восстание (1905 год)	316
305. Памяти Е. Е. Нечаева	318
306. Хлебороб	319
307. Новая жизнь	320

А. М. ГМЫРЕВ

<i>Биографическая справка О. Е. Афоной</i>	323
308. Ладья жизни	329
309. Беглец	330
310. Призыв	331
311. Набат	331
312. «Не грусти, не тоскуй, умоляю тебя!..»	332
313. К Марусе («Лети, моя песня, на юг благодатный...»)	332
314. «От простора и шири привольных степей...»	333
315. К М<ару>се К<озло>вой («Счастье мое, радость!..»)	333
316. Последний луч	334
317. Посвящается Ане Б — ревой	334
318. Из стен тюрьмы	335
319. К М. А. Козловой («Грустно мне, родная! Почему — не знаю...»)	335
320. В тюрьме	336
321. С Новым годом!	337
322. Не жди меня	338
323. Алая	338
324. Мои песни	339
325. «Умирая во мраке холодном...»	339
326. На смерть М. К<лин>а	340
327. «Если, от душевной муки изнывая...»	341
328. «Гори, мое сердце, бестрепетно, смело...»	341
329. К другу	342
330. К солнышку	342
331. Кречет	343
332. Забвенья нет	343

333.	«Ты истомилась без меня; я знаю...»	344
334.	К морю («К морю грозному, далекому...»)	344
335.	«Ты забыла меня... Что ж! Удары судьбы...»	346
336.	Весна	346
337.	«Смотрит небо голубое...»	348
338.	К М. А. К<озло>вой («Ни тюрьма, ни борьба, ни лишения...»)	349
339.	К Марусе («Дорогая, вечно милая...»)	350
340.	Благовест	351
341.	«Я верю, родная, что ты не забыла...»	352
342.	Прощание	353
343.	«Перестань, мое сердце, не бейся...»	353
344.	«Нет в моих песнях ни тени искусства...»	354
345.	Грезы	355
346.	Под звуки скрипки	356
347.	Днем	356
348.	Ночью	357
349.	Утро	358
350.	При встрече во время пересылки	358
351.	«За миг святой любви, за миг святого счастья...»	359
352.	«Счастливый миг! Я не забуду...»	359
353.	«Сомненья чужды нам. Мы молоды и сильны...»	360
354.	В сентябре	360
355.	После суда	361
356.	Полночная	361
357.	Посвящение	362
358.	Казненным	363
359.	Они победили!	363
360.	Буря	364
361.	Моим врагам	365
362.	Узница	365
363.	«Пусть жизнь безрадостна, пусть жизнь полна страданья...»	366
364.	«Над залитым кровью миром, изнемогшим от страданья...»	366
365.	Другу узнику	367
366.	За волю	368
367.	Сон	369
368.	В море («Стонет, рокочет могучее море...»)	369
369.	Русалочка	370
370.	«Милый мой, славный, хороший, далекий!...»	371
371.	На груди природы	372
372.	На озере	372
373.	В метель	373
374.	Хорошо умереть	374
375.	Казнь	375
376.	Лес шумит	375
377.	Уныние	376
378.	На заре	377
379.	Облака	377
380.	Летней ночью	378
381.	«Год за годом без участия, без любви, борьбы и счастья...»	378

382. К осени	379
383. «Нет дороги! Ночь кошмарная...»	379
384. Кузнец	380
385. Сокол	381
386. Посвящается той, кто любит, как я	381
387. Кошмар	382
388. Ночь идет	382
389. «Восьмое»	383
390. «Эх ты, жизнь моя...»	383
391. «Утихни, скорбь моя, о воле...»	384
392. Прости	385
393. «Не от мира сего»	386
394. «Приди. Спаси меня...»	388
395. «Майская ночь над землей опускается...»	388
396. Счастье жизни	389
397. «Вот\и прожита жизнь. Оглянусь ли назад...»	389
398. «Я погибну, но вместе со мной не умрут...»	390
Примечания	391
К иллюстрациям	441

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский*

У ИСТОКОВ РУССКОЙ
ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965, 452 стр.
Тем. план вып. 1965 г. № 546

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 23/IV 1965 г. Подписано в печать 23/VII 1965 г.
М 26003. Бумага 84×108/32. Печ. л. 14^{1/8}+ 4 вкл. 24,15. Уч.-изд.
л. 21,63. Тираж 10 000 экз. Заказ № 939. Цена 83 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Государ-
ственного комитета Совета Министров СССР по печати, Крас-
ная ул., 1/3